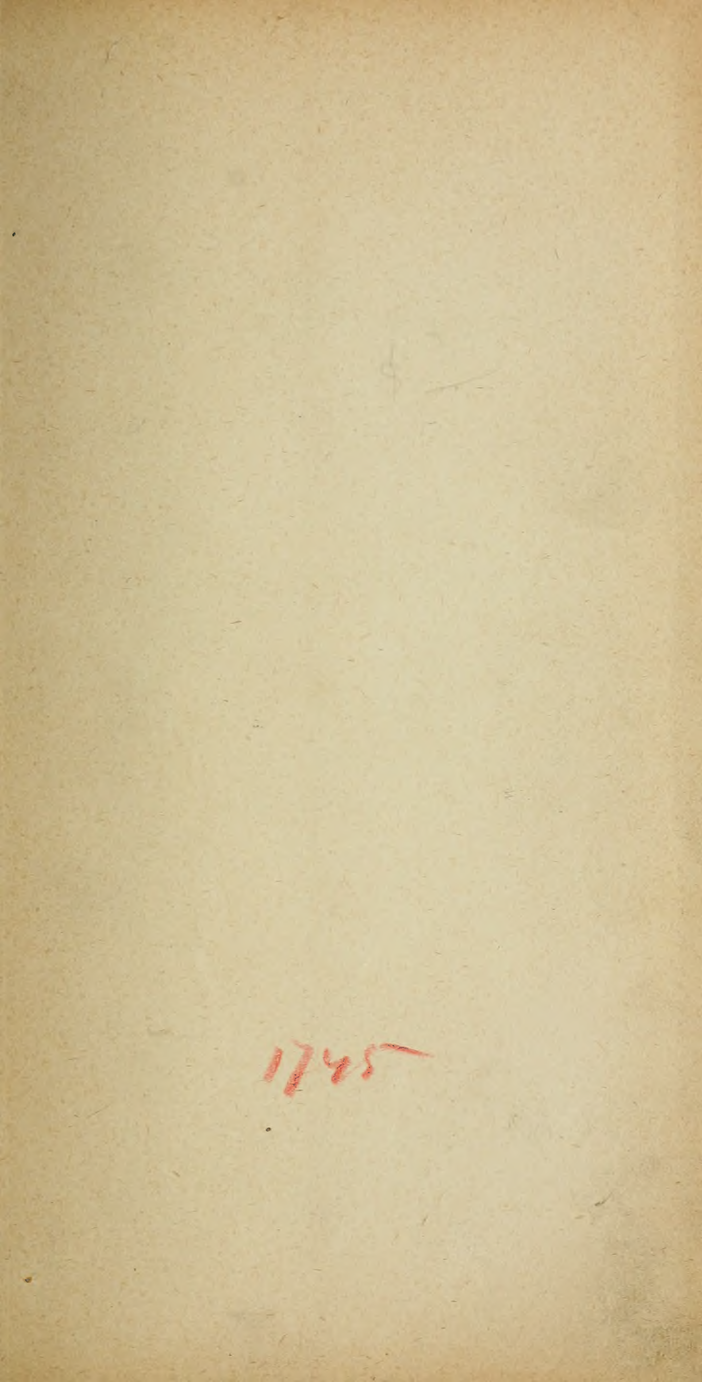

3 1761 06143088 0

1745

К. Баранцевичъ.

КАРТИНКИ ЖИЗНИ.

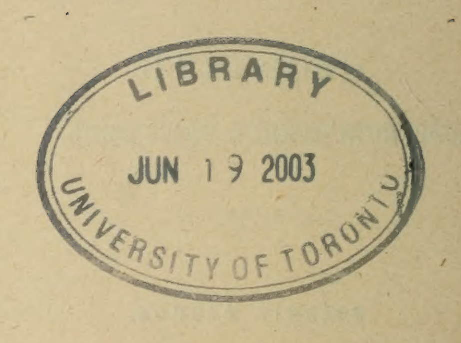
СБОРНИКЪ

ЮМОРИСТИЧЕСКИХЪ РАЗСКАЗОВЪ.

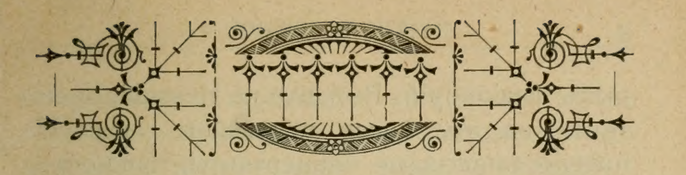
ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе В. И. ГУБИНСКАГО.
1902.

Типографія П. Ф. Вощинской, Херсонская ул. № 2—9.

Петербургская весна.

Въ то время какъ въ Крыму цвѣтутъ миндальныя деревья и, напоенный ароматами цвѣтовъ, теплый вѣтерокъ нѣжно ласкаетъ лица южанъ,—Петербургъ также готовится къ встрѣчѣ великаго праздника природы—весны. Южный вѣтеръ,—гонецъ весны—и теплые лучи солнца растопили снѣгъ на крышахъ и мостовыхъ и погнали въ каналы мутные ручьи. Дворники съ ломами, лопатами и метлами,—довершили остальное и по обнаженному торцу загрохотали извощичьи пролетки. Прозрачныя облачка высоко плывутъ по блѣдноголубому небу... Дни становятся дольше и дольше, ночи короче. На зарѣ неугомонно чирикаютъ воробьи, голуби нѣжно воркуютъ и вьютъ гнѣзда. Время подъема жизненныхъ силъ, смутныхъ тревогъ дѣвичьяго сердца, время любви!..

Съ особеннымъ удовольствіемъ наблюдаемъ мы въ это время за петербуржцами и слѣдимъ за постепеннымъ оживаніемъ ихъ хму-

*

рыхъ физіономій. Выйдите на Невскій, посмотрите на эту массу гуляющаго люда. Напрасно запоздалые концертанты, при посредствѣ широковѣщательныхъ цвѣтныхъ афишъ съ угловъ улицъ, изъ оконъ книжныхъ магазиновъ, кондитерскихъ, парикмахерскихъ, стараются заманить почтенную публику въ душную залу, хотя-бы даже съ электрическимъ освѣщеніемъ,—гуляющіе мелькомъ бросаютъ на афиши равнодушный взглядъ, и идутъ дальше, любуясь яркокраснымъ полымемъ заката и сверкающимъ бриллiантомъ корабликомъ Адмиралтейства...

— Ольга Владиміровна гуляете?

— Какъ видите.

— Погода такая прелестная. Я также соблазнился... Позволите присоединиться къ вамъ?

— Позволяю.

Молодой человѣкъ, блѣдный, съ усиками, въ шинели, не скрывающей нѣжно-розоваго галстуха, и въ цилиндрѣ (типъ средняго служащаго петербуржца) подходитъ слѣва къ барышнѣ въ „костюмѣ для прогулкѣ“ и беретѣ и, бросивъ на нее влюбленный взглядъ, идетъ рядомъ. Они болтаютъ весело и непринужденно о чемъ придется, что взбредетъ въ голову: о прочитанной книгѣ, вечеринкѣ у общихъ знакомыхъ, спектаклѣ въ клубѣ etc... etc... Но они только *такъ* болтаютъ, а въ сущности, у обоихъ есть что-то затаенное, что-то такое особенное, что,

по временамъ, отражается на внезапно вспыхивающемъ лицѣ дѣвушки и сказывается въ нервномъ покручиванiи усиковъ молодого человѣка. Порою дѣвушка, повидимому безъ всякой основательной причины, тяжело вздохнетъ, и тотчасъ-же, совершенно такъ-же какъ эхо, вздохнетъ и молодой человѣкъ; порою, дѣвушка, вообразивъ, что молодой человѣкъ не смотритъ на нее, броситъ на него странный взглядъ, и въ ту-же минуту встрѣтится съ такимъ-же взглядомъ. Это, наконецъ, изъ рукъ вонъ,—смѣшно до нелѣпости! Нужно разойтись! И это тѣмъ болѣе необходимо, что и молодой человѣкъ, и дѣвушка окончательно теряютъ нить разговора и какъ-то совсѣмъ уже глупо начинаютъ взглядывать другъ на друга.

— Прощайте! Мнѣ пора!

— Досвиданiя! Вы будете у Кандиновыхъ?

— Не знаю... Да!.. Нѣтъ, не буду. Впрочемъ можетъ быть буду...

Надежда брошена,—чего-же болѣе? Молодой человѣкъ горячо пожимаетъ руку дѣвушки (какая славная, маленькая ручка!), приподнимаетъ цилиндръ и исчезаетъ въ толпѣ. Отойдя на нѣкоторое разстоянiе другъ отъ друга оба, нечаянно, оборачиваются: дѣвушка дѣлаетъ сердитое лицо, а молодой человѣкъ конфузится до того, что наступаетъ на мозоль какому-то почтенному старичку. Но вотъ они разошлись. На долго-ли? Ахъ, читатель-это только прелюдiя, микробъ любви по-

палъ въ молодыя сердца и, будьте увѣрены, сдѣлаетъ свое дѣло и будетъ дѣлать до тѣхъ поръ, покуда какой-нибудь ученый,—сухой нелюдимый эгоистъ,—не придумаетъ какого-нибудь антилюбвина.

Конецъ апрѣля. Солнечные дни, бѣлыя ночи. Въ садахъ уже кудрявится молодая зелень, появляются бабочки, по песчанымъ, просохшимъ дорожкамъ гуляютъ кавалеры и дамы, бѣгаютъ ребятишки. Птицы поютъ свои концерты. Публика, наполнявшая зимою троттуары Невскаго,—перекочевала въ Александровскій садъ. А вотъ, и знакомая парочка! Молодой человѣкъ и дѣвушка сидятъ на скамейкѣ въ уединенной аллеѣ сада. Она чертитъ мечтательно кончикомъ зонтика по песку, онъ сосредоточенно гладитъ подбородокъ набалдашникомъ трости. Если хотите знать, такъ они даже и не смотрятъ другъ на друга, да въ этомъ и особенной надобности не предстоитъ. Хотя они еще не произнесли завѣтнаго слова: „люблю", но то, что они любятъ одинъ другого, разумѣется само собой. Вглядитесь только въ это блаженно глупое выраженіе молодого человѣка, присмотритесь, какъ внезапно то загораются, то тускнѣютъ его глаза и вы все поймете. Бросьте мимолетный взглядъ на полускрытое полями шляпы, разгорѣвшееся, озаренное какимъ-то особеннымъ свѣтомъ, лицо дѣвушки,—и какихъ же вамъ еще нужно доказательствъ?

Съ нѣкоторыми промежутками до ушей

молодыхъ людей доносятся звонки „конки“—признакъ того, что вагоны трогаются съ Адмиралтейской площади, и каждый разъ эти звонки—ударами похороннаго колокола отзываются въ молодыхъ сердцахъ.

— Мнѣ пора! Прощайте!—встрепенувшись шепчетъ дѣвушка.

— Одну минуту! Ради Бога, посидимъ еще!

— „Конка“ ушла.

— Вѣдь это не послѣдняя! Еще пойдетъ...

— Я не могу такъ долго!..

— Ну прошу васъ! Десять минутъ! До слѣдующей конки.

Проклятая „конка!“ Аккуратно черезъ каждыя десять минутъ звонки и звонки!..

— Пройдемтесь до набережной? Теперь на Невѣ должно быть хорошо!

— Мнѣ пора домой.

— Мы только дойдемъ—и обратно! Я васъ провожу.

Они медленно идутъ черезъ садъ и выходятъ на набережную. Какъ хорошо! Зимній дворецъ, Англійская набережная, университетъ, биржа, дальній силуэтъ Петропавловской крѣпости,—все окрашено розовымъ свѣтомъ заката,—внизу Нева тихо катитъ свои голубовато-стальныя воды, надъ которыми плавно скользитъ розовый парусъ челна и подобно гигантской паутинѣ чернѣются нити мачтъ стройныхъ судовъ.

А главное,—что здѣсь не слышно несносныхъ звонковъ конки...

Молодые люди садятся на одну изъ каменныхъ скамей и задумчиво созерцаютъ пейзажъ. Все дальше и дальше на западъ уходитъ розовый отсвѣтъ заката, все тише и тише кругомъ, рѣже попадаются гуляющіе, еще рѣже проѣдетъ извощикъ. Въ воздухѣ становится свѣжо, легкій вѣтерокъ рябитъ зеркальную поверхность Невы, на востокѣ чуть-чуть обозначается черточка утренней зари. Богъ вѣсть въ который разъ въ крѣпости испорченный механизмъ курантовъ начинаетъ играть и не доигрываетъ своей мелодіи... „Бумъ бумъ, бумъ!“—бьютъ куранты.

Боже мой, какой печальный звукъ у этихъ часовъ! Они, какъ будто, хотятъ сказать: „такъ, такъ, наслаждайтесь жизнью люди, покуда молоды; вы оба любите другъ друга крѣпко и горячо, но не забывайте, что въ этой жизни все преходяще, все мимолетно какъ сонъ! Рука времени коснется и васъ, согнетъ вашъ станъ, затуманитъ глаза, ослабитъ память, зачерствитъ души! Стариками придете вы сюда, не вспомните прошлаго, и другими глазами станете смотрѣть на все, на все...“

Да, господа, стоитъ-ли загадывать о будущемъ? Молодость могущественна! Смотрите, вонъ они стоятъ плечо къ плечу, оба молодые, сильные, любящіе другъ друга, счастливые одной возможностью стоять вмѣстѣ. И пусть

глядя на нихъ, молчатъ пессимисты-куранты и люди! Да здравствуетъ бѣдная красками петербургская весна, да здравствуетъ молодая, честная любовь!

Квартирная хозяйка.

Признаться, мы никогда не сочувствовали современному типу квартирныхъ хозяекъ въ турнюрахъ, и во всѣхъ случаяхъ, когда по волѣ судебъ, намъ приходилось входить въ непосредственное сношеніе съ этими особями людской породы, мы предпочитали тѣхъ старыхъ квартирныхъ хозяекъ, которыя обитаютъ на окраинахъ города, гдѣ-нибудь на Петербургской, Выборгской, на Пескахъ, ведутъ несложный образъ жизни домосѣдокъ, умѣютъ лечить зубную боль, вѣрятъ въ домовыхъ и наканунѣ Крещенія ставятъ мѣломъ крестики на дверяхъ и печныхъ вьюшкахъ. Достопочтенныя особы эти почти всегда обрѣтаются во вдовствѣ, всегда онѣ кругленькія и маленькія, обладаютъ прекраснымъ цвѣтомъ лица, бойкими, проницательными глазками, рѣзкимъ голосомъ и завиднымъ аппетитомъ. Онѣ услужливы (когда жилецъ платитъ хо-

рошо и отличается добропорядочнымъ поведеніемъ), любознательны (во всѣхъ случаяхъ)' очень скоро свыкаются съ жильцомъ и до такой степени близко къ сердцу принимаютъ его интересы, что позволяютъ себѣ иногда вмѣшиваться въ его дѣла. Для людей холостыхъ такія хозяйки, замѣняющія заботливую женскую руку,—должны быть особенно дороги. По крайней мѣрѣ, мы знали одного холостяка, который, несмотря на временныя ссоры со своей хозяйкой, прожилъ у ней на квартирѣ около десятка лѣтъ, и выѣхалъ только потому, что той вздумалось вторично выйти замужъ. Сказалось, значитъ, женское сердце, хотя и на старости лѣтъ!

Нашъ холостякъ былъ литераторъ,—опасная профессія, побуждавшая хозяйку первое время относиться съ недовѣріемъ къ своему жильцу. Мы не будемъ нескромны, если скажемъ, что въ началѣ не было ночи, которой-бы Маланья Осиповна не провела въ тревогѣ; не было минуты затишья въ комнатѣ жильца, когда-бы Маланья Осиповна не бесѣдовала, на очень близкомъ разстояніи, съ замочной скважиной сосѣдней двери; не было звонка, который не приводилъ-бы Маланью Осиповну въ сильнѣйшее нервное разстройство. О, сколько страховъ вытерпѣло ея бѣдное, маленькое сердце! Но со временемъ все это само собою прошло. Жилецъ хотя и „держалъ (нечаянно, конечно) знамя“, но никакихъ тревогъ и огорченій отъ этого ни для него,

ни для хозяйки не происходило, и жизнь ихъ текла тихо и мирно, какъ ручеекъ въ долинѣ. Такъ, одинъ за другимъ, вяло, медленно, какъ-бы нехотя (куда, дескать, торопиться!) плетутся сѣренькія будни нашего сѣренькаго существованія, пока не дотащатся до скромной могилки на Волковомъ кладбищѣ.

По обычаю всѣхъ литераторовъ, Семенъ Ермолаичъ встаетъ поздно, часовъ въ 12, и съ газетой садится за чай, который употребляетъ въ неимовѣрно большомъ количествѣ. Едва Семенъ Ермолаичъ успѣетъ отпить чай, какъ Маланья Осиповна просовываетъ голову въ дверь, и, послѣ обычнаго привѣтствія съ добрымъ утромъ, спрашиваетъ газету, которая несказанно интересуетъ ее.

Маланья Осиповна уходитъ съ газетой, а Семенъ Ермолаичъ садится заниматься.

Звонокъ. Маланья Осиповна вноситъ пакетъ и объявляетъ:

— Корректура. Подождать?

— Не надо! Самъ занесу!—отвѣчаетъ жилецъ, скрипя перомъ и не поднимая головы.

Наступаетъ время обѣда. Маланья Осиповна приноситъ скатерть, посуду, собираетъ на столъ и поставивъ тарелку супу, говоритъ:

— Идите ѣсть! Засидѣлись!

Во время обѣда Маланья Осиповна стоитъ тутъ-же и занимаетъ жильца разговорами:

— А у насъ Мунька пропалъ.

— Ну?—всполошивается жилецъ,—когда?

— Со вчера. Вечеромъ ходила, ходила по

двору, звала, такъ и не дозвалась. Это ужъ непремѣнно мерзавецъ кошатникъ стащилъ! Котораго кота воруетъ! Я ужъ хочу на него Якова натравить! Не пожалѣю на сороковку, пусть онъ ему бока намнетъ... Квасу-то нужно, что-ли?

Семенъ Ермолаичъ какъ-то неопредѣленно мычитъ, что означаетъ, что квасу не нужно.

— Ну, ужъ вашъ Мыловаровъ, за что его только хвалятъ! По моему Чугрихинъ лучше.

— А вы читали Мыловарова-то?

— Ну вотъ еще! У васъ-же брала книжку. Худо пишетъ, не интересно! А это кто у васъ вчера былъ, большой такой, волосатый? Не Чугрихинъ-ли?

— Нѣтъ, не онъ. А что, понравился?

— Ну, вотъ еще! Скажете, тоже! Ахъ, ужъ какъ мнѣ Муньку жаль, сказать невозможно! Такой былъ умный, ласковый котъ!..

Маланья Осиповна забираетъ все со стола и удаляется, а жилецъ закуриваетъ папиросу и ходитъ изъ угла въ уголъ, наблюдая, какъ сгущаются сумерки и постепенно темнѣетъ видный въ окно, розоватый клочокъ неба.

Черезъ часъ и хозяйка, и жилецъ, каждый въ своей комнатѣ, погружаются въ послѣобѣденный сонъ. Въ квартирѣ тишина, въ которую глухо врываются отдаленные звуки со двора и тотчасъ-же замираютъ.

Проснувшись, Семенъ Ермолаичъ долго кашляетъ и отплевывается, потомъ зажигаетъ лампу и садится за работу, которая про-

должается за полночь, если никто не придетъ и не помѣшаетъ, что, впрочемъ, случается очень рѣдко. Въ такіе вечера Маланья Осиповна уже не выходитъ изъ своей комнаты, сосѣдней съ комнатой жильца, и, давши волю любознательности, съ удовольствіемъ слушаетъ „литературные“ разговоры. Не любитъ она только одного гостя,—маленькаго, толстенькаго, съ большой черной бородой, не любитъ за его громкую рѣчь, громкій смѣхъ, непосѣдливость, за то, что онъ все шныряетъ изъ угла въ уголъ, задѣваетъ мебель, кого-то все ругаетъ и, въ концѣ-концовъ, непремѣнно уведетъ съ собою Семена Ермолаича. А это, ужъ извѣстно, чѣмъ кончается! Семенъ Ермолаичъ придетъ подъ утро, нетвердыми шагами доберется до постели, съ которой ужъ не встанетъ весь слѣдующій день, все будетъ лежать, стонать, охать, кашлять и до того разболится, что приходится его лечить. Тогда Маланья Осиповна приходитъ съ большимъ ящикомъ, въ которомъ у ней все, что полезно недужному человѣчеству: сухая малина, бузина, ромашка, крушина, грудной чай, горчица, валерьяновы и тильманскія капли, капли „отъ сердца“, капли „отъ головы“, „отъ зубовъ“, „отъ желудка“, свинцовая вода, арника, какіе-то порошки и корешки, клеенка, бинты, компрессы...

Черезъ нѣсколько минутъ Семенъ Ермолаичъ лежитъ, какъ турка, въ чалмѣ изъ полотенца, съ горчичникомъ на шеѣ и хотя еще

стонетъ, но уже значительно, слабѣе и даже съ какимъ-то пріятнымъ изнеможеніемъ, а черезъ часъ больной, какъ ни въ чемъ не бывало, храпитъ во всю силу легкихъ и такія фіоритуры задаетъ носомъ, что даже клопы, гнѣздящіеся въ щеляхъ обоевъ, не рѣшаются приступить къ своему кровопійственному дѣлу.

Нѣтъ, нѣтъ, господа, что-бы вы тамъ ни говорили въ пользу самоновѣйшихъ квартирныхъ хозяекъ, носящихъ турнюры и посѣщающихъ клубные маскарады, а мы, все-таки, предпочтемъ имъ нашу простую, скромную, милую Маланью Осиповну, которая насъ соблюдетъ и побережетъ, и полечитъ, а въ случаѣ, если ужъ мы настоятельно захотимъ отправиться ad patres, то закроетъ намъ глаза (непремѣнно копѣечками), обрядитъ, и въ стужу и въ вѣтеръ поплетется въ старенькомъ салопѣ за нашимъ гробомъ до послѣдней квартиры. Тамъ она поплачетъ, вынетъ просфорку за упокой нашей грѣшной души и, проворно посыпавъ песочку на наше грѣшное тѣло, пойдетъ на Выборгскую, въ свою крохотную квартирку, къ коту Мунькѣ, съ которымъ философски поговоритъ о бренности всего земного, о непрочности „сосуда скудельна“ человѣкомъ нарекаемаго и о томъ, что всѣ мы (о-хо-хо!) подъ Богомъ ходимъ!..

Наши журъ-фиксы.

Какое это милое, славное обыкновеніе— собираться въ опредѣленные дни! Неужели вы имѣете что нибудь противъ журъ-фиксовъ? Сохрани васъ Богъ! Мы объявляемъ себя самыми ярыми сторонниками этого обычая, что-бы вы тамъ ни говорили!.. Вы, пожалуй, скажете, что наши журъ-фиксы скучны, мертвы, что на нихъ предаются сплетнямъ, злословію, что они скорѣе разъединяютъ, нежели соединяютъ, людей? Мало-ли что, а мы, все таки, стоимъ за журъ-фиксы, и мы любимъ бывать на этихъ собраніяхъ праздныхъ людей, собирающихся затѣмъ, чтобы поскучать вмѣстѣ. Въ нашей записной книжкѣ аккуратно размѣчены всѣ дни недѣли и если мы пропустимъ какой-нибудь журъ-фиксъ, хотя-бы и по уважительной причинѣ, тѣмъ не менѣе, мы чувствуемъ вродѣ угрызенія совѣсти. Но мы знаемъ такихъ любителей журъ-фиксовъ, которые даже послѣ оперы являются затѣмъ, чтобы „освѣжиться“ въ обществѣ себѣ подобныхъ. Да, впрочемъ, что говорить! Сознайтесь, у васъ самихъ есть опредѣленные дни, вы сами посѣщаете журъ-фиксы? Каждый разъ вы говорите женѣ: „вотъ каторга! Опять соберутся эти господа, опять придется сидѣть за полночь, непроизводительно

терять время!“ И, тѣмъ не менѣе, вы съ нѣкоторымъ волненіемъ ждете перваго звонка, хотя знаете, что первымъ придетъ самый скучнѣйшій человѣкъ изъ всего общества... Дзинь! Такъ и есть! Владиміръ Ивановичъ— молодой человѣкъ „съ будущимъ“. Вы обмѣниваетесь рукопожатіемъ, усаживаете молодого человѣка и садитесь сами. Два, три слова о погодѣ и... молчаніе. Вы бросаете на жену взглядъ, говорящій: „помоги, ради Бога, займи гостя!“

— Видѣли вы Дузе?—спрашиваетъ жена,— какъ вы ее находите?

— Ничего!—равнодушно отвѣчаетъ молодой человѣкъ, — а у насъ въ министерствѣ ожидается новинка!—обращается онъ къ вамъ.

— Да, знаю, читалъ!—отвѣчаете вы.

— Но вы не знаете подробностей. Это очень интересно!

И молодой человѣкъ начинаетъ угощать васъ сообщеніемъ какихъ-то вовсе неинтересныхъ, закулисныхъ министерскихъ тайнъ. Вы смотрите на него и съ удовольствіемъ думаете: такъ молодъ и такъ уже засосанъ бюрократическимъ болотомъ! Вотъ что значитъ быть человѣкомъ „съ будущимъ“! Гдѣ же это юношескій пылъ, юношескія стремленія, поэзія? Тю-тю! Ваши думы прерываются слѣдующими одинъ за другими звонками. Появляются люди „журъ-фиксовъ“ въ одиночку и попарно. Это все, въ большей или меньшей степени, представители и представительницы

нашего общества. Переходя отъ одной группы къ другой, вы прислушиваетесь къ разговорамъ и поддерживаете такіе, которые плохо клеятся. Въ этомъ ваша обязанность въ качествѣ любезнаго хозяина. Вы подобны ламповщику, который ходитъ съ бутылью масла и подливаетъ его въ угасающія лампы. Не давайте же, не давайте имъ гаснуть! Когда онѣ разгорятся какъ слѣдуетъ—ваша обязанность будетъ кончена. Вы можете тогда сѣсть всторонку и наблюдать человѣчество со всѣми его страстями и недостатками, которые, будьте увѣрены, обнаружатся очень скоро. О, какъ это забавно, если бы вы знали! По крайней мѣрѣ, мы никогда не могли отказать себѣ въ удовольствіи такихъ наблюденій. Взгляните на этихъ дамъ и мужчинъ, сгруппировавшихся вокругъ одной артистки. Послушайте, какъ ядовито отдѣлываетъ эта артистка свою соперницу X, какіе анекдоты разсказываетъ про нее! Но вдругъ—звонокъ, входитъ X—и все измѣняется. Обѣ артистки бросаются въ объятія, цѣлуются и осыпаютъ другъ-друга цѣлымъ градомъ комплиментовъ. Вы думаете, что всѣ остальные смущены? Ничуть не бывало. Едва успѣетъ г-жа X усѣсться, какъ начинаютъ перемывать косточки У. Можетъ случиться, что придетъ У, и тогда уже всѣ вмѣстѣ начнутъ судачить про N. Прекрасный обмѣнъ мыслей,—не правда-ли?

Послѣ ужина общество опять разобьется на группы, и опять предается милому зло-

словію. Кое-кто споетъ, кое-кто сыграетъ... Если среди гостей найдется какой-нибудь чудакъ, какой-нибудь заѣзжій провинціалъ изъ „непримиримыхъ“ или ученый бирюкъ, который, отчасти подъ вліяніемъ выпитаго за ужиномъ вина, начнетъ вдругъ горячо говорить о „правдѣ и добрѣ“, о „назначеніи человѣка“ и о прочихъ матеріяхъ важныхъ,—тѣмъ лучше, это насъ позабавитъ, мы посмѣемся, пожалуй станемъ возражать, чтобы еще болѣе разжечь оратора, и, въ назначенный нами часъ, ровно минута въ минуту, не дослушавъ чудака, равнодушно разойдемся по домамъ. Что въ самомъ дѣлѣ? Человѣкъ ломится въ открытую дверь,—что тутъ интереснаго? Все, о чемъ онъ говоритъ, давнымъ-давно намъ извѣстно, давнымъ-давно пережито и основательно забыто. Что насъ волнуетъ, интересуетъ? Ничто! Только инциденты, да и то развѣ на полчаса разговора. А въ сущности, мы—воплощенный индиферентизмъ, ходячая скука, и мы такъ сжились, такъ сроднились съ нею, что только затѣмъ и посѣщаемъ журъ-фиксы и устраиваемъ ихъ у себя, чтобы скучать всѣмъ вмѣстѣ, чтобы увеличить, расширить эту скуку до грандіозныхъ, циклопическихъ размѣровъ.

Дамы.

— О дамахъ? Гм! Однако, будьте осторожны!—скажетъ иной читатель,—дамы,—народъ обидчивый и мстительный! Не дай Богъ, если ненарокомъ задѣнете ихъ самолюбіе, тогда ужь лучше не показывайтесь никуда, да такъ и считайте себя окончательно пропавшимъ человѣкомъ!..

О, сохрани насъ, Боже! Мы никогда, никогда не позволимъ себѣ сказать что нибудь непріятнаго дамамъ! Наоборотъ! Мы готовы каждую минуту восхищаться ихъ красотой, граціей, ихъ необыкновенной pruderie. Да и что можно сказать дурного о петербургскихъ дамахъ, напримѣръ? Ровно ничего! Хорошаго же можно сказать много... Знаете-ли вы, что петербургскія дамы всѣ почти красавицы? Конечно, это не та животная красота, которою отличаются провинціалки,—петербургская дама не обладаетъ ни цвѣтущимъ лицомъ, ни округлыми, могущественными формами,—но, именно, отсутствіе всего подобнаго и дѣлаетъ ее прелестною. Говоря возвышеннымъ слогомъ, петербургскія дамы—прекрасное порожденье бѣлыхъ ночей. Эти странныя ночи наложили свой чахоточный отпечатокъ на ихъ блѣдныя лица и какъ-бы отражаются въ

ихъ меланхолически грустныхъ глазахъ. Чего-то нѣтъ, чего-то жаль!—такъ и хочется воскликнуть каждый разъ при встрѣчѣ съ петербургской дамой. Нѣтъ подъема духа, угасли стремленія, желанья,--жаль безплодно утраченныхъ юныхъ силъ въ погонѣ за недостижимымъ идеаломъ... Петербургская дама какъ-бы вся полита отблескомъ меланхолической поэзіи. Взгляните, вотъ она идетъ по улицѣ! Походка ея медленная, усталая, граціозная, головка чуть чуть склонилась на грудь, грустный взглядъ безцѣльно устремленъ въ пространство. Она встала въ двѣнадцать часовъ, выкушала свой кофе и идетъ въ Гостинный дворъ. Вы думаете, что ей, дѣйствительно, что-нибудь нужно купить? Нѣтъ, ничего особеннаго; она просто гуляетъ. При случаѣ она купитъ, конечно, какой-нибудь пустячокъ, но, именно, пустячокъ,—не болѣе. Въ длинныхъ аркахъ Гостиннаго она встрѣчается съ нѣсколькими знакомыми дамами, которыя такъ-же, какъ она, гуляютъ.

— Ахъ, душечка, Ольга Платоновна! Вы что-же, купить что нибудь?

— О, нѣтъ, милая! Просто гуляю! Погода такая прекрасная!

Какъ и подобаетъ гуляющимъ, дамы не торопятся. Онѣ останавливаются передъ каждымъ магазиномъ, созерцаютъ всѣ эти джерси, Beige Foule, Jacouarts, Toile du vichy Organdis,—все это „по новѣйшимъ парижскимъ моделямъ“—и по дѣтски восхищаются ихъ не-

обыкновенной дешевизной. Мало по малу глазки ихъ разгораются, щеки покрываются румянцемъ, движенія становятся нервнѣе.

— Душечка, Ольга Платоновна, посмотрите, какая прелесть это дамасе!

— А буклэ, Надежда Викторовна, обратите вниманіе! И какъ дешево! Просто удивительно!

Но вотъ обѣ дамы подходятъ къ одному магазину и останавливаются, пораженныя вывѣшенными въ окнахъ огромными аншлагами: „распродажа, распродажа, распродажа! Вѣрная мѣра! Отсутствіе изъяновъ“!

Въ магазинѣ густая толпа дамъ,—яблоку негдѣ упасть. Видны только шляпы, шиньоны, носы, да мелькаютъ свертки матерій...

— Душечка, Ольга Платоновна, вѣдь, это должно быть баснословно дешево!—робко замѣчаетъ дама.

— Конечно, милочка! — съ жаромъ подтверждаетъ другая,—вѣдь, это остатки.

— Да, но, кажется, вышедшіе изъ моды?

— Какіе пустяки! Это они нарочно, чтобы скорѣе распродать!

— Ну, не знаю!

— Вы сомнѣваетесь? Въ такомъ случаѣ не зайти-ли удостовѣриться?

— Пожалуй! Посмотрѣть развѣ... На минутку...

Обѣ дамы входятъ въ магазинъ и тотчасъ-же заражаются воздухомъ купли-продажи. Прилавки завалены готовыми свертками ма-

терій, куда ни глянь всюду особы женскаго пола примѣряютъ кофточки, ватеръ-пруфы, пальто; даже лѣстница, сверху до низу, усѣяна примѣривающими. Приказчики едва успѣваютъ удовлетворять требованіямъ, и, что называется, разрываются на части, кассирша едва успѣваетъ получать деньги... Удивительное наше время! Стоитъ кому-нибудь объявить, что сотня настоящихъ гаванскихъ сигаръ продается по 1 рублю, и отбоя не будетъ отъ покупателей: курящихъ и не курящихъ, мужчинъ и дамъ, стариковъ, старухъ и даже чуть не новорожденныхъ младенцевъ!

Обѣ наши дамы буквально зарылись въ сверткахъ съ матеріями. Вмѣсто „нѣсколькихъ минутъ“ проходитъ часъ, а дамы и не думаютъ уходить: онѣ тискаются въ толпѣ, выбираютъ, примѣриваютъ вещи, освѣдомляются о цѣнахъ и подъ конецъ такъ надоѣдаютъ приказчикамъ что тѣ начинаютъ на нихъ коситься. Затѣмъ, ничего не купивъ, конечно, наши дамы преблагополучно выбираются изъ магазина и не спѣша шествуютъ по домамъ. Цѣль достигнута: время до обѣда убито, да еще съ какимъ интересомъ! Румянецъ долго еще не сходитъ съ ихъ щекъ, долго еще обѣ дамы оживленно бесѣдуютъ и разстаются вполнѣ довольныя и собою, и прогулкою. Странно было-бы лишать ихъ даже этого невиннаго удовольствія. Вѣдь проводятъ-же ихъ мужья время за картами, ходятъ въ клубы, нѣкоторые даже въ маскарады, нѣкоторые

даже кутятъ гдѣ-то и возвращаются подъ утро въ самомъ непрезентабельномъ видѣ. О, эти мужья эгоисты,—знаемъ мы ихъ! Знаемъ мы, какъ они рычатъ по поводу несвоевременно поданнаго обѣда, пересоленнаго супа, пережареннаго жаркого!.. Поэтому, наши дамы, во что-бы то ни стало, стараются быть дома около пяти часовъ (время возвращенія мужей со службы). Къ этому часу Гостинный дворъ пустѣетъ; дамы сидятъ дома и ждутъ своихъ благовѣрныхъ. Дзинь! Это *онъ*. Только утомленные, разсерженные почтальоны могутъ такъ звонить какъ звонитъ *онъ*... Изъ передней даже раздается его ворчанье на прислугу, которая медленно снимаетъ шубу. Но вотъ онъ входитъ въ гостинную. Лицо его блѣдно-зеленое, глаза злые, дикіе, губы нервно трясутся: ужасный видъ проголодавшагося человѣка!

— Здравствуй, мой другъ, ты утомился!— спрашиваетъ петербургскаь дама, подставляя щеку для поцѣлуя.

Напрасный вопросъ! Но это такъ принято. Нужно-же выразить сочувствіе труженику, главѣ дома.

Отъ него еще пахнетъ канцеляріей, противными архивными дѣлами въ синихъ обложкахъ съ загнутыми и запыленными концами бумагъ, пахнетъ табакомъ, чернилами, казенной мебелью, пахнетъ, наконецъ, чиновникомъ.

— Ты-бы умылся,—это освѣжаетъ, и пе-

реодѣлся кстати! Я велю подавать!—говоритъ жена.

Мужъ отправляется въ спальню, откуда нѣкоторое время доносится плесканье воды и ожесточенное фырканье, и затѣмъ возвращается въ столовую свѣжій, умытый, въ домашнемъ пиджакѣ.

Обѣдъ поданъ, и все, повидимому, въ порядкѣ. Но что это? Послѣ двухъ, трехъ ложекъ супу мужъ начинаетъ морщиться и принюхиваться.

— Что это, мой другъ, супъ какъ будто селедкой пахнетъ!—говоритъ онъ.

— Не знаю!—отвѣчаетъ жена.—Дуняша! Дуняша, отчего это супъ селедкой пахнетъ?

— Не знаю!—невозмутимо отвѣчаетъ кухарка.

— А я знаю!—выпаливаетъ „глава",—это оттого, что ты неряха, грязнуха, что ты просто не умѣешь готовить; а ты,—обращается онъ къ женѣ,—ни за чѣмъ не слѣдишь, ничего не знаешь...

— Я ни за чѣмъ не слѣжу!

Вотъ вамъ и супружеская сцена! Но мы изъ скромности не станемъ слѣдить за всѣми ея перипетіями и, предполагая, что благосклонный читатель достаточно со всѣмъ этимъ знакомъ, ставимъ точку.

Мы предлагаемъ заглянуть въ кабинетъ мужа, въ моментъ, когда онъ, съ размаха захлопнувъ за собою дверь, начинаетъ въ волненіи ходить взадъ и впередъ. Пресквернѣй-

шее положеніе, отвратительнѣйшее состояніе духа! И нужно-же было кухаркѣ испортить обѣдъ какъ разъ въ такой день, когда... ну, словомъ, когда онъ, глава, былъ въ настроеніи понѣжничать съ женою и лелѣялъ эту завѣтную мысль съ самаго выхода изъ департамента! Ложный стыдъ, сознаніе необходимости выдержать характеръ—о, какія это все тяжелыя вещи! Но, тс! Шаги!

— Сюда подать кофе?—холоднымъ, обиженнымъ тономъ спрашиваетъ жена.

— Сюда.

Она сама приноситъ кофе. Отлично, вотъ удобный моментъ къ примиренію.

— Извини меня, мой другъ. Я разстроенъ, погорячился, кромѣ того, согласись, вѣдь это-же гадость!

— Кто-же говоритъ! Я только не понимаю, какъ можно меня дѣлать отвѣтственной за все и кричать на меня да еще въ присутствіи прислуги.

И т. д., и т. д.—словомъ, мужъ получаетъ достодолжную головомойку, и, хотя скрипитъ зубами, но въ цѣляхъ примиренія молчитъ. Давши женѣ наговориться всласть, излить всю горечь своего существованія (бѣдная!) мужъ вторично проситъ примиренія и таковое, наконецъ, состоится.

Посмотрите теперь на эту трогательную сцену! Она склонила ему голову на плечо, онъ нѣжно поддерживаетъ лѣвой рукою ея

станъ, а правою разглаживаетъ ея чудные волнистые волосы...

— Вавочка,—шепчетъ она,—мнѣ совсѣмъ не въ чемъ выходить... Скоро весна, и я просто не знаю какъ быть!

— У тебя, кажется, есть ватеръ-пруфъ.

— Да, но теперь не носятъ ихъ!.. Ахъ, какую хорошенькую жакетку я видѣла сегодня!—восклицаетъ она и глаза ея загораются—притомъ удивительно дешево?

— Сколько-же?

— О, совсѣмъ за безцѣнокъ! Вѣдь, это распродажа!

— Ну, что-же, купи!

Кончено! Побѣда одержана! Одержана надъ всевозможными экономическими соображеніями относительно праздничныхъ и остаточныхъ... Все, все пойдетъ въ твой щеголеватый бархатный сакъ, милая, петербургская дама, и ты будешь ходить въ новомодной жакеткѣ!..

Похороны.

Вотъ мы шли, шли по тернистому жизненному пути, дошли до старости, много житейской грязи пристало къ нашимъ ступнямъ, мы согнулись, облысѣли, полуослѣпли, оглохли

и, наконецъ, въ одинъ прекрасный день рѣшили, что намъ ничего болѣе не остается какъ умереть. Конечно, при постановкѣ этого послѣдняго акта комедіи мы постарались соблюсти необходимый декорумъ; мы отбросили отслужившій службу нашъ обычный, петербургскій скептицизмъ и распорядились призвать священника. Послѣдній не замедлилъ явиться. Въ передней онъ снялъ шубу, и, обтирая платкомъ усы, вошелъ въ залу, гдѣ собрались наши милыя родственники. Завязалась умная, спокойная бесѣда. Поговорили о погодѣ, и рѣшили большинствомъ голосовъ, что нынѣшняя весна не въ примѣръ холоднѣе прошлогодней, коснулись дороговизны съѣстныхъ продуктовъ, тяжести жизни и т. п... Затѣмъ священникъ многозначительно крякнулъ, еще разъ провелъ платкомъ по лицу и отправился въ нашу спальню...

Въ тотъ-же день, къ вечеру, былъ приглашенъ нотаріусъ. Наши милые родственники заявили, что, будто-бы, это было сдѣлано по нашему желанію. Мы что-то не помнимъ,— но пусть такъ! Не все-ли равно? Нотаріусъ такъ-же какъ и священникъ снялъ шубу и такъ-же, обтирая усы платкомъ, вошелъ въ залу, гдѣ у него произошелъ—приблизительно такой-же какъ у священника—разговоръ съ родственниками. Затѣмъ нотаріусъ и еще нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и незнакомые,—вошли въ нашу спальню и принялись читать актъ,—яко-бы нами составленный, актъ,

въ силу котораго мы лишали себя всего нашего движимаго и недвижимаго имущества въ пользу... конечно, нашихъ милыхъ родственниковъ...

Когда свершилось это предпослѣднее явленіе послѣдняго акта комедіи,—всѣ удалились и намъ великодушно было предоставлено собственными силами доиграть актъ. Милые родственники не желали насъ *безпокоить* какъ разъ въ то время, когда, — предвкушая вѣчный покой, — мы больше всего боялись спокойствія! Въ свою очередь, не желая быть потревоженными нашими стонами, они предусмотрительно прикрыли дверь спальни. И, тѣмъ не менѣе, мы долго еще слышали, какъ они распоряжались нашимъ добромъ, какъ щелкали замки, скрипѣли дверцы шкафовъ и ящики комодовъ, хлопали пробки, звенѣла посуда, стучали ножи. А намъ было предоставлено бороться со смертью. Напрасныя усилія! Она была тутъ, въ изголовьи нашей кровати и съ костлявой улыбкой торжества смотрѣла на насъ изъ за угла подушки. Покуда она медлила, какъ-бы желая насладиться нашимъ ужасомъ; но страхъ давно уже парализировалъ способность рѣчи и движеній и мы лежали подобно колодѣ съ безсмысленно и невозможно широко раскрытыми глазами. Затѣмъ наступилъ финалъ, зависѣвшій, во всякомъ случаѣ, не отъ нашей воли, и мы внезапно получили завидную способность не видѣть фальшиво-скорбныхъ физіо-

номій и не слышать лицемѣрнаго плача. О, какое абсолютное спокойствіе охватило насъ! Намъ не нужно было ни хлопотать о катафалкѣ и похоронныхъ дрогахъ, ни разсылать публикацій въ газеты, телеграммъ и писемъ знакомымъ, ни заботиться о поминальномъ обѣдѣ и проч., и проч.

Но зато сколько хлопотъ было нашимъ милымъ родственникамъ! Правда если-бы мы только могли, мы должны были-бы въ гробу радоваться отмщенью за всѣ тревоги и безпокойства, причиненныя намъ при жизни. Мы знаемъ, что стоило, напримѣръ, въ теченіе какого-нибудь получаса, выгнать изъ квартиры полдюжины гробовщиковъ, сговориться съ однимъ, наиболѣе упорнымъ, условиться относительно пѣвчихъ, отпѣванія и проч.; затѣмъ встрѣчать нашихъ добрыхъ знакомыхъ и, состроивъ печальныя физіономіи, каждому сообщать подробности нашей смерти. Къ назначенному дню, всѣ наши знакомые собрались на выносъ и стояли въ почтительномъ отдаленіи отъ насъ, въ дверяхъ, охотно предоставляя другъ другу первое мѣсто. Дѣло понятное: извѣстно, что Анна Львовна ужасно боится покойниковъ, а Михаилъ Ильичъ не выноситъ духоты!

— Приплелась, старуха! Сама одной ногой въ гробу, а пришла! — говоритъ одинъ знакомый другому, вышедшему покурить на лѣстницу.

— Еще бы! Нельзя, знаете, неловко! Скоро сама помретъ.

— Ну, она двужильная!

Но вотъ, все кончено, и насъ везутъ на кладбище. Знакомая процессія! Четыре одра, прикрытые черными хламидами, волокутъ колесницу съ пучками бѣлыхъ перьевъ по угламъ, съ десятокъ факельщиковъ и „сопровождающихъ“ въ фальшивыхъ гетрахъ, сонно плетутся подлѣ, неся на палкахъ фонари и держась за кисти катафалка, сзади котораго, безпорядочной группой, спотыкаясь о камни мостовой, идутъ знакомые. Затѣмъ слѣдуетъ: карета Анны Львовны съ торчащимъ изъ окна огромнымъ бѣлымъ вѣнкомъ, и наемныя кареты съ возсѣдающими, на козлахъ не то полусонными, не то полупьяными возницами...

Отдать „послѣдній долгъ“ и донести гробъ до могилы является сразу нѣсколько желающихъ. Если-бы мы могли только видѣть, то, въ толпѣ мужчинъ, мы увидѣли-бы и нашего постояннаго партнера въ винтъ, — Андрея Ивановича, и сослуживца, назначеннаго на наше мѣсто, — Петра Кириллыча, и Павла Парфеныча, и Семена Макаровича, и нашего искреннѣйшаго друга Терентія Егоровича. Другъ особенно серьезенъ, молчаливъ, задумчивъ и строгъ. Онъ какъ бы всѣмъ своимъ видомъ выражаетъ сознаніе священной обязанности соединить въ себѣ одномъ печаль окружающихъ. Да, онъ долженъ силь-

нѣе всѣхъ чувствовать утрату, и объ этомъ краснорѣчиво доказываетъ вамъ его цилиндръ, обтянутый крепомъ шириною съ полъ аршина, черныя перчатки и панталоны, крепъ на правомъ рукавѣ пальто и два запасныхъ платка въ карманѣ.

Поддерживая скобку гроба и переставляя ноги такъ ловко, чтобы идущій сзади не запачкалъ ему панталонъ, Терентій Егоровичъ думаетъ, что не мѣшало-бы, послѣ того, какъ засыплютъ могилу, сказать... рѣчь не рѣчь, а хотя-бы пару прочувствованныхъ, теплыхъ словъ. „Давно-ли, думаетъ онъ, мы были съ нимъ на академической выставкѣ и оттуда зашли въ „Золотой Якорь?“ Вотъ такъ-бы и слѣдовало начать: „Давно-ли, другъ мой“ и т. д. пропустивъ, конечно, подробность о „Золотомъ Якорѣ“, но зато распространившись о взглядахъ покойника на искусство, литературу, науку... (трезвыхъ взглядахъ, весьма, весьма трезвыхъ, милостивые государи!..)

Но покуда раздумываетъ такъ Терентій Егоровичъ, „милостивые государи“ живые дотаскиваютъ „милостиваго государя“ мертваго до его послѣдняго и самаго спокойнаго обиталища, проворно опускаютъ въ яму, посыпаютъ песочкомъ и отходятъ въ сторону.

Терентій Егоровичъ остается одинъ надъ раскрытой могилой, машинально черпаетъ лопаточкой песокъ и, въ то время, когда хочетъ раскрыть ротъ и сказать: „Давно-ли,

другъ мой...“, его осѣняетъ назойливое и совершенно ненужное воспоминаніе о томъ, что покойный любилъ очень кабуль, изъ-за котораго недавно и пошумѣлъ въ „Золотомъ Якорѣ“.

Терентій Егоровичъ бросаетъ лопаточку и смущенно сходитъ съ насыпи въ толпу, обманутую въ ожиданіяхъ.

Могильщики живо дѣлаютъ свое дѣло, и вскорѣ на мѣстѣ гдѣ опустили гробъ, выростаетъ глиняный холмъ, который родственники и знакомые спѣшатъ украсить вѣнками. Само собою разумѣется, что первую позицію занимаетъ роскошный вѣнокъ Анны Львовны, которая, не рискуя, по слабости здоровья, остаться на поминкахъ, торопливо ковыляетъ къ оградѣ кладбища, садится въ свой экипажъ и уѣзжаетъ.

„Милые родственники“, приблизительно, на глазъ, сосчитываютъ количество проводившихъ и приглашаютъ всѣхъ „помянуть“. Группа мужчинъ и дамъ направляется къ ближайшей кухмистерской, въ которой „принимаютъ заказы на похоронные обѣды“ и при входѣ въ которую кучка обрюзгшихъ, въ перчаткахъ сомнительной бѣлизны, оффиціантовъ поклонами встрѣчаетъ гостей...

„Мотылекъ".

Замѣчали-ли вы, какъ ранней весною, въ солнечный день, у стѣнъ домовъ кружится мотылекъ? Откуда онъ взялся, этотъ первый, крылатый гость весны, зачѣмъ онъ появился здѣсь, на шумныхъ улицахъ города, что станется съ нимъ завтра, когда сѣверный вѣтеръ охватитъ морозомъ булыжникъ мостовой, узорчатыми льдинами затянетъ лужи, а темное небо засыплетъ улицы и крыши домовъ пушистымъ снѣгомъ? Онъ родится, чтобы просуществовать сутки, другіе, и погибнетъ безслѣдно незамѣченный никѣмъ.

Откуда взялся нашъ „мотылекъ", — эта стройная, едва вышедшая изъ дѣтства, миловидная молодая дѣвушка, съ черными глазами и волнистою шапкой темныхъ волосъ, зачѣмъ она здѣсь, что станется съ нею? Это, — дитя большого города, выросшее въ сырыхъ стѣнахъ швейцарской, въ тѣсной конурѣ департаментскаго сторожа, въ затхломъ „углу" прачки, возросшее подъ неумолчное брюзжанье пришибленнаго нуждою отца, сѣтованья ополоумѣвшей съ голода матери, подъ крики пьяной оргіи сосѣдей. Шести лѣтъ отъ роду она няньчила братишку, таскаясь съ нимъ по чужимъ задворкамъ и питаясь по-

дачками добрыхъ людей, а когда ей минуло девять лѣтъ, ее отдали въ ученье и, на первыхъ порахъ, заставили бѣгать въ лавочку и таскать утюги въ трактиръ. Потомъ, когда она подросла, ее посадили въ большую мастерскую съ запыленными окнами и началась настоящая наука,—наука не столько мастерству, сколько новой жизни ея старшихъ подругъ и мастерицъ. О чемъ говорилось въ длинные, зимнiе дни работы, какiя высказывались желанiя, преслѣдовались цѣли? „Иглою не проживешь!“ — вотъ было всеобщее убѣжденiе, и дѣвочка, не зная еще, можно-ли „прожить иглою“,—говорила сама себѣ:—„да, не проживешь!“—А чѣмъ же еще?— являлся вопросъ. А, вотъ, нужно приглядѣться, прислушаться. Вонъ, у Марьи Антоновны голова сегодня болитъ. Отчего-бы это? Но сама Марья Антоновна разсказываетъ, какъ она вчера была въ клубѣ, какъ кто-то угощалъ ее ужиномъ, потомъ глинтвейномъ, затѣмъ... А Серафима Петровна слушаетъ, улыбается и, въ промежуткахъ за хозяйской работой, торопится дошить лифъ, въ которомъ сегодня намѣревается идти въ тотъ-же клубъ. Короче: клубъ, ужинъ, глинтвейнъ — вѣнецъ желанiй большинства.

„Что это за чудный клубъ, который всѣмъ такъ нравится, въ который всѣ стремятся?— думаетъ „мотылекъ“,—тамъ играетъ музыка, бываютъ танцы, какiе-то маскарады, кто-то кого-то интригуетъ и все кончается ужиномъ

съ глинтвейномъ! Хоть-бы однимъ глазкомъ взглянуть на этотъ клубъ!“

Ждать приходится не долго. Время бѣжитъ торопливо; у „мотылька“ понемногу начинаютъ отростать крылышки... Вотъ, ужъ у него какъ-то завелся „предметъ“, какъ называютъ подруги молодого, только-что вышедшаго изъ ученія приказчика Сашу Королькова; вотъ уже каждый вечеръ подкупленная имъ кухарка потихоньку суетъ „мотыльку“ сложенные вчетверо клочки бумажекъ, на которыхъ нацарапано полудѣтскимъ почеркомъ:

„Андилъ Люба, приходи сиводня послѣ запора въ михаловской сквѣръ. Буду ожидать у калитки которая сконки...“

Вотъ ужъ „мотылекъ“ успѣлъ испытать и блаженство первой любви, и горькое чувство досады отъ недостатка средствъ у „предмета“, получающаго 15 рублей жалованья въ мѣсяцъ, и муки ревности. Все это покуда происходитъ во мракѣ и втайнѣ, какъ происходитъ развитіе другого, зоологическаго мотылька... Но молодая душа рвется къ свѣту, къ блеску, и въ одинъ прекрасный вечеръ „мотылекъ“, въ сопровожденіи подруги, является въ клубъ, подъ прикрытіемъ купленной въ табачной лавочкѣ—маски.

Можетъ-ли пройти незамѣченнымъ появленіе въ толпѣ размалеванныхъ, старыхъ „жрицъ любви“ юнаго, свѣжаго существа? Что нужды, что это существо, одѣто въ простое скромное платье и не блещетъ окраской куп-

*

леннаго съ чужого плеча вычурнаго наряда! За то смотрите какъ она миловидна, мила, весела и наивна; смотрите, какъ увиваются за нею опытные по этой части кавалеры!..

И „мотылекъ“ рѣзвится, можетъ быть въ первый и послѣдній разъ въ жизни, отъ души отдаваясь охватившему его чувству радости и свободы: въ вихрѣ вальса онъ порхаетъ по залѣ, переходя изъ однѣхъ рукъ въ другія, и все поетъ и трепещетъ весельемъ въ его маленькомъ, глупенькомъ, шибко бьющемся сердечкѣ. О, какъ хорошо, какъ весело! Музыка, музыка, скорѣе!.. Хоть на часъ, хоть на мигъ забыться отъ нужды, отъ тяжелаго, полуголоднаго труда!..

Утромъ Люба за работой. Она то низко опускаетъ голову надъ шитьемъ, то смотритъ тусклыми глазами въ запыленныя окна мастерской. Какая тоска! Крупныя капли дождя падаютъ на стекла оконъ и они словно плачутъ; по улицѣ проходятъ люди и у всѣхъ ихъ такія хмурыя лица; оборванная старуха стоитъ на углу и, протягивая изсохшую, морщинистую руку, проситъ подаянія, другая съ корзинкой въ рукахъ, продаетъ у кабака яйца... Какъ медленно тянется время! Скорѣе-бы кончился этотъ ненавистный день труда, скорѣй-бы зажглись фонари и засвѣтились огни у подъѣзда, обтянутаго тикомъ! Туда, какъ у истомившагося въ пустынѣ путника, рвется душа Любы... Такъ куритель опіума, безучастный ко всему окружающему, томится

и страдаетъ, пока не закуритъ своей трубки и новый міръ неизъяснимыхъ наслажденій не охватитъ его всего...

Дни бѣгутъ за днями. Въ упоеніи счастья кружится „мотылекъ“, не озираясь назадъ, не заглядывая впередъ, и все болѣе и болѣе пріобрѣтая поклонниковъ своей наивной, простой красотѣ. Удивительно быстро мѣняются фазисы его жизни. Люба ушла изъ мастерской, Люба живетъ въ прилично-меблированной квартирѣ, Любу видѣли чуть не въ соболяхъ, катавшейся въ собственномъ экипажѣ, затѣмъ кто-то встрѣтилъ ее въ обществѣ заклада движимыхъ имуществъ, потомъ стали встрѣчать ее на Невскомъ и пѣшкомъ, и, наконецъ, Любу частенько стали замѣчать въ въ трактирѣ на Садовой...

„Мотылекъ“ кончалъ свое короткое существованіе... Хорошо, если какой нибудь хищникъ пернатой породы ударитъ клювомъ мотылька и сразу покончитъ съ его жизнью, или сѣверный вѣтеръ срѣжетъ его своимъ суровымъ дуновеніемъ; хорошо, если Саша Корольковъ, повадившійся ходить въ тотъ-же трактиръ на Садовой встрѣтитъ Любу и въ припадкѣ пьяной ревности, въ антрактѣ между „Маршемъ Буланже“ и „Дунайскими волнами“ ударомъ ножа разомъ покончитъ съ нею... А если мотылекъ обожжетъ и обобьетъ свои крылышки, ползая жалкимъ червемъ, будетъ раздавленъ на троттуарѣ, а если Люба, падая все ниже и ниже, доживетъ до болѣзней и

старости, подобно той старухѣ, — то будетъ продавать яйца у кабака, то просить подаянія — и, наконецъ, съ дикимъ проклятіемъ судьбѣ на пьяныхъ устахъ испуститъ духъ въ промозгломъ, вонючемъ углу?..

Замѣчали-ли вы, какъ у стѣнъ домовъ кружится мотылекъ? Онъ родится, чтобы прожить сутки, другія, и погибнуть безслѣдно... Пожалѣйте его!..

Пожалѣйте и нашего „мотылька!“ Между ними такъ много общаго. И они жить хотятъ, хотятъ свѣта и счастья! Вѣдь не ихъ вина, что существуетъ сѣверный вѣтеръ, несущій морозы и снѣгъ, и есть люди, которые безжалостно и безпощадно обрываютъ крылья „мотыльковъ“ только потому, что крылья эти красивы и что имъ такъ нравится...

Кондукторъ.

Первое понятіе о „кондукторѣ“ петербуржецъ получилъ едва-ли не съ возникновенія знаменитыхъ нѣкогда „Минерашекъ“, когда дачный людъ въ изобиліи началъ населять Новую и Старую деревни. Огромные рыдваны, имѣвшіе стоянку у Гостинаго двора, напол-

нялись спѣшившими домой, на лоно природы, чиновниками, и четыре клячи, управляемыя полупьянымъ ямщикомъ въ архалукѣ и шапкѣ съ павлиньими перьями, медленно плелись по безконечно длинному Каменноостровскому проспекту. Кто не помнитъ этихъ рыдвановъ, этихъ ямщиковъ, помахивавшихъ кнутами и дико гикавшихъ на лошадей, наконецъ, этихъ кондукторовъ, загорѣлыхъ какъ цыганы, ухарски-грубыхъ и грязныхъ, оглашавшихъ весь путь безпрестанными молодецкими посвистами и криками „пошелъ!“

Сидя на задкѣ дилижанса, эти примитивные кондукторы уподоблялись хищнымъ птицамъ, высматривавшимъ жертву. Стоило какому-нибудь пѣшеходу,—не имѣвшему ни желанія, ни надобности садиться въ дилижансъ,—сдѣлать нечаянное движеніе, какъ запримѣтившій его жестъ кондукторъ мгновенно проникался сознаніемъ своихъ обязанностей, кричалъ „стопъ“, останавливалъ дилижансъ, махалъ руками и даже шапкой, усиленно предлагая пѣшеходу занять несуществовавшее мѣсто въ каретѣ. Жалобы и протесты не приводили ни къ чему, покуда кондукторъ самъ не убѣждался въ томъ, что пѣшеходъ, дѣйствительно, не желаетъ ѣхать и не кричалъ свое знаменитое „пошелъ“. А эти безконечныя стоянки на конечныхъ пунктахъ, — стоянки, приводившія въ ярость самыхъ разсудительныхъ, миролюбивыхъ людей!

Несчастные узники терпѣливо прождали

въ душной каретѣ обѣщанныя десять минутъ, а дилижансъ не только не трогается, но даже кучеръ вовсе не намѣренъ занять свой постъ и раскуривая трубочку, преспокойно бесѣдуетъ съ какимъ-то постороннимъ человѣкомъ. Проходитъ еще томительныхъ десять минутъ; пассажиры, сдерживая ярость, начинаютъ кусать губы и слѣдить за каждымъ движеніемъ кучера. Вотъ, кажется, онъ подходитъ къ лошадямъ? Да, съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть подкову на правой передней ногѣ у коренной. Затѣмъ злодѣй снова начинаетъ набивать трубку и заводитъ бесѣду съ другимъ постороннимъ человѣкомъ.

— Кучеръ, да когда-же мы, наконецъ, ѣдемъ?—вырывается изъ кареты вопль одного почтеннаго пассажира.

— А я почемъ знаю!—отвѣчаетъ невозмутимо кучеръ:—нешто я кондукторъ?

— Гдѣ-же кондукторъ?

— Шутъ его знаетъ! Надо быть, въ трак тиръ пошелъ.

Молчаніе. Проходитъ еще четверть часа. Не только кондукторъ, но и кучеръ какъ въ воду канули и однѣ клячи, понуривъ головы и шевеля ушами, ведутъ между собою безмолвную бесѣду.

Истомившіеся, обозленные пассажиры сговариваются бунтовать и всѣ до одного выползаютъ изъ дилижанса.—Чортъ-бы ихъ побралъ! Что за порядки такіе! Но только что они отходятъ нѣсколько саженей, какъ, словно

по мановенію волшебнаго жезла, громыхая и дребезжа всѣми своими суставами, ихъ догоняетъ покинутый дилижансъ съ кучеромъ на облучкѣ и кондукторомъ сзади.

— Пожалуйте, пожалуйте! Ѣдемъ!—кричитъ послѣдній.

Обрадованные и поэтому смѣнившіе гнѣвъ на милость, пассажиры наперерывъ спѣшатъ занять мѣста. Хитрецу-кондуктору только этого и нужно; остановивъ дилижансъ, онъ начинаетъ „ловить„ пассажировъ, т. е. оглядываться направо и налѣво, приглашать мимоидущихъ подманивая обѣщаніемъ „сей минуту" тронуться и махать руками отдаленнымъ, движущимся точкамъ на горизонтѣ, которыхъ только его зоркій, кондукторско-хищническій глазъ можетъ принять за людей и притомъ такихъ, которые непремѣнно торопятся къ дилижансу.

— Да поѣзжай-же ты, чортъ возьми! — кричитъ почтенный пассажиръ,—чего сталъ, вѣдь нѣтъ никого! Кан-налья!

— Помилуйте, вонъ дама бѣжитъ! Запыхалась даже! Нельзя-съ! Съ насъ тоже взыскиваютъ!..

— Какая дама! Это собака!

— Помилуйте, что вы! Людей за собакъ принимаете!—обижается кондукторъ, — вонъ изволите видѣть, зонтикомъ машетъ!..

И такъ чуть не на каждомъ шагу, до самаго конца путешествія. Ну, не бестіи-ли эти примитивные кондукторы!

Теперь сравните съ этимъ исчадіемъ рода человѣческаго нашего современнаго конно-желѣзнаго кондуктора. Во-первыхъ, сравнительно съ своимъ прототипомъ,—онъ щеголь, одѣтъ опрятно, строго по формѣ, носитъ усы, которымъ бы могъ позавидовать иной ротмистръ въ отставкѣ, и даже, вѣрьте не вѣрьте, опрыскиваетъ ylang-ylang'омъ свой носовой платокъ. А между тѣмъ онъ труженикъ, какихъ мало! Въ пять часовъ утра онъ уже на ногахъ. Напившись чаю и снарядившись какъ слѣдуетъ, онъ спѣшно шагаетъ въ паркъ гдѣ долженъ отыскать свой вагонъ и произвести ему самую подробную ревизію въ смыслѣ чистоты и во избѣжаніе штрафа. Затѣмъ, у соотвѣтствующаго должностнаго лица онъ беретъ проѣздные билеты и снова отправляется къ своему вагону, таща съ собою „буферъ", т. е. вагонный фонарь. „Динь, динь, динь!" Это сигналъ къ запряганію лошадей. Но, вотъ, лошади запряжены и кондукторъ, стоя на передней площадкѣ и звоня, выѣзжаетъ изъ воротъ парка. Пожалуй, если хотите, это похоже на выходъ корабля въ море. Какихъ, какихъ только случаевъ и приключеній не придется испытать нашему конно-желѣзному „моряку!" До сорока параграфовъ инструкціи онъ долженъ знать на зубокъ; малѣйшая оплошность, недоглядѣнье, влекутъ за собою болѣе или менѣе строгое взысканіе. А возня съ нашей публикой, которой нѣтъ никакого дѣла до какихъ-бы то

ни было „правилъ“ и которая умѣетъ твердить только одно, что, дескать, „не мы для васъ, а вы для насъ!“ О, конечно, они для насъ, кто-же въ этомъ сомнѣвается! Но, вотъ, одному сердитому и важному пассажиру, уткнувшему носъ въ газету и не глядя отдавшему пятачекъ,—кондукторъ подаетъ билетъ. Пассажиръ не удостоиваетъ вниманіемъ этотъ цвѣтной клочокъ бумаги.

— Потрудитесь получить билетъ!—говоритъ кондукторъ.

— На что онъ мнѣ!—бормочетъ пассажиръ, усиленно водя носомъ по газетѣ.

— Потрудитесь получить! — настаиваетъ кондукторъ.

— Убирайся ты съ твоими дурацкими билетами! Надоѣлъ!—разражается пассажиръ.

Кондукторъ, молча, кладетъ билетъ на колѣни. Движеніе и бумажка слетѣла на полъ.

— Вашъ билетъ!—спрашиваетъ контролеръ, спустя нѣсколько минутъ.

— Какой билетъ!—отрывается отъ газеты пассажиръ,—я не получалъ! Не знаю!..

Контролеръ уходитъ на заднюю площадку, и, подозрительно взглянувъ на кондуктора, черкаетъ что-то въ записной книжкѣ. Это штрафъ.

А вотъ барыня, которая хочетъ сойти съ вагона какъ разъ тамъ, гдѣ никакой остановки „по правиламъ“ не полагается. На-

прасны убѣжденія кондуктора и ссылки его на распоряженія начальства,—барыня ничего знать не хочетъ и въ словахъ убѣждающаго прозрѣваетъ одну грубость. Въ такихъ случаяхъ всегда находится услужливый кавалеръ, который, обругавъ кондуктора дуракомъ и болваномъ, выскакиваетъ на площадку, дергаетъ звонокъ и дѣйствительно останавливаетъ вагонъ. А праздничные дни съ ихъ пьяными пассажирами всегда какъ-то незамѣтно проникающими и, притомъ, обязательно на имперіалъ вагона (для воздуха! Пот-то-му—ж-жа-ри-ща!"). Неугодно-ли, согласно „правиламъ", просить такого любителя воздуха оставить понравившуюся ему вышку, неугодно-ли остановить вагонъ, пригласить городового и „вѣжливо" (пот-то-му, какъ ты, болванъ, смѣешь м-меня тр-ро-гать!) доставить „господина" на твердую землю. А разные хромые, слѣпые, убогіе, дѣти и полоумные, которые требуютъ, чтобы кондукторъ ихъ посадилъ и осторожно высадилъ, которые сами не знаютъ куда ѣдутъ, обременяютъ разспросами, доѣхавши до конца убѣждаются, что попали совсѣмъ не въ ту сторону и за все, про все обвиняютъ кондуктора! А любители куренья и чужихъ бумажниковъ, скопляющіеся въ недозволенномъ количествѣ на задней площадкѣ, умышленно и неумышленно производящіе толкотню! О, господа, сколько самообладанія, такта нужно имѣть нашему кондуктору, какими стальными нервами долж-

ны быть снабжены эти тридцати-рублевые труженики.

Въ заключеніе всего, вечеромъ, въ темнотѣ, какой-то весьма приличный джентльмэнъ въ цилиндрѣ, платя за занимаемое мѣсто, небрежно бросаетъ кондуктору пятирублевую бумажку. Кондукторъ размѣнялъ,—джентльменъ съ достоинствомъ вышелъ изъ вагона и исчезъ. Прибывъ въ паркъ, кондукторъ сдаетъ артельщику выручку и вдругъ видитъ, что знакомая синенькая бумажка ловко выскальзываетъ изъ подъ пальцевъ опытнаго счетчика и летитъ обратно.

— Это что-же?—спрашиваетъ опѣшившій кондукторъ,—зачѣмъ вы мнѣ назадъ кинули.

— Не годится!..

— Какъ не годится?

— Фальшивая!

Ну, вотъ и неугодно-ли шестую часть жалованья снести подъ красный штемпель!..

А на завтра опять плаваніе въ бурныхъ волнахъ столичной жизни, опять хлопоты съ дамами и ихъ заступниками, съ пьяными, убогими, дѣтьми, съ приличными джентльмэнами въ цилиндрахъ; и только на третій день отдыхъ, отдыхъ головѣ, ногамъ, рукамъ, всему изможденному, изболѣвшему отъ простуды тѣлу. Этотъ отдыхъ—сонъ, мертвый, неподвижный и долгій, какъ сама смерть!

Нѣтъ, господа! Если Бисмаркъ какъ-то выразился, что онъ не желалъ-бы быть прус-

скимъ почтовымъ чиновникомъ и почтовой клячей,—то избави Богъ всякаго сдѣлаться кондукторомъ на конно-желѣзной дорогѣ!..

Буянъ и Туманъ.

Оба они родились отъ родной матери—Лыски, которая, исполнивъ свою обязанность, какъ-то въ зимнюю ночь вылѣзла изъ-подъ воротъ на деревенскую улицу и была разорвана волками. Неизвѣстно, какимъ образомъ щенки не только уцѣлѣли, но и подросли настолько, что въ состоянiи были выползти во дворъ на потѣху ребятишекъ, таскавшихъ и муштровавшихъ ихъ до тѣхъ поръ, пока они не пустили въ дѣло своихъ острыхъ, какъ иголки, зубовъ. Черезъ годъ самаго несчастнаго существованiя щенки превратились въ красивыхъ, большихъ псовъ и начали нести свою собачью службу—одинъ живя у зажиточнаго мужика Сидора, а другой у его сосѣда Луки. Жившаго у Сидора, рыжаго, курчаваго пса, назвали Буяномъ, а другого, чернаго, съ бѣлыми пятнами, Туманомъ. По ночамъ оба караулили дворы сво-

ихъ хозяевъ, оберегали скотину; днемъ, въ лѣтнее время, отправлялись на покосъ или жнитво, и тамъ, свернувшись клубкомъ подъ телѣгой, зорко слѣдили за хозяйскимъ добромъ. Случалось имъ ходить и со стадами, и въ ночное съ лошадьми, и общее убѣжденіе крестьянъ было то, что лучшихъ и болѣе понятливыхъ собакъ не было не только въ этой деревнѣ, но и въ сосѣднихъ. Однажды Лука, соблазнившись двугривеннымъ, продалъ Тумана за двадцать верстъ какому-то незнакомому человѣку, и былъ чрезвычайно сконфуженъ, когда на слѣдующее утро увидѣлъ своего вѣрнаго пса у себя на дворѣ, съ обрывкомъ толстой веревки на шеѣ.

Прошла зима съ ея морозами, метелями, длинными зимними ночами. Почти всѣ собаки въ деревнѣ были переѣдены волками, которые въ этотъ годъ отличались изобиліемъ и особенной дерзостью; Буянъ съ Туманомъ уцѣлѣли. Наступила весна, и вотъ однажды, когда поля обнажились отъ снѣга и началась ѣзда на телѣгахъ, Сидоръ съ Лукою сговорились везти въ Питеръ сѣно для продажи на четырехъ возахъ. Неизвѣстно, какимъ образомъ ихъ намѣреніе сдѣлалось извѣстнымъ Буяну съ Туманомъ, но когда мужики раннимъ утромъ начали запрягать лошадей и снаряжаться въ дорогу, Буянъ, отличавшійся болѣе легкомысленнымъ характеромъ нежели его братъ, посмотрѣлъ на Тумана, какъ-бы говоря:

— А что, не махнуть-ли и намъ?

На что Туманъ взглядомъ отвѣчалъ ему:

— Ладно-ли будетъ? Путь дальній и незнакомый, не случилось-бы чего? Въ Питерѣ мы съ тобой не бывали!

— То-то и любопытно! Что за Питеръ такой? Должно быть, городъ хорошій: оттуда наши мужики веселые такіе возвращаются!— соблазнялъ Буянъ.

— Не возьмутъ насъ! Лучше не идти!— отнѣкивался Туманъ.

— А не возьмутъ, прогонятъ, такъ мы съ дороги вернемся!

Ну, словомъ, какъ ни отговаривался Туманъ, а легкомысленный Буянъ взялъ-таки перевѣсъ, соблазнилъ его, и оба пса, когда тронулись возы, чинно пошли за ними.

Цѣлыхъ двое сутокъ тянулись возы то по проселочной, то по большой дорогѣ, заѣзжали на постоялые дворы, гдѣ мужики пили чай и водку, отдыхали, ночевали, а оба пса, твердо помня свои обязанности, несли подъ возами сторожевую службу.

Наконецъ показался городъ, показались, освѣщенные утренними лучами солнца, золотые кресты церквей, потянулись деревянные домики пригорода, кабаки, трактиры, лавочки, тутъ и тамъ засновалъ озабоченный городской людъ.

Обѣ собаки съ удивленіемъ смотрѣли на прохожихъ и, ощущая что-то похожее на

смутный страхъ, шли не отставая другъ отъ дружки.

Возы тащились, тащились и дотащились, наконецъ, до Знаменской площади, а такъ какъ до сѣннаго рынка, что у Ивана Предтечи было еще довольно далеко, лошади-же притомились и захотѣли пить, то мужики приворотили къ водопойной колодѣ, что стоитъ на Лиговкѣ, разнуздали лошадей и начали ихъ поить, въ поощреніе тихонько посвистывая.

Собаки остановились ждать у самыхъ возовъ. Буянъ легъ на мостовую мордой прямо къ возамъ, а Туманъ, стоя, съ удивленіемъ озирался вокругъ.

„Да, недаромъ мужики хвалятъ Петербургъ,—думалъ онъ,—„городъ хоть куда, не чета ему наша деревня! Только все-же въ деревнѣ лучше... Тутъ что-то не по себѣ. Смутно какъ-то!“. Вѣрьте не вѣрьте, а эта дума была написана въ глазахъ Тумана, въ которые я заглянулъ проходя мимо. Въ нихъ было совершенно такое-же выраженіе какого-то боязливаго смущенія и робости, какое случается подмѣчать въ глазахъ деревенскаго человѣка, впервые очутившагося на улицахъ Петербурга.

„Хорошо-то оно хорошо, словъ нѣтъ,—думаетъ деревенскій человѣкъ, а, все-таки, лучше поскорѣе домой!“

Итакъ, лошади пили, мужики нашаривали въ мошнахъ копѣечки, а собаки ждали.

Въ это время (это было около 7 часовъ утра) по Знаменской площади тихо подвигался фургонъ въ одну лошадь. Каждому петербуржцу извѣстно, что находится въ этомъ фургонѣ. На нѣкоторомъ разстоянiи отъ него пробирались два человѣка. На обоихъ были сѣрыя куртки и форменныя фуражки съ нумерами; у обоихъ въ рукахъ были круги просмоленныхъ веревокъ съ петлями на концахъ.

Завидя Буяна съ Туманомъ, люди эти начали тихонько, чуть не на цыпочкахъ, подходить къ нимъ... Вдругъ въ рукахъ перваго человѣка веревка развернулась, описала странную фигуру въ воздухѣ, петля упала на шею Буяна и упиравшуюся всѣми лапами, сильно мотавшую головой собаку человѣкъ потащилъ къ фургону.

Увидя, какая бѣда приключилась съ братомъ, Туманъ бросился подъ телѣгу съ сѣномъ. Второй человѣкъ кинулся за нимъ. Изъ подъ одной телѣги Туманъ забрался подъ другую, третью, четвертую. Неумолимый человѣкъ всюду преслѣдовалъ его, наконецъ, такъ-же, какъ Буяну, накинулъ ему петлю на шею и потащилъ къ фургону, едва справляясь съ сильной собакой. Все это происходило въ полнѣйшей тишинѣ, въ нѣмомъ молчанiи, не было слышно ни визга, ни лая; петли душили собакъ и звукъ не выходилъ изъ сдавленнаго горла.

Мужички все еще шарили по мошнамъ,

отыскивая копѣечки, и когда, наконецъ, расплатились, ихъ вѣрные сторожа сидѣли въ фургонѣ, въ обществѣ другихъ собакъ. Тутъ былъ печальный мопсъ съ хорошенькимъ ошейникомъ, выпущенный погулять неосторожной кухаркой, была дворняжка рабочаго,—утѣха его бѣдныхъ ребятишекъ, проводившихъ свое грустное дѣтство въ подвалѣ, былъ барбосъ дворника, будившій его на дежурствѣ въ глухія, зимнія ночи, былъ сетеръ за увлеченіе любовью заплатившій плѣномъ, но, вѣрьте не вѣрьте, а тутъ не было ни одной *бродячей* собаки, потому что ихъ давнымъ давно въ Петербургѣ нѣтъ.

Фургонъ поѣхалъ дальше, ловцы разошлись отыскивая новыхъ жертвъ, и мужички, не найдя своихъ собакъ и узнавши, что ихъ забрали, махнули рукой и поѣхали дальше.

Сѣно было продано, деньги получены, мужички забрались на постоялый, вспрыснули выгодную продажу и, съ хмѣльнымъ засадомъ въ головахъ, покатили домой.

— А Буянка-то нашъ тю-тю!—съ пьяной улыбкой сообщалъ Сидоръ своему младшему сыну, Васюткѣ.

— Тумана-то нашего того... забрали! — сказалъ Лука дочкѣ Наташѣ,—потому нельзя,—говорятъ, велѣно забирать, собакъ тоесть!..

— Ужъ ты какъ пьянъ, всегда что-нибудь потеряешь!—съ сердцовъ вырвалось у жены,

и бывшій у ней въ рукахъ ухватъ съ какой-то особенной неустрашимостью полѣзъ въ печь за горшкомъ...

Всѣхъ собакъ, бывшихъ въ фургонѣ, привезли на собачій дворъ, и размѣстили по клѣткамъ до извѣстнаго срока. За мопсомъ пріѣхала барыня и выкупила его, за сетеромъ явился баринъ, за остальными не явился никто и ихъ повѣсили.

Буянъ и Туманъ такъ и кончили, какъ начали, свою жизнь вмѣстѣ...

„Сквэрныя" дѣти.

Долгое время мы рѣшительно недоумѣвали, какъ и гдѣ проводитъ свое время самое юное, подростающее поколѣніе Петербурга? Правда, мы знали, что къ услугамъ дѣтей состоятельныхъ родителей существуютъ такъ называемые „дѣтскіе сады", гдѣ юнцы и юницы, въ возрастѣ отъ пяти до десяти лѣтъ, предаются соотвѣтственнымъ ихъ лѣтамъ забавамъ, посредствомъ „выкалываній" и „вырѣзываній" пріобрѣтаютъ необходимый практическій навыкъ къ жизни и учатся по складамъ читать и писать по-французски,—но, должны

сознаться, что, къ стыду нашему, мы еще не успѣли посѣтить эти великолѣпныя учрежденія. Правда, мы знаемъ, что антиподы первыхъ — дѣти совершенно несостоятельныхъ родителей, будучи вполнѣ предоставлены своимъ стремленіямъ и вкусамъ, учатся жизни на заднихъ дворахъ петербургскихъ пятиэтажныхъ громадинъ, упражняютъ тѣло цѣпляньемъ къ рессорамъ мчащихся извощичьихъ дрожекъ и въ подставленьи другъ дружкѣ „фонарей“ и „загогулинъ“, а духъ — въ быстромъ заимствованіи жаргона кухаркиныхъ пересудовъ и дворницкой брани. Все это мы, конечно, знали и неоднократно наблюдали, но насъ всегда занималъ вопросъ, какъ развиваются, что дѣлаютъ дѣти огромнаго числомъ *средняго* петербургскаго обывателя дѣти, блѣдныя, малокровныя фигурки которыхъ можно видѣть въ зимнее время торчащими въ окнахъ домовъ, что-то такое раскладывающими и складывающими, и которыя, съ наступленіемъ весны, исчезаютъ съ оконъ совершенно. „Конечно“, — думали мы, — „это дѣти такого, именно, класса петербуржцевъ, который лѣтомъ бивакируетъ въ разныя Новыя и Старыя деревни, Шуваловки и Заманиловки, но куда-же этотъ непосѣда-цыганъ прячетъ своихъ ребятишекъ въ промежуточное, весеннее время? Не прячетъ-же онъ ихъ по сундукамъ, предварительно посыпавъ нафталиномъ?“ Вопросы эти, смущая нашъ духъ, долго не давали намъ покоя, пока мы, тщательнымъ изу-

ченіемъ уличной жизни, не убѣдились въ томъ, что вышеназванные родители съ девяти часовъ утра и до семи пополудни, съ небольшимъ обѣденнымъ промежуткомъ, „прогуливаютъ“ и провѣтриваютъ своихъ дѣтей на „чистомъ“ воздухѣ петербургскихъ садовъ и свэровъ, и что, поэтому, этотъ сортъ дѣтей правильнѣе было-бы назвать „садовыми“ или „сквэрными дѣтьми“.

Девять часовъ майскаго, тусклаго и довольно свѣжаго утра. Папаши-чиновники, папаши-конторщики и папаши—всякіе служащіе отправились къ своимъ канцеляріямъ и конторамъ, мамаши-чиновницы — на рынокъ за провизіей, а „няня“, деревенскаа дѣвка Степанида, съ лицомъ, округлостью напоминающимъ хорошій подсолнечникъ, и руками красными и жесткими, какъ у гуся, надѣла на Ѳединьку пальтецо-ульстеръ, на Сонечку — „пруфъ“, надвинула на голову одному матросскую шапочку, а другой—новомодную капоръ-шляпку, напялила обоимъ по парѣ фильдекосовыхъ перчатокъ, прихватила сѣтку съ мячикомъ, дѣтскій совокъ и ведерко и отправилась въ ближайшій сквэръ, гдѣ уже собралось десятка два другихъ Ѳединекъ и Сонечекъ, находящихся подъ наблюденіемъ нѣсколькихъ Марфъ и Акулинъ. Съ выраженіемъ полнѣйшей апатіи на лицахъ, чинно и мирно входятъ дѣти въ ограду сада и въ то время, когда ихъ няни успѣли разсѣсться по скамейкамъ и уже перекинуться нѣсколькими

критическими замѣчаніями по адресу своихъ господъ, дѣти скучливо жмутся къ ихъ колѣнямъ.

— Ѳединька, поди, побѣгай!—предлагаетъ Степанида,—Сонечка, чего стоишь? Возьмитесь за ручки, побѣгайте!

Ѳедя и Соня покорно берутся за ручки и дѣлаютъ нѣсколько круговъ по саду.

— Въ мячикъ поиграйте! — предлагаетъ Степанида.

— Я хочу песочекъ сыпать! — заявляетъ Сонечка.

Степанида отдаетъ ей необходимыя для этого орудія и дѣвочка, ставши на корточки у кучки песка, начинаетъ самымъ безсмысленнымъ образомъ сыпать песокъ въ ведерко высыпать его и снова насыпать. То-же самое дѣлаютъ и всѣ другія дѣти. Поразительна эта покорная автоматичность движеній, этотъ сосредоточенный видъ нахмуренныхъ дѣтскихъ личиковъ, этотъ интересъ къ пустому, глупому дѣлу! О, какіе непреклонные чиновники-формалисты выработаются впослѣдствіи изъ Ѳединекъ и Васинекъ, какими черствыми эгоистками будутъ ихъ законно пріобрѣтенныя Сонечки и Манечки, сколько разъѣдающаго песку насыплютъ онѣ на будущій очагъ ихъ семейной жизни!..

Однако, покуда мы предаемся этимъ грустнымъ размышленіямъ, дѣтей прибываетъ все больше и больше. Всѣ они одѣты „скромно, но прилично", всѣ держатъ себя скромно,

играютъ прилично въ мячикъ, воланъ, въ „кошку и мышку", въ „золотыя ворота" и проч.,—словомъ, во всѣ такія игры, придуманныя малокровнымъ воображеніемъ, въ которыхъ нельзя перепачкаться, не предстоитъ надобности сдѣлать лишнее вольное движеніе. Нѣкоторыя дѣти, постарше, ходятъ, заломивъ руки за спину, и прислушиваются къ разговорамъ взрослыхъ, сидящихъ на скамейкахъ. „Свэрные" сторожа, въ ихъ сѣромъ одѣяніи производящіе впечатлѣніе тѣхъ татаръ, которые караулятъ звѣрей въ Зоологическомъ саду, похаживаютъ по саду съ длинными хворостинами и посматриваютъ, оберегая отъ дѣтскихъ ногъ чахлую зелень дорожекъ.

Послѣ полудня сквэръ начинаетъ замѣтно пополняться взрослыми. Артельщикъ, посланный въ банкъ и по дорогѣ выпившій бутылку-другую пива, зашелъ отдохнуть на минутку, сѣлъ на припекѣ, сомлѣлъ и „удитъ рыбу" носомъ; барыня-салонница съ крючковатымъ носомъ и безцвѣтными, злыми глазами, возвращаясь отъ купца-благодѣтеля, присѣла на скамейку и жуетъ что-то съѣдобное, вытаскиваемое изъ ридикюля; потертый старикъ въ истоптанныхъ сапогахъ и цилиндрѣ, грѣющій на солнцѣ ревматическія ноги и переваривающій „гигіеническій" обѣдъ общества охраненія народнаго здравія; другой, молодящійся старикъ-щеголь, отдыхающій послѣ предписанной врачемъ прогулки и останавливающій мутныя очи на проходящихъ боннахъ

и гувернанткахъ, наконецъ, двѣ барыни, зашедшія съ покупками по пути изъ Гостинаго двора и обсуждающія безпутное поведеніе мужа одной изъ нихъ... А „скромно, но прилично одѣтыя“ дѣти все играютъ въ „кошку-мышку“ и „золотыя ворота“, все пересыпаютъ песокъ и бѣгаютъ, взявшись за руки, пока перемывшія до бѣла косточки своимъ господамъ няни не соскучатся и не потащатся къ домамъ. Но на смѣну однѣхъ являются другія няни съ другими дѣтьми, какъ двѣ капли воды похожими на первыхъ, и тянутся, какъ въ сказкѣ, „о бѣломъ бѣчкѣ“, тѣ-же „ворота“ и „мышки“.

Но вотъ въ сквэрѣ случилось что-то. Публика смотритъ въ одну сторону, „сквэрныя“ дѣти прекратили игры и группируются въ кучки, гдѣ-то вдали, на улицѣ, мелькаетъ встревоженный силуэтъ городового. Что это? Заснулъ-ли на скамейкѣ неосторожный артельщикъ и „свэрнымъ“ сторожемъ подвергнутъ былъ за то остракизму, или тотъ-же „сквэрный“ сторожъ отъ скуки далъ публикѣ блестящее представленіе изгнанія изъ сада ненарокомъ забѣжавшаго пса? Нѣтъ, инцидентъ вышелъ почище. Вонъ, по сквэру съ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ, бѣгаетъ блѣдная отъ испуга съ выбившимися изъ-подъ платка волосами, молодая нянюшка и спрашиваетъ каждаго проходящаго, не видалъ-ли онъ мальчика пяти лѣтъ „въ пальтецѣ“, матросской шапочкѣ, „съ кудерьками...“ Примѣты для дѣтей, одѣтыхъ „скромно, но прилично“, до-

вольно общія, и поэтому, оказывается, никто, даже самъ господинъ городовой, такого мальчика не видалъ...

Гдѣ-же ты, бѣдный „сквэрный“ мальчикъ? Надоѣло-ли тебѣ сыпать песочекъ, слушать пересуды нянюшекъ и ты захотѣлъ къ папашѣ и мамашѣ, или, подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, теплаго вѣтерка и щебетанья воробьевъ, проникшись внезапно хлынувшимъ въ твою хилую грудь чувствомъ свободы, ты рискнулъ на великій актъ самостоятельности, рѣшился бѣжать изъ опостылѣвшаго тебѣ сквэра, отъ скверныхъ нянекъ, „сквэрныхъ“ сторожей, всей этой „сквэрной“ публики, бѣжать куда глаза глядятъ, бѣжать пока держатъ ноги?

„Чижики“.

Велика должна быть клѣтка, въ которой помѣщается полъ тысячи „чижиковъ“ да три съ половиною тысячи „чижихъ!“ Клѣтка эта,— огромное каменное зданіе, раздѣленное на 31 отдѣленіе, а птицы, населяющія его—богадѣленскіе старички и старушки, Богъ вѣсть почему прозванные на мѣстномъ жаргонѣ „чижами“. Впрочемъ, глядя на беззаботныя лица призрѣваемыхъ, на ихъ свободныя дви-

женія въ богадѣленскомъ саду, мы пришли къ убѣжденію, что болѣе характерной клички имъ и нельзя было дать. Чижикъ—птичка хотя и лѣсная, но очень скоро освоивающаяся съ неволей и способная жить при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Въ душной общей комнатѣ трактира послѣдней руки, подвѣшенный въ своей тѣсной клѣткѣ къ потолку, пропитанный табачнымъ дымомъ, винными и всякими другими испареніями,—чижикъ живетъ себѣ да живетъ, подпѣваетъ хриплымъ звукамъ плохого органа и только толстѣетъ; въ грязной мелочной лавочкѣ, въ сыромъ подвалѣ у какого-нибудь вѣчно полупьянаго мастерового, въ мансардѣ у полуголодной швеи,—чижикъ одинаково веселъ,—словно-бы онъ жилъ въ хоромахъ: встрѣчаетъ слабый отблескъ утренней зари и провожаетъ вечернюю, прыгая съ жердочки на жердочку, поклевывая коноплю и даже иногда позволяя себѣ такую роскошь, какъ купанье въ крохотной глиняной сулейки. А знаете-ли, вовсе не рѣдкость, что богадѣленскіе старики и старушки доживаютъ до 80, 90 и болѣе лѣтъ! По крайней мѣрѣ, мы были убѣждены, что старичокъ, который, встрѣтя насъ у воротъ, любезно взялся проводить въ описываемое нами отдѣленіе, не смотря на бѣльма на обоихъ глазахъ, смѣло могъ разсчитывать къ своимъ шестидесяти годамъ прибавить въ будущемъ еще тридцать! Такимъ онъ смотрѣлъ осанистымъ въ своемъ черномъ, суконномъ

халатѣ, и такъ основательно перебиралъ ногами!

Только, когда мы уже подходили къ цѣли путешествія, походка почтеннаго старца вдругъ замедлилась, легкая тѣнь смущенія легла на его благообразное лицо и, дрожавшимъ отъ волненія голосомъ, „чижикъ“ рѣшился сдѣлать намъ признаніе:

— Пятнадцать годковъ тутъ живу... Какъ есть сирота! Никого-то у меня нѣтъ: ни родныхъ, ни знакомыхъ! Къ другимъ все коекто придетъ, а ко мнѣ хоть-бы одинъ человѣкъ!

— Но вамъ не возбраняется ходить въ гости?—спросили мы.

— Ни-ни! Это можно! Сколько угодно! Да куда пойдешь-то, ежели у меня никого нѣтъ?

Возраженіе было довольно основательное.

— Къ людямъ придутъ,—глядишь — что нибудь принесутъ,—а мнѣ кто принесетъ? Вотъ и промышляешь: проводишь кого изъ господъ, на булку дадутъ...

Мы поняли намекъ, но „чижикъ“, шествовавшій „изъ почтенія“ нѣсколько поотдаль, не могъ убѣдиться въ этомъ въ достаточной степени и поставилъ вопросъ ребромъ:

— Ужь вы, пожалуйте, что нибудь старичку?

— Безъ сомнѣнія,—отвѣтили мы—потрудитесь получить посильное вознагражденіе!

Монета перешла въ горсть благообразнаго старца и, напутствуемые благодарностями

и всякими пожеланіями, мы вступили куда намъ нужно было, а „чижикъ“ направился тоже туда, куда ему нужно,—т. е. къ воротамъ.

Обширная комната со сводами и высокими окнами—обиталище двухъ, трехъ десятковъ „чижиковъ“, пріютившихся вдоль стѣнъ каждый у своей койки и своего столика. Почти у всѣхъ надъ изголовьемъ висятъ или иконы (у нѣкоторыхъ даже съ лампадками), или лубочныя изображенія Христа и святыхъ. Тутъже, обязательно у каждой койки, доска съ начертаніемъ имени призрѣваемаго, его лѣтъ, и на чье иждивеніе онъ существуетъ. Это все пенсіонеры разныхъ вѣдомствъ, частныхъ, благотворительныхъ и другихъ учрежденій. По случаю праздничнаго дня и наплыва посѣтителей, „чижики“ находятся какъ-бы въ нѣкоторомъ возбужденіи. Койки пусты; но мѣста у столиковъ заняты пирующими за чаемъ хозяевами съ ихъ гостями. Сдержанный говоръ стоитъ въ отдѣленіи: кое-кто изъ призрѣваемыхъ бродитъ, опираясь на палку или костыль. Бравый мужчина, на видъ не особенно старый, съ сѣдоватыми, вьющимися волосами, носящій почему-то прозвище „полковника“, быстро мелькаетъ взадъ и впередъ, придерживая у груди небрежно накинутый на плечи халатъ и дымя толстой папиросой: сгорбленный человѣкъ съ коротко остриженными щетино-подобными волосами, приподнятыми вопросительно бровями и улыбкой сатира на тонкихъ, обритыхъ губахъ,—живое

воплощеніе подъячихъ старыхъ временъ, прошелъ съ достоинствомъ къ своей койкѣ, держа у объемистаго брюшка толстую тетрадь въ переплетѣ,—можетъ быть плоды сутяжническаго досуга, —сѣлъ, досталъ изъ ящика допотопнаго вида чисто сутяжническіе очки, и протираетъ ихъ, ядовито улыбаясь. Еще недавно старикашка предлагалъ всему отдѣленію составить и подписать протоколъ позорнаго остракизма одного легкомысленнаго сожителя, пытавшагося учинить дебошъ, а теперь, очевидно, высматриваетъ новую жертву своими рысьими глазами.

А вотъ и другой „чижикъ", совсѣмъ подъ пару первому, такъ-же гладко остриженный и съ такими-же вопросительными бровями, но онъ ведетъ теперь подъ руку „даму", толстую, сѣдую старуху въ чепцѣ, и, блаженно улыбаясь, спрашиваетъ всѣхъ, хорошо-ли будетъ, если онъ вступитъ съ этой дамой въ законный бракъ.

— Пора! Давно пора!—на лету пускаетъ вмѣстѣ съ дымомъ папиросы „полковникъ".

— Пора?—восторженно восклицаетъ „женихъ" и хохочетъ, и подпрыгиваетъ, какъ ребенокъ.

Все отдѣленіе вторитъ ему. Только слѣпому на оба глаза мужчинѣ среднихъ лѣтъ сегодня не до смѣха. Никто не пришелъ къ нему и онъ сидитъ на койкѣ въ мрачной задумчивости, положивъ оба локтя на столъ и спрятавъ голову въ руки. Что ему эти

яркіе лучи солнца, пробравшіеся откуда-то съ верху оконъ и играющіе золотистыми пятнами на полу, на койкахъ, на выпуклостяхъ жестяного чайника, стоящаго на столикѣ въ дальнемъ углу комнаты? Что ему до веселыхъ, возбужденныхъ лицъ сотоварищей и любопытствующихъ физіономій гостей? Мракъ застилаетъ его глаза и, должно быть, очень тяжело слушать ему людей, не имѣя возможности видѣть выраженія ихъ лицъ!

Впрочемъ, скверно не одному слѣпцу. Вонъ въ углу, въ бѣломъ колпакѣ, сердито уставившись взглядомъ въ одну точку и сложивъ руки на груди, сидитъ человѣкъ нѣмецкаго происхожденія. Это какой нибудь „честный ремесленникъ“—булочникъ или сапожникъ, который самымъ неожиданнымъ для нѣмца образомъ не съумѣлъ или не смогъ приготовить себѣ приличный покой на старости лѣтъ и принужденъ доживать трудовой вѣкъ на счетъ общественной благотворительности. Ему все здѣсь не нравится, все не по немъ: грязно, пахнетъ противной русской махоркой и слишкомъ много ѣдятъ чернаго хлѣба. Все это онъ высказываетъ приходящей къ нему ежедневно Каролинѣ, маленькой, щупленькой старушкѣ въ фаншонкѣ и ветхихъ митенкахъ, и сокрушенно прибавляетъ, что если-бы не „Heiliger Gott“, напоминаніе о которомъ, въ видѣ маленькаго темнаго распятія, виситъ надъ его изголовьемъ, то онъ совсѣмъ лишился-бы

мужества и упалъ-бы духомъ. Да, онъ, Фрицъ упалъ-бы духомъ!

— О, Фрицъ, зашэмъ ти такой traurig дѣлаешь!—со слезами въ голосѣ восклицаетъ старушка и, взявши морщинистую руку страдальца, нѣжно гладитъ ее своей маленькой, сухенькой ручкой.

А кругомъ говоръ и оживленіе, съ кухни то и дѣло приносятся жестяные чайники кипятку, лица угощающихся краснѣютъ, покрываются пòтомъ, словомъ всѣмъ хорошо и пріятно, не исключая эпилептика, молодаго, прилично одѣтаго человѣка, у котораго раскосые глаза возбужденно сверкаютъ и судорожно искривленное лицо покрывается пятнистымъ румянцемъ. Дурной признакъ! Сегодня-же, когда погаснетъ отблескъ послѣдняго солнечнаго луча, всѣ гости разойдутся, а „чижики“ размѣстятся на покой по своимъ койкамъ, и полумракъ бѣлой ночи, рисуя повсюду странныя тѣни, объемлетъ палату, этотъ молодой человѣкъ съ дикимъ крикомъ упадетъ на полъ и съ пѣной у рта станетъ биться въ мучительныхъ судоргахъ.

Изъ отдѣленія съ его спертымъ воздухомъ мы выходимъ въ садъ и медленно направляемся къ выходу. Тутъ и тамъ сидятъ и бродятъ старички и старушки. Кое гдѣ ведется тихая, предвечерняя бесѣда. У воротъ, на тумбѣ, сидитъ нашъ чичероне съ бѣльмами на глазахъ. Онъ дѣлаетъ намъ привѣтственный жестъ и мы отвѣчаемъ ему покло-

номъ. Прощай, благообразный старецъ! Да будетъ легокъ и пріятенъ твой сонъ! Пусть снятся тебѣ тысячи посѣтителей, обращающихся къ тебѣ за руководительствомъ, пусть снятся тебѣ кучи монетъ и булки, цѣлыя горы самыхъ румяныхъ, самыхъ сдобныхъ булокъ! Въ нихъ, однѣхъ все твое утѣшеніе!

И вотъ мы на улицѣ, среди здоровыхъ и молодыхъ людей, изъ которыхъ, быть можетъ, добрая половина будетъ потомъ искать пріюта и покоя въ стѣнахъ богадѣльни. Звонитъ и громыхаетъ конка, дребезжатъ извощичьи дрожки, горластый мальчишка-спичечникъ звонко выкрикиваетъ свой товаръ, проворный гусачникъ рѣжетъ солдату печенки на пятачокъ. Жизнь, всюду жизнь! И, какъ-бы въ подтвержденіе нашего восклицанія, мы, наталкиваемся на двухъ женщинъ, изъ которыхъ одна — типъ кухарки безъ мѣста, обитательницы подвала, а другая, въ чепцѣ, носящая на себѣ всѣ признаки „чижихи“. Сѣдые волосы обрамляютъ ея румяное, беззаботное лицо, глаза сверкаютъ лукавствомъ и маленькій, немного сизый носикъ задорно приподнятъ.

— Ахъ, матушка моя, да я лучше уйду!— горячо жестикулируетъ „чижиха“, — лучше уйду, говорю, отъ скандала! Что мнѣ? Слава Богу, не пропаду!

— Конечно, конечно! — подтверждаетъ вольная обитательница подвала,—ты еще женщина въ соку!

— Шерстяные мои чулки у ней же въ шкафчикѣ нашла, а коробка изъ-подъ конфектъ такъ и пропала! Кому больше, все ея дѣло, пакостницы! Я только скандала не хочу! Уйду и больше ничего! Такъ и скажу: ухожу, молъ!

„Чижиха" сдѣлала ухарскій жестъ, долженствовавшій изобразить ея стремленіе къ волѣ, и, притопнула ногой въ казенномъ башмакѣ.

— И уходи, уходи, милая, что тебѣ! Уголъ-то твой по сю пору пустуетъ! Право, уходи!—твердила обитательница подвала.

О, женщины, женщины!—подумали мы отходя,—повсюду-то вы вносите духъ недовольства, протеста и сопротивленія! Даже въ эту мирную обитель, гдѣ слѣпые, хромые и всякіе убогіе спокойно доживаютъ остатки своихъ безрадостныхъ дней; даже отъ этого скромнаго памятника любви и жалости къ человѣчеству вы готовы были бы не оставить камня на камнѣ! И ради чего! Вслѣдствіе глупой ссоры съ сосѣдкой по койкѣ изъ-за шерстяныхъ чулокъ и негодной коробки изъ-подъ конфектъ! А куда-же дѣнется бѣдный слѣпецъ, жалкій идіотъ съ вопросительными бровями, несчастный эпилептикъ и цѣлая масса потерявшаго силы и здоровье человѣчества, которое бодро вступило въ битву жизни, боролось, страдало, изнемогало и, искалѣченное, истерзанное, пришло сюда спастись отъ голода, укрыться отъ холода и непогодъ!

Одинокій.

„Одиночество,—славная вещь!—говорятъ женатые и преимущественно многосемейные люди,—то-ли дѣло покой и воля! Никакихъ обязанностей, никакихъ путъ у тебя нѣтъ, что захотѣлъ,—исполнилъ, куда задумалъ—умчался! Ни о комъ не печешься, ни за кого не страдаешь душою, ни къ чьей жизни не приспособляешь своей личной жизни и даже самая забота о хлѣбѣ насущномъ сводится почти къ нулю. Одна голова не бѣдна, а бѣдна,—такъ одна, гласитъ даже мудрая русская поговорка!“—„Одиночество,—страшная вешь!—говорятъ одинокіе люди,—что можетъ быть ужаснѣе ощущенія постоянной пустоты, что можетъ быть сквернѣе вѣчнаго ношенія съ самимъ собою! Сухимъ и черствымъ эгоистомъ дѣлается человѣкъ, осужденный на одиночество, живущій исключительно для себя, копающійся въ своемъ нутрѣ, въ своей дряни! „Не добро быти одному!“ убѣждаетъ старинная, русская поговорка“.

Да,—скажемъ мы,—одиночество, дѣйствительно, хуже! Мы видали семьи, задыхавшіяся въ гнилыхъ подвалахъ, холодавшія и голодавшія на чердакахъ, но то были *семьи*, тамъ было близкое, кровное сообщество людей, и

сквозь слезы бѣдной матери,—какъ лучъ солнца сквозь тучи,—мелькала улыбка при видѣ тянувшихся къ ней рученокъ младенца, и самое горькое отчаяніе въ груди отца смѣнялось восторгомъ счастья подъ нѣжной лаской дочери! Видали-ли вы, какъ дружно и стойко, какъ одинъ человѣкъ, вся полуголодная семья борется за свое существованіе? Видали-ли вы, какъ самоотверженно братъ помогаетъ сестрѣ, какъ мать, не досыпая и не доѣдая, трудится до послѣдняго вздоха ради воспитанія дѣтей, какъ дочь бережетъ и холитъ больного отца и какъ отецъ геройски лишаетъ себя послѣдняго куска хлѣба-чтобы дать образованіе сыну?

А видали-ли вы, какъ постыдно и тоскливо влачитъ свою жизнь одинокій человѣкъ? Средствъ у него столько, что ихъ хватило-бы на прокормленіе не одной, даже двухъ бѣдныхъ семей, а между тѣмъ, посмотрите,—онъ вѣчно недоволенъ всѣмъ. Чуть-ли не каждый день онъ мѣняетъ рестораны, и нѣтъ того блюда, съ самымъ заманчивымъ названіемъ, которое-бы ему понравилось, а зато какъ-же онъ доволенъ, когда его пригласятъ обѣдать въ семейный домъ! Покуда онъ молодъ, онъ бросается очертя голову на разныя развлеченія, дѣлается „почетнымъ посѣтителемъ“ всевозможныхъ злачныхъ мѣстъ, пьетъ и напаиваетъ другихъ, соритъ деньгами направо и налѣво и все это съ единственнымъ, тайно живущимъ въ его душѣ стремленіемъ найти по-

кой и ласку. Но вотъ онъ становится старше глупыя развлеченія „увеселительныхъ“ мѣстъ не удовлетворяютъ его больше, продажныя ласки—не ласки, а мнимый покой превращается въ пытку одиночнаго заключенія. Если онъ служитъ, то вы можете увидѣть, какъ мужчина въ сорокъ лѣтъ начинаетъ дѣлать карьеру. Онъ солиденъ, аккуратенъ по службѣ, онъ весь уходитъ въ дѣло которое ему поручено, вся дѣятельность его души направлена къ тому, чтобы обогнать одного и догнать другого. А годы идутъ, и все лучшіе годы, потраченные на канцелярскую и конторскую дѣятельность! Онъ получаетъ чины, высшія назначенія и кончаетъ тѣмъ, что или выходитъ въ отставку въ чинѣ „дѣйствительнаго“, или, наживъ капитальчикъ, бросаетъ заводъ, контору и начинаетъ бременить собою землю. Теперь, когда ему 60 съ хвостикомъ, голова его гола какъ колѣно, спина согнулась, ноги подкашиваются, теперь, когда онъ представляетъ изъ себя живую развалину,—одиночество и мертвая тишина его квартиры, напоминающая тишину могилы становятся для него невыносимыми.

Вотъ онъ всталъ и пьетъ чай. Солнце его безпокоитъ. Онъ призываетъ лакея и бранитъ его за то, что тотъ забылъ опустить занавѣсъ. Вкуса нѣтъ, аппетита также. Онъ и за это бранитъ лакея, придравшись, что будто-бы чай купленъ не тамъ, гдѣ слѣдуетъ и не тотъ. Въ сущности, онъ самъ въ это

не вѣритъ, но, вѣдь, нужно-же доставить себѣ развлеченіе,—хотя побраниться?

— Убрать!—кричитъ онъ, стуча костлявымъ кулакомъ по столу,—и не подавать мнѣ больше!

Лакей ушелъ. Тишина. Старый одинокій человѣкъ дремлетъ... Это что? Кто-то стучитъ подъ столомъ костяшками... А, это старый Ральфъ?

Когда-то стройный, рѣзвый кингъ-чарльзъ превратился въ облѣзлое, еле передвигающее ноги животное съ безцвѣтными глазами на выкатѣ и непріятнымъ сиплымъ лаемъ.

Услышавъ свое имя, онъ выползаетъ изъ-подъ стола и сѣдою мордой смотритъ на хозяина, какъ-бы говоря; „Ну, чего тебѣ еще надо? Не можешь оставить меня въ покоѣ? Ты видишь, какъ я старъ!“

— Ральфъ!—повторяетъ хозяинъ.

Онъ ждетъ, что собака, какъ бывало прежде, съ радостнымъ визгомъ бросится къ нему и примется лизать спущенную съ кресла руку, но, увы, Ральфъ, мало того, что старъ, но онъ такой-же эгоистъ, какъ и его хозяинъ: покой дороже ему всего на свѣтѣ и онъ уползаетъ подальше.

Старый хозяинъ дремлетъ; это его привычное состояніе. Въ полуснѣ, въ полубодрствованіи мелькаютъ какіе-то отрывки воспоминаній, какіе-то клочки прошлаго. Въ такомъ состояніи, близкомъ къ забытью, проходитъ обѣдъ, послѣ котораго, спустя какихъ-нибудь

полчаса,—старый человѣкъ основательно забываетъ съѣденныя имъ блюда. Послѣ обѣда старый, одинокій человѣкъ, по усвоенной издавна привычкѣ, отправляется „отдохнуть“, но ни сна, ни отдыха нѣтъ; обычное состояніе полусна, полубодрствованія еще пуще истомляетъ дряхлѣющій организмъ, а душевная пустота и скука гонятъ старика на улицу, туда, гдѣ уже зажглись двойные ряды фонарей, яркимъ газомъ освѣтились окна магазиновъ и въ таинственномъ полумракѣ вечера мелькаютъ женскія лица. Пройдя нѣсколько саженей и почувствовавъ усталость, старый, одинокій человѣкъ входитъ въ излюбленный имъ и посѣщаемый около 30 лѣтъ ресторанъ. Въ сѣняхъ старичокъ-швейцаръ встрѣчаетъ его съ поклономъ. Они старые знакомые; оба каждый день встрѣчались молодыми, а вотъ теперь состарѣлись,—каждый на своемъ посту

— Что, Григорій?—кидаетъ свою обычную фразу посѣтитель.

— Ничего-съ, ваше превосходительство! Благодареніе Богу!—также обычной фразой отвѣчаетъ швейцаръ.

Старый, одинокій человѣкъ тяжело поднимается по лѣстницѣ, входитъ на верхнюю площадку, поправляетъ гастухъ передъ трюмо (30 лѣтъ тому назадъ онъ поправлялъ волосы) и вступаетъ въ залу, въ которой не измѣнилось ничего, каждый стулъ остался на своемъ мѣстѣ.

Кивнувъ по дорогѣ буфетчику, старый че-

ловѣкъ идетъ къ своему мѣсту, направо, въ уголокъ. Если это мѣсто занято, то оффиціантъ тотчасъ-же подходитъ къ занявшему его мѣсто и почтительнѣйше проситъ пересѣсть къ другому столику. Постоянные, давніе посѣтители имѣютъ свои привычки, и ихъ нужно уважать.

Усѣвшись на „свой“ стулъ, старый человѣкъ впадаетъ въ дремоту. Звуки органа будятъ его, и онъ, съ закрытыми глазами, машинально барабанитъ по столу пальцами въ тактъ. Ни одинъ изъ оффиціантовъ не имѣетъ права тревожить его покоя, пока онъ не позоветъ и не прикажетъ подать обычный стаканъ чернаго кофе. Нѣсколько глотковъ кофе возбуждаютъ его: онъ приглядывается къ окружающимъ, придумываетъ два-три остроумныхъ сравненія (ну, кто-бы, напримѣръ въ дни его молодости, сталъ пить пиво, какъ пьетъ его вотъ этотъ пестро-одѣтый молодой человѣкъ, и что это за напитокъ,— пиво, и почему молодой человѣкъ одѣтъ арлекиномъ?), но это продолжается не долго, и новая дрема одолѣваетъ старика. Голая голова его свѣсилась на грудь, ротъ полураскрытъ, правая рука безжизненно легла на столъ, а ноги вытянулись,

— Человѣкъ, карточку!

Это шумная компанія вошла въ залу, разсаживается, гремя стульями, хохочетъ, звонитъ въ колокольчикъ. Старый, одинокій человѣкъ вздрагиваетъ и пробуждается. Правая

рука его инстинктивно потрясаетъ колокольчикъ.

— Что прикажите? –спрашиваетъ подошедшій оффиціантъ.

— Получи.

Старый человѣкъ расплачивается, хочетъ встать и уйти, и какъ-то незамѣтно для себя снова впадаетъ въ дремоту.

— Человѣкъ, поставьте „Герцогиню Герольштейнскую!"—кричитъ кто-то изъ шумной компаніи.

Въ залѣ раздаются звуки органа.

„Что это за герцогиня Герольштейнская! И почему непремѣнно Герольштейнская!"—проносится въ головѣ стараго человѣка и онъ движеніемъ пальца подзываетъ къ себѣ оффиціанта.

— Что ты тамъ поставилъ? Что играетъ?—спрашиваетъ онъ.

— Герцогиню Герольштейнскую, ваше превосходительство!—отвѣчаетъ оффиціантъ.

— Что?!

— Герцогиню Герольштейнскую?

— Какую?

— Герольштейнскую...

— Развѣ бываетъ?

— Не могу знать-съ!

— Герцо-ги-ня! Что за чепуха! Ступай!

Оффиціантъ удаляется, и старый человѣкъ дремлетъ подъ звуки музыки. Но вдругъ онъ нечаянно задѣваетъ рукою за стаканъ съ кофе,

пробуждается, смотритъ съ удивленіенъ на кофе и звонитъ оффиціанта.

— Что это?—спрашиваетъ онъ, указывая на стаканъ.

— Кофе-съ!—отвѣчаетъ оффиціантъ.

— Чей!

— Вашъ! Вы изволили требовать-съ.

— Я? И не думалъ! Что?

— Никакъ нѣтъ-съ! Изволили требовать.

— Никогда! Что? Чортъ его знаетъ, какой такой кофе! Что?

— Изволили спрашивать.

— Чепуха! Никогда не думалъ! Что? Я тебя спрашиваю: кто приказывалъ, кто принесъ и кто его пилъ? Что?

— Вы изволили приказывать, вы пили.

— Кто его принесъ?

— Я принесъ.

— Что?

— Я принесъ кофе-съ.

— Сколько слѣдуетъ?

— Получено.

— Не получено, а полученò! Понимаешь?

— Хорошо-съ! Понимаю.

Старый человѣкъ маніемъ руки отсылаетъ оффиціанта, встаетъ, нѣкоторое время смотрится въ трюмо и, медленно влача ноги, уходитъ изъ залы.

И такъ каждый день, и все по той-же программѣ.

Намъ случилось долгое время наблюдать такого стараго, одинокаго человѣка въ од-

номъ и томъ-же ресторанѣ, въ одинъ и тотъ-же часъ, на одномъ и томъ-же креслѣ. Но однажды, въ обычное время, старика не оказалось на мѣстѣ. Мы подозвали оффиціанта и спросили, почему не видимъ сегодня нашего стараго знакомаго—незнакомца.

— Умерли!—равнодушно отвѣчалъ оффиціантъ.

— Вамъ не жалко его?

Оффиціантъ неопредѣленно улыбнулся.

Жалко! Кто станетъ жалѣть одинокаго человѣка! У кого найдется слово участія къ человѣку, засушившему свое сердце въ эгоизмѣ? Какое дѣло намъ,—людямъ, страдающимъ со всѣмъ человѣчествомъ, болѣющимъ его болями, радующимся его радостями—до стараго себялюбца? Забвеніе ему! Забвеніе всѣмъ, кто забываетъ своего ближняго, не смѣется и не плачетъ вмѣстѣ съ нимъ!

„Рѣзвость и Злобность".

— А знаешь-ли, здѣсь премило!—говорила Анна Ивановна мужу, стоя на балконѣ нанятой дачи и восхищеннымъ взглядомъ окидывая окрестность; паркъ очень близко, купальня—рукой подать, мясная, лавочка—со-

всѣмъ рядомъ! А ты знаешь нашу прислугу,—пошлешь зачѣмъ нибудь и не дождешься!

— Лавочка то близко, это правда,—но и трактиръ, и ренсковый погребъ подъ бокомъ, а это, какъ хочешь, ma chère, не совсѣмъ пріятно!---отвѣчалъ мужъ.

— Ну, что-жъ трактиръ! Зелень совершенно скрываетъ его; кромѣ того, онъ съ той стороны, гдѣ у насъ предполагается пустая комната.

Супруги поговорили еще немного, сладились въ цѣнѣ съ хозяиномъ дачи, дали задатокъ и уѣхали, а черезъ недѣлю уже водворились на новомъ пепелищѣ.

Лавочка оказалась, дѣйствительно, близко, но такъ какъ и трактиръ находился тутъ-же, то прислуга, мало того, что употребляла на проходъ свое обычное время, но возвращалась изъ лавокъ съ ухмылявшейся физіономіей и вносила съ собою въ кухню странный запахъ, правда, уже раньше довольно знакомый ея господамъ. Но такъ какъ прислуга эта была уже намѣчена къ увольненію, то господа рѣшились, до поры до времени, терпѣть, исподволь подъискивая другую.

Утомленные переѣздкой, господа съ нетерпѣніемъ дожидались наступленія ночи, чтобы предаться отдохновенію, но тутъ обнаружилось такое обстоятельство, которое повергло въ страхъ Анну Ивановну и въ отчаяніе ея супруга, почтеннаго Петра Никаноровича. День замѣтно склонялся къ вече-

ру. Говоря поэтическимъ слогомъ, румяная заря позлащала молодую, кудрявую зелень деревьевъ. Пѣли птицы, на крышахъ, въ любовномъ экстазѣ, ворковали голуби. Теплый вѣтерокъ съ далекихъ полей, гдѣ еще трудился запоздалый поселянинъ, сыпля изъ лукошка зерна,—приносилъ запахъ весеннихъ цвѣтовъ и распускавшихся почекъ. И въ тоже время какой-то неустанный, смутный гулъ состоявшій изъ грохота колесъ, звона бубенчиковъ, стука копытъ, визга лошадей и отрывистыхъ восклицаній, рѣзкимъ диссонансомъ врывался въ тихую мелодію весенняго вечера и нарушалъ идиллическое настроеніе сидѣвшихъ на балконѣ супруговъ.

— Что-бы это значило?—вопросилъ самъ себя Петръ Никаноровичъ, сосредоточенно наморщивъ чело:—откуда этотъ шумъ?—обратился онъ къ прислугѣ.

— Отъ колодъ, баринъ!—отвѣчала та.

— Отъ какихъ колодъ?

— Отъ извощичьихъ. Рядомъ съ нашимъ заборомъ извощичья колода.

— Въ самомъ дѣлѣ? А я и не замѣтилъ! Гдѣ-же это?

— Пожалуйте въ пустую комнату! Тамъ все видно!

Дѣйствительно, оттуда было все видно, все слышно! Это было нѣчто такое, отъ чего послѣдніе волосы Петра Никаноровича поднялись дыбомъ. Не проходило часа, чтобы въ гору съ шоссе не подымались возы съ

мебелью и не происходили хлестанья и истязанья изнемогавшихъ лошадей. „Но-но-но!“—слышались зычные крики ломовиковъ,—„но-но“. О, штобы тебя розорвало! У-гу-гу, у-лю-лю!“... Не проходило минуты, чтобы къ колодѣ, и безъ того занятой, не подъѣзжали пустыя телѣги, пролетки и другіе экипажи и не старались втиснуться силой. Начинались новыя мучительства лошадей, осаживанье дерганье подъ уздцы. „Но-но-но! Назадъ Впередъ! О, ты чортъ! А ты, дьяволъ, куда прешь! Тпрру-у! Иродъ“. И затѣмъ въ эту сумятицу, поднимая пыль столбомъ, изъ подъ горы влетали взмыленныя тройки и, гремя бубенцами, какъ метеоръ исчезали въ зелени парка.

— Откуда эти тройки? Я ихъ насчиталъ съ десятокъ!—спросилъ Петръ Никанорычъ одного наблюдательнаго пейзана, равнодушно созерцавшаго лошадиныя избіенія и мирно ковырявшаго въ носу.

— Ихъ еще больше будетъ. Сегодня охота, вотъ, господа на охоту и ѣдутъ!—отвѣчалъ тотъ.

— Какая охота весной, что ты!—удивился Петръ Никанорычъ.

— Эхъ, баринъ, ничего то вы, видно, не знаете! Это, значитъ, не охота, а какъ-бы вродѣ... представленія. Звѣринецъ у насъ тутъ не подалече; ну значитъ волковъ пущаютъ, а борзыя ихъ догнать должны. Которая первая догонитъ, той, значитъ, деньги

платятъ за рѣзвость. Бо-оль-шія! А вонъ, никакъ, борзыхъ везутъ.

Мужиченко не утерпѣлъ и побѣжалъ смотрѣть борзыхъ, — голыхъ, остромордыхъ собакъ въ какихъ-то красныхъ и черныхъ епанчахъ, везомыхъ въ ломовыхъ телѣгахъ. При собакахъ находились люди,—усталые, загорѣлые въ какихъ-то казакинахъ и шапкахъ, обшитыхъ галуномъ.

И людямъ, и собакамъ хотѣлось пить. Собаки удовлетворялись тѣмъ, что высовывали длинные, красные языки, а людямъ мальчикъ изъ лавочки подавалъ бутылки кислыхъ щей, которыя они моментально опорожнивали и кричали ломовому: „трогай". Появленіе троекъ, людей съ галунами и остроносыхъ собакъ производило въ населеніи большую сенсацію. Туземные босоногіе ребятишки бѣжали въ пыли сзади, пейзаны дивились на барскую забаву и спорили о томъ, сколько „сотъ" можетъ стоить такая собака, дѣвки и бабы любовались тройками и молодцоватыми ямщиками въ шляпахъ съ павлиньими перьями.

Петръ Никанорычъ ушелъ въ дачу, думая, что отъ близкаго сосѣдства съ трактиромъ, ломовыми извощиками и съ людьми въ галунахъ чувствовать онъ себя будетъ не совсѣмъ-то спокойно. На всякій случай, отходя ко сну, онъ приказалъ прислугѣ закрыть всѣ окна и даже заслонить ихъ ставнями. Забаррикадировавъ себя такимъ образомъ, Петръ Никанорычъ надѣялся вполнѣ

спокойно провести ночь. Онъ поднялся наверхъ, гдѣ находился его кабинетъ, зажегъ лампу, раздѣлся и легъ. Въ комнатѣ было тихо, но неясный гулъ, все-таки, доносился съ улицы. Петру Никаноровичу казалось, что подъ самыми его окнами разговариваютъ двое,—до того ясно слышались фразы.

— Въ прошломъ году такъ-же вотъ получилъ за дачу,—хоть-бы копѣечку отдалъ!—тономъ резонера говорилъ какой-то басъ.

— Да ужъ онъ такой.. фармазонъ! На то его взять!—поддакивалъ голосъ средняго регистра.

— Подлипало!—опредѣлилъ басъ,—а начнешь спрашивать... „Куманекъ, куманекъ!"

— Ужъ онъ такой!—равнодушно твердилъ голосъ средняго регистра.

Затѣмъ начались упоминанія о какихъ-то сапогахъ, о спорной полосѣ, о свекрови и чортъ знаетъ еще о чемъ.

Петръ Никанорычъ осторожно подкрался къ окну и выглянулъ на улицу. Подъ окномъ не было никого, но за нѣсколько шаговъ дальше бесѣдовали двое пейзанъ и по улицамъ то и дѣло шлялся какой-то народъ.

Петръ Никанорычъ легъ въ постель и только что началъ, какъ говорится, „заводить глаза", какъ подъ самымъ окномъ раздался визгливый хоръ туземныхъ дѣвицъ.

— Ахъ, вы проклятыя!—обругался Петръ Никанорычъ, затыкая уши.

Билъ сперва часъ, потомъ два. Шумъ на

улицѣ не унимался: слышались звонъ бубенчиковъ, чьи то крики, разговоры, пѣсни, раза два раздался отчаянный возгласъ: „караулъ“, завершившійся свисткомъ городового.

Истомленный безсонницей, Петръ Никанорычъ заснулъ на разсвѣтѣ подъ мирную болтовню двухъ ночныхъ сторожей, расположившихся довольно комфортабельно на скамейкѣ у палисадника его дачи. Утромъ Петръ Никанорычъ вышелъ пить чай на балконъ. Какая-то дѣвица усердно мела садъ.

— Вы хозяйская?—спросилъ Петръ Никанорычъ.

— Да-съ, я ихняя сестра!—отвѣчала дѣвица.

— Однако, на вашей дачѣ довольно безпокойно. Всю ночь пѣли пѣсни, кричали, даже, кажется, была драка.

— Драки никакой не было!—опровергнула дѣвица, — а что дѣйствительно, шумѣли, такъ это люди изъ звѣринца. Наши мужики и то ихъ удерживали!

— Какіе „люди изъ звѣринца?“

— А которые съ собаками пріѣхадши!

„Ага! Такъ это, значитъ, было „испытаніе на рѣзвость!“—рѣшилъ про себя Петръ Никанорычъ,—„однако, что-же будетъ при испытаніи на злобность“?

Но ему такъ и не пришлось видѣть „испытанія на злобность“. Ночью Петръ Никанорычъ проснулся отъ ощущенія необыкно-

веннаго холода. Онъ взглянулъ въ окно, но черезъ запотѣвшія стекла ничего не могъ разобрать. До восьми часовъ вся деревня какъ-бы вымерла; на улицѣ не было ни души. Пастухъ, гнавшій деревенское стадо оказался въ полушубкѣ. Въ девять часовъ мимо дачи Петра Никанорыча, торопясь на поѣздъ, прошмыгнулъ дачникъ въ ватномъ пальто съ поднятымъ воротникомъ, за нимъ показался другой, но уже въ пальто съ мѣховымъ воротникомъ. Самъ Петръ Никанорычъ сидѣлъ на дачѣ закутанный въ плэдъ, пилъ чай стаканъ за стаканомъ и дулъ въ озябшія руки. Анна Ивановна вовсе не вставала съ постели; въ спальнѣ весело потрескивалъ огонекъ печки. Цѣлый день прошелъ въ томительномъ бездѣйствіи. Исчезли ломовики, тройки, „люди изъ звѣринца", туземныя поющія дѣвицы и беззаботные поселяне.

Ночью Петръ Никанорычъ не выдержалъ и ушелъ изъ кабинета, въ которомъ спалъ, въ спальню къ женѣ. Утромъ, выглянувъ въ окно, онъ увидѣлъ снѣгъ на травѣ и на крышахъ. Затѣмъ началась настоящая „злобность" стихій: сѣверо-восточный вѣтеръ, одну за другой, гналъ огромныя, сизыя тучи, сыпавшія то снѣгъ, то градъ. Температура падала стремительнѣе акцій какого-нибудь прогорѣвшаго банка. На желѣзныхъ дорогахъ, на конкахъ, всюду, только и слышались вопли простуженныхъ дачниковъ. Петръ Никанорычъ ежился и терпѣлъ, но вдругъ не вы-

держалъ и бѣжалъ въ городъ самымъ постыднымъ образомъ, забывъ запереть дачу и даже сообщить хозяину о своемъ бѣгствѣ.

Сборы.

Есть что-то магически-притягательное въ этомъ словѣ, что-то обновляющее, заставляющее отрѣшиться отъ будничныхъ мыслей и хотя не на долго предаться мечтамъ о новой жизни, полной неожиданныхъ случайностей и свѣжихъ, неизвѣданныхъ впечатлѣній. Однако,—мы должны оговориться, что такого рода ощущенія испытываются только въ молодости и отнюдь не коренными петербуржцемъ. Коренной петербуржецъ среднихъ лѣтъ,—приблизительно отъ 35 до 50, при одномъ словѣ: путешествіе, — начинаетъ чувствовать нѣкоторую неловкость. Ему дороги стѣны его квартиры въ пятомъ этажѣ, гдѣ-нибудь на Садовой или въ Поварскомъ переулкѣ, дорогъ тотъ заурядный петербургскій комфортъ, которымъ онъ привыкъ пользоваться, дорого все, что его окружаетъ дома и на улицѣ. Боже мой,—неужели онъ надолго не будетъ лицезрѣть раздутую отъ пива физіономію

старшаго дворника? Неужели ему придется разстаться съ почтальономъ, приносящимъ газеты и письма, и разсчитать обкрадывавшую его кухарку Василису? А шпиль адмиралтейства, думская каланча, Гостиный дворъ,—неужели онъ ихъ больше не увидитъ? Нѣтъ, какъ хотите, а это жестоко! Жестокая судьба, заставляющая обсидѣвшагося петербуржца бросить и забыть все, что такъ мило его сердцу, и мчаться по желѣзнымъ дорогамъ Богъ вѣсть куда, къ новымъ людямъ, въ новую, неизвѣданную обстановку. А сборы, эти ужасные сборы въ дорогу, бѣготня, ѣзда на извощикахъ, хлопоты, покупки, прощальные визиты, сопровождающіеся печальными взглядами остающихся коренныхъ петербужцевъ, какъ-бы укоряющихъ васъ въ непростительномъ легкомысліи? И въ самомъ дѣлѣ,—чего вамъ не достаетъ, какихъ еще „за-границъ", вамъ надо, когда у васъ все здѣсь, подъ рукою! Вы больны, — къ вашимъ услугамъ тьма темь петербургскихъ докторовъ и аптекъ, хотите дышать свѣжимъ воздухомъ, — поѣзжайте въ Новую Деревню и сидите до озноба на террасѣ „Царской Славянки", хотите идилліи, — поѣзжайте на Сиверскую. Нѣтъ, вы мечтаете объ Испаніи, — гдѣ кожа лопается отъ жары, вы стремитесь на Кавказъ, подъ ножъ хищнаго черкеса! Полноте, оставайтесь-ка дома!

Такъ говорятъ разсудительные коренные петербуржцы. Но вы ихъ не слушаете, вы

все-таки, хотите сдѣлать маленькій туръ, ну, поѣзжайте, несчастный! Съ миной презрительнаго сожалѣнія коренные петербуржцы пожимаютъ плечами и предоставляютъ васъ самому себѣ. Тогда вы начинаете собираться въ дорогу... Это тянется ужасно долго, недѣли полторы, двѣ. Набѣгавшись вдоволь по разнымъ канцеляріямъ, исполнивъ всѣ формальности (безъ которыхъ наша жизнь не красна), вы получаете свободный пропускъ изъ отечества, и сразу чувствуете, что „корабли сожжены“.

— Чортъ возьми, — говорите вы себѣ, — однако, дѣйствительно, надо ѣхать! Дѣло становится не шуточнымъ? Ну ко, составлю списокъ, что взять съ собою.

Списокъ является необыкновенно длиннымъ, хотя, въ сущности, кромѣ принадлежностей письма (которыя и безъ того можно достать во всякой гостинницѣ), все остальное совершенно не нужно. Но таковъ уже характеръ коренного петербуржца, что безъ трехъ, четырехъ чемодановъ онъ не можетъ отправиться въ какую-бы то ни было дорогу. Мало того, вы идете въ Гостиный дворъ и покупаете массу дорожныхъ аксессуаровъ, все назначеніе которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ треснуть, сломаться или разорваться. Къ чему вамъ, напримѣръ, этотъ изящный и прочный (?) съ виду бритвенный приборъ, когда вы сами бриться-то хорошенько не умѣете, или

зачѣмъ вамъ эта дорожная палка „съ зрительной трубой“, которая только обременитъ васъ въ дорогѣ? Но вы покупаете и приборъ, и палку, и еще массу другихъ красивыхъ на видъ, но совершенно безполезныхъ вещей и, притащивъ все это домой, показываете женѣ. Трахъ! „Зрительная труба“, въ которую, все равно, рѣшительно ничего не было видно, внезапно выскакиваетъ изъ палки и, когда вы хотите всунуть ее обратно, выказываетъ такое упорство, что ломается.

— Ишь, каналья!—говорите вы,—подразумѣвая прикащика, — надулъ, шельма! Слѣдовало бы снести обратно!

„Слѣдовало бы“,—но вы не понесете, вопервыхъ потому, что некогда, а во-вторыхъ... „вообще, не стоитъ!“

И вы ставите „зрительную“ палку въ уголъ, какъ нѣкій памятникъ вашего дорожнаго легкомыслія.

Наконецъ, наступаетъ день, когда вы должны уѣхать. Десять разъ вы справлялись по газетамъ когда отходитъ нужный вамъ поѣздъ, но душа ваша, все-таки, не спокойна, и вы все думаете: „а вдругъ какъ этотъ поѣздъ отмѣнили или отмѣнятъ?“

Подъ впечатлѣніемъ такихъ зловѣщихъ предчувствій вы распоряжаетесь набивкою вашихъ чемодановъ, кричите на жену, домашнихъ, прислугу, и волнуетесь до того, что съ вами дѣлается нервный ознобъ.

Вамъ кажется, что вы захворали, и вы

подумываете о томъ, не отсрочить ли отъѣздъ еще на день или на два, но... чемоданы набиты, ихъ стоитъ только затянуть ремнями, ваше уютное гнѣздышко—кабинетъ разоренъ точно послѣ нашествія непріятеля (откуда вдругъ явился пукъ соломы рядомъ съ дорогой чернильницей и зачѣмъ это столько изодранной въ клочки бумаги?); вы оглядываетесь на жену и дѣтей и на ихъ лицахъ подмѣчаете какое-то странное выраженіе затаеннаго желанія, чтобы прекратилась, наконецъ, эта мука сборовъ и вы убрались скорѣе на вокзалъ.

Вотъ, жена зачѣмъ-то вышла изъ комнаты и возвращается въ шляпкѣ.

— Куда ты это, матушка?—недовольнымъ тономъ вопрошаете вы.

— Какъ „куда?"—съ раздраженіемъ отвѣчаетъ она,—я думаю, пора на вокзалъ... пять часовъ!

Пять часовъ! Боже мой, уже! А въ четверть седьмого идетъ поѣздъ!

Вы вскакиваете какъ ужаленный, безсмысленно суетитесь, кричите на прислугу за ея медленность, кидаетесь сами затягивать ремни чемодановъ и кончаете совершенно неожиданно тѣмъ, что преспокойно усаживаетесь съ папиросой на диванъ.

— Баринъ, извощики наняты! Прикажете выносить?—докладываетъ прислуга.

— А? Что? Да, да, выносить...

Кабинетъ опустѣлъ. Вы не рискуете боль-

ше запнуться о чемоданъ и растянуться на полу. Какъ-то сиротливо смотрятъ на васъ стѣны вашего обиталища и словно шепчутъ съ укоромъ: „Несчастный, несчастный, куда, зачѣмъ ты ѣдешь? Развѣ здѣсь тебѣ было худо?"

— Однако, пора ѣхать!—говоритъ жена.

Вы пристально всматриваетесь въ нее. Чувство подозрѣнія и даже ненависти закрадывается въ вашу душу.

— Что это съ тобою, Соня? Ты меня гонишь?

— Господи, какія глупости! Какъ тебѣ не стыдно!..

Голосъ ея дрожитъ, на глазахъ выступаютъ слезы и все это знакомое, доброе, милое лицо любящей жены становится такимъ жалкимъ, страдающимъ... Моментъ, и, путаясь бородою въ шуршащихъ лентахъ шляпки, вы покрываете поцѣлуями это милое лицо... Вся жизнь, вся долгая, совмѣстная жизнь съ дорогимъ для васъ существомъ яркимъ метеоромъ пролетаетъ въ вашемъ воспоминаніи, и вамъ становитса стыдно, что вы покидаете ее.

— „Ѣхать? Не ѣхать? Что дѣлать, что дѣлать, Боже мой"!

— Баринъ, все готово! Извощики дожидаются!—раздается голосъ прислуги.

Корабли сожжены! „Извощики дожидаются",—значитъ надо ѣхать!

И вотъ, вы на вокзалѣ. Покуда вы сдаете

багажъ, пріобрѣтаете билетъ, усаживаетесь,– вы въ волненіи, вамъ некогда отдаться гнѣздящемуся въ вашей душѣ чувству, но стоитъ вамъ только, передъ послѣднимъ звонкомъ, появиться въ окнѣ вагона, стоитъ опять увидѣть это дорогое, заплаканное лицо, и, Боже мой, какая жестокая тоска охватитъ вашу душу!

— Ахъ, какая досада, мой другъ, — говорите вы искусственнымъ, дѣловымъ тономъ,— представь, я забылъ заѣхать проститься съ Ивановъ Ивановичемъ!

— Ну, что дѣлать! Ты ему напишешь! — тѣмъ-же искусственнымъ, дѣловымъ тономъ отвѣчаетъ жена.

О, чортъ-бы его побралъ, этого Ивана Ивановича! — вѣдь, это только предлогъ, чтобы не смалодушествовать, не разрыдаться, чего добраго, при всѣхъ. Авотъ и всему конецъ! Свистокъ, поѣздъ трогается, въ воздухѣ движутся платки и шляпы, въ послѣдній разъ мелькнуло дорогое лицо, затѣмъ клубъ дыма, яркій свѣтъ лѣтняго дня, ряды красныхъ зданій, широкое поле, лиловая черточка далекаго лѣса, и... нѣтъ, господа, грустно что-то!.. Смотрите: я плачу!..

Газета.

Вы читаете газеты? Ахъ, Боже мой, что за вопросъ. Я читаю, ты, онъ, мы, они... спросите лучше, кто *не читаетъ* въ настоящее время газетъ? Мы могли-бы по наружному виду опредѣлить, кто какую, именно, газету читаетъ, даже, если хотите, кто какими отдѣлами больше всего интересуется. Вотъ господинъ мрачнаго вида, строгій, сосредоточенный, одѣтый во все черное, носящій цилиндръ, перчатки и трость съ золотымъ набалдашникомъ. По профессіи онъ—бухгалтеръ Х—скаго банка, но это нисколько не мѣшаетъ ему быть ярымъ политикомъ, черпающимъ свои политическія вдохновенія со столбцовъ газеты „Чего изволите“. Вотъ отставной чиновникъ, страннымъ образомъ сочетавшій свои литературныя влеченія съ вкусами Песковскихъ кумушекъ, старшихъ дворниковъ и швейцаровъ, наслаждающихся шантажной раздѣлкой „разныхъ личностевъ“ на страницахъ „Салопницы“; или проѣвшій, вмѣстѣ съ зубами, выкупныя свидѣтельства, бывшій владѣлецъ Обдираловокъ и Голодаевокъ ветхій деньми джентльмэнъ на русской почвѣ, упивающійся шутовскими издѣвательствами надъ здравымъ смысломъ такихъ-же, какъ онъ самъ, выжив-

шихъ изъ ума лишенныхъ малѣйшаго признака совѣсти кропателей статеекъ въ газетѣ „Прохвостъ“. Газета печатается, газета расходится, хотя-бы въ количествѣ трехъ съ половиною экземпляровъ, и нѣтъ того выраженія человѣческой пошлости и глупости, которое не нашло-бы отклика въ благодарномъ сердцѣ читателя и не заставило-бы его воскликнуть: „Да, вѣдь, это я! Это мои собственныя мысли, мои желанія, чортъ возьми“.

Нашъ бухгалтеръ (назовемъ его... ну, хоть Иванъ Иванычъ), въ силу мрачности своего характера, склонный повсюду видѣть враговъ,—оказывается самымъ ревностнымъ подписчикомъ газеты: „Чего изволите“. Каждый день, прихлебывая свой кофе, онъ рыщетъ кровожадными глазами по столбцамъ газеты, отыскивая „врага“.

— А-а! — рычитъ онъ, плотоядно скаля зубы,— вотъ онъ, голубчикъ! Ага, попался! (Ивану Иванычу рѣшительно все равно, кто *попался*: французъ, нѣмецъ, англичанинъ, финляндецъ—ему важно знать одно: врагъ найденъ!). Такъ вотъ ты какъ! Сепаратизмъ! Отстаиванье началъ... А-га-га! По-стой! Мы т-тебѣ покажемъ! Ну-ка посмотримъ!

На этотъ разъ попадаетъ на орѣхи англичанамъ. Управляющій заводомъ, англичанинъ, побитъ рабочими. Фактъ на лицо. Довольно! Газета доказываетъ, что англичане ужъ слишкомъ много начинаютъ себѣ позволять въ Россіи (о, да, да!), что нѣмцы давно уже за-

полонили наши фабрики и заводы и завладѣли, въ качествѣ колонистовъ нашими лучшими землями, что такое положеніе вещей не можетъ быть далѣе терпимо (конечно, конечно!) и что не мѣшало-бы принять мѣры къ обузданію нахальныхъ иноземцевъ.

— Обуздать! Сократить! Унич-тожить! — въ порывѣ человѣконенавистничества восклицаетъ Иванъ Иванычъ, грозя въ пространство кулаками.

Но, довольно! Если есть газеты, поднимающія, какъ илъ со дна грязной рѣчки, всѣ дурные инстинкты человѣчества, то тѣмъ болѣе есть разныхъ Ивановъ Иванычей, и много еще будетъ ихъ впереди.

Какъ типъ наиболѣе распространенный, возьмемъ читателя-простеца. Онъ добродушенъ, скроменъ на видъ и не мудрствуетъ лукаво. До политики онъ не охочъ, потому что рѣшительно ничего въ ней не понимаетъ; болѣе всего его интересуетъ хроника происшествій и разныя извѣстія. Съ одинаковымъ интересомъ онъ читаетъ объ открытіи амбулаторной лечебницы и чайной общества трезвости,—есть, дескать, гдѣ бѣдному люду лечиться, и пьянствовать меньше будутъ, — съ истиннымъ удовольствіемъ пробѣгаетъ онъ описанія торжественныхъ встрѣчъ и скорбитъ по поводу неурожая... Онъ искренно вѣритъ всякой газетной уткѣ, попавшей въ рубрику разныхъ извѣстій. Это именно тотъ читатель, для котораго сочиняются небылицы о теля-

ахъ съ двумя головами и о прочихъ подоб-ыхъ фантастическихъ вещахъ.

— А знаете, — сообщаетъ онъ сослу-кивцу, — въ городѣ-то Заплеванскѣ какое роисшествіе? Просто, даже, невѣроятно!..

— Какое-же такое?—интересуется сослу-кивецъ.

— У одной почтенной дамы родился мла-енецъ,—повѣствуетъ читатель-простецъ,—и редставьте,—съ ослиной головой!..

— Что вы, не можетъ быть!..

— Увѣряю васъ! И даже, знаете-ли, кри-итъ по ослиному. Просто даже невѣроятно! вотъ, въ газетахъ пишутъ. Да, вотъ не отите-ли, я номерокъ прихватилъ!..

Невѣроятно, а между тѣмъ въ газетахъ ишутъ; значитъ, нужно вѣрить, и читатель-ростецъ даже обижается, если сослуживецъ, ахнувши рукою, скажетъ:

— Э, батюшка, мало-ли что въ газетахъ ишутъ!

Читатель - простецъ читаетъ газету не тромъ, потому-что некогда, а послѣ обѣда, непремѣнно на диванѣ. Въ одну руку онъ еретъ подушку, въ другую газету и, распо-ожившись на диванѣ, начинаетъ искать то, то наиболѣе его интересуетъ.

— Марья Петровна!—кличетъ онъ иногда ену,—поди-ко сюда на минутку.

— Ну, что тамъ такое? — недовольнымъ ономъ отзывается жена изъ кухни, откуда аздается стукъ посуды.

— Иди, когда зовутъ. Страшное убійство цѣлаго семейства.

Появляется жена. Рукава ея кофты засучены, въ одной рукѣ мокрое полотенце, въ другой тарелка.

Слѣдуетъ толковое и обстоятельное чтеніе про „страшное убійство", а затѣмъ и обсужденіе прочитаннаго.

— Да,—вздыхаетъ жена,—бываютъ-же на свѣтѣ такіе звѣри! Ну, я пойду, а то кофе пережарится.

Оставшись одинъ, читатель-простецъ начинаетъ чувствовать легкій позывъ ко сну. Чтобы еще болѣе усилить столь блаженное состояніе, онъ начинаетъ читать передовицу, натыкается на разсужденіе о тройственномъ союзѣ, глаза его слипаются, переходитъ къ обсужденію статьи газеты „Morning Post" и засыпаетъ сномъ новорожденнаго младенца.

Вечеромъ кухарка появляется на порогѣ гостиной и таинственно шепчетъ:

— Баринъ, сосѣдкина кухарка пришла.

— Ну, чего ей нужно?

— Барыня прислала, газетку проситъ почитать. Она вернетъ, не безпокойтесь! Кажинный разъ вертаетъ!

— Вернемъ, вернемъ, батюшка, не сумлѣвайтесь!—заявляетъ за дверью голосъ невидимаго существа женскаго пола.

— Это ты пришла за газетой?

— Я-съ! Что будешь дѣлать! — тономъ

оправданія говоритъ высунувшаяся изъ-за двери старушонка въ дырявомъ платкѣ.

— Ну, что-же, возьми! Только принеси, смотри, обратно!

— Принесу, принесу! — радостно восклицаетъ старушонка, — ужъ мы такъ-то бережемъ эти самыя... вѣдомости. Какъ прочкнетъ,— сейчасъ и говоритъ: „неси“, говоритъ, — „Домна, обратно!“ Минуты не задержимъ.

— Любитъ, значитъ, твоя барыня газеты читать!

— Эхъ, батюшка-баринъ, отъ скуки! Ей-Богу, отъ скуки!—тѣмъ-же тономъ оправданія восклицаетъ старушонка, — сидитъ, сидитъ, день-деньской, карты разложитъ али въ окно посмотритъ. Надоѣстъ такъ-то, одной... Право слово, отъ скуки!

— Ну, бери-же газету!

Старушонка съ осторожностью, какъ какую-нибудь хрупкую вещь, беретъ газетный листъ, прячетъ его подъ платокъ и съ поклонами и благодарностью исчезаетъ за дверью.

— Толуй, толкуй „отъ скуки!“ — качаетъ ей вслѣдъ головою кухарка читателя-простеца,—ишь, хитрая!

— Что-же такое? Въ чемъ дѣло?—вопрошаетъ баринъ.

— Да въ чемъ! У ней то, вишь, у барыни билеты есть, и у старушонки также билетишко объявился. Вотъ онѣ никакъ раздѣлаться не могутъ: кой выигралъ, кой нѣтъ! Ну, и смотрятъ въ вѣдомостяхъ-то!..

— Да теперь никакихъ выигрышей нѣтъ!

— А кто-же ихъ знаетъ. Спрашиваютъ вѣдомости, значитъ, нужда есть! Безъ нужды не стали-бы людей безпокоить.

— Нѣтъ-же никакихъ выигрышей, говорятъ тебѣ.

— Кто ихъ знаетъ! Спрашиваютъ. Я ужъ это стороной узнала, про билеты-то, а онѣ не говорятъ... Въ секретѣ содержатъ. Одна другой боится! Барыня-то всѣ вѣдомости пересмотритъ, ни вотъ столечка не оставитъ, — старушонкѣ отдастъ, та водитъ, водитъ своими слѣпыми зеньками-то, ничего, значитъ, не видитъ... Билетъ-то, можетъ, ужъ и пропалъ!

— Ну, ступай-ко ты прочь! — съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ раздраженія говоритъ читатель-простецъ, раздосадованный всей этой безтолковщиной.

А онѣ, эти двѣ „читательницы вѣдомостей" живутъ этой безтолковщиной, ради нея ходятъ по сосѣдямъ и выпрашиваютъ газетку только затѣмъ, чтобы каждый день искать не выиграли-ли ихъ билеты, и каждый день разочаровываться. Весь міръ сосредоточился для нихъ въ нумераціи ихъ билетовъ и ничто другое не интересуетъ, не трогаетъ ихъ...

Августовская элегія.

— —

Короче становятся дни и длиннѣе ночи, рѣже свѣтитъ солнце, перепадаютъ дожди и деревья въ паркѣ шумятъ, какъ-бы шепча:

„Кончилось лѣто! Наступаетъ осень. Не пора-ли, господа, въ городъ?“

Послѣднее относится къ дачницамъ и дачникамъ, меланхолично бродящимъ по усыпаннымъ пожелтѣвшими листьями аллеямъ. Но если по аллеѣ идетъ гимназистъ въ бѣлой фуражкѣ или школьникъ, то колеблемыя вѣтромъ деревья поютъ ему другую пѣсню:

„Въ классы, въ классы! Гдѣ твои заброшенныя книги и тетради? Исправенъ-ли твой прошлогодній ранецъ?“

Мы видѣли одного такого совсѣмъ, совсѣмъ маленькаго школьника, который одиноко и задумчиво шелъ по парку. Въ рукѣ у него была тросточка, которою онъ машинально сбивалъ длинные усики подорожника. Онъ остановился и началъ прислушиваться къ шуму деревьевъ, и мы замѣтили, какъ постепенно стало измѣняться выраженіе его хорошенькаго личика, какъ оно дѣлалось все длиннѣе и печальнѣе, какъ складка горечи легла въ углахъ губъ и живые, черные глаза затуманились слезою.

Но вдругъ, въ концѣ аллеи, онъ увидѣлъ товарища и оживился: губы растянулись въ улыбку, глаза заискрились. Онъ побѣжалъ навстрѣчу; оба поговорили о чемъ-то и, не прошло пяти минутъ, какъ они съ веселымъ смѣхомъ неслись по дорогѣ, вздымая пыль.

О, легкомысленный мальчикъ! А ему еще предстояла переэкзаменовка изъ латинскаго!

Утромъ, отправляясь въ городъ съ однимъ изъ раннихъ поѣздовъ, мы увидѣли множество этихъ подневольныхъ „мучениковъ науки". Почти весь вагонъ былъ занятъ школярами: кто ѣхалъ на экзаменъ, кто на переэкзаменовку, кто на актъ... Это была живописная смѣсь черныхъ, русыхъ, рыжихъ, бѣлокурыхъ головъ съ задорными вихрами на макушкахъ и безъ оныхъ, въ форменныхъ и всякихъ другихъ фуражкахъ, въ пальто со свѣтлыми пуговицами и въ пальто-ульстеръ, въ курточкахъ и русскихъ рубашкахъ. Всѣ они, казалось, были знакомы другъ съ другомъ, болтали объ учителяхъ и урокахъ, смѣялись и щебетали какъ молодые воробьи. Но это оживленіе было неестественное, вызванное понятнымъ волненіемъ, испытываемымъ школярами передъ вступленіемъ на стезю науки. Казалось, что болтовнею и смѣхомъ они хотѣли заглушить чувство тревоги и страха.

Съ нѣкоторыми изъ школьниковъ ѣхали папаши и мамаши. Папаши были особенно угрюмы и сосредоточенны; въ особенности,

одинъ почтенный господинъ, съ сѣдою бородою, сопутствовавшій мальчику въ коломянковой блузѣ. Сѣдой господинъ дѣлалъ видъ, что разговаривалъ съ сосѣдомъ, но, право мы готовы были побиться объ закладъ, что онъ ровно ничего не понималъ и даже не слышалъ, что говорилъ ему сосѣдъ, хотя и приговаривалъ постоянно:

— Да... да! Гм! Скажите на милость! Такъ такъ!..

Зато онъ слишкомъ часто поглядывалъ на сына и эти взгляды краснорѣчивѣе всякихъ объясненій иллюстрировали его душевное состояніе. Какъ-бы мелькомъ онъ взглядывалъ на блузу сына и, повидимому, рѣшалъ вопросъ: прилично-ли будетъ вести мальчика въ блузѣ въ стѣны заведенія? Ну, отчего-же, конечно, прилично!" мысленно рѣшалъ сѣдой господинъ.—„во-первыхъ, онъ мальчикъ, во-вторыхъ, теперь еще лѣто, не осень, и блуза чистенькая, все на мѣстѣ, все въ исправности"... Затѣмъ онъ также, какъ-бы мелькомъ, взглядывалъ на сына, желая удостовѣриться—не струситъ-ли тотъ въ рѣшительную минуту... „Нѣтъ, не струситъ!—успокоивалъ себя отецъ,—„онъ у меня мальчикъ бойкій, да и Илья Степанычъ приготовилъ его хорошо! Вотъ, развѣ, изъ ариѳметики"?

И лицо сѣдого господина становилось еще сосредоточеннѣе, еще мрачнѣе...

А поѣздъ все мчался да мчался впередъ и, по мѣрѣ приближенія его къ городу, все

нервнѣе и возбужденнѣе становилась наполнявшая его молодежь...

Чувство тихой, полузабытой грусти сжало наше сердце... Вспомнилось намъ давнее, давнее время, такое же туманное августовское утро, вспомнился намъ такой же мальчикъ въ парусинной блузѣ (это были мы сами) и его тревожное состояніе... Какъ шибко билось и тоскливо ныло маленькое сердце, какъ скучало оно по оставшимся въ деревнѣ матери и сестрамъ! А отецъ вотъ также сидѣлъ подлѣ, мрачный и встревоженный, и такъ же невпопадъ отвѣчалъ на вопросы, задаваемые ему сосѣдомъ... Вспоминался огромный городъ съ его зданіями, извощики, мостовыя, вывѣски магазиновъ и та страшная вывѣска съ золотыми литерами по синему фону, которая украшала фасадъ длиннаго двухъ-этажнаго зданія, превращеннаго въ храмъ науки. Вспомнилось и то, какъ робко взялся отецъ за мѣдную ручку массивной двери, какъ осторожно передалъ пальто и шляпу величественному швейцару и несмѣло, точно боясь поскользнуться, повелъ насъ по гранитной лѣстницѣ на верхъ...

А вотъ и комната, въ которой экзаменуютъ: бѣлыя стѣны, черныя скамейки и черная доска, а посрединѣ длинный столъ, покрытый краснымъ сукномъ, и за столомъ экзаменаторы,—строгаго вида почтенные люди. Стеклянная дверь отдѣляетъ экзаменующихся отъ ихъ родителей, но кажется, что не смотря

на эту преграду, сердца отцовъ, матерей и дѣтей бьются однимъ чувствомъ, въ одинъ ритмъ: выдержитъ или провалится? Одна пожилая дама, задыхаясь отъ волненія, обмахивается платкомъ, чиновникъ въ вицмундирѣ безпрестанно пьетъ воду, точно ему предстоитъ непріятное объясненіе съ начальствомъ, господинъ среднихъ лѣтъ нервно прохаживается по залѣ, сѣдой господинъ также нервно поглаживаетъ бороду. И глаза всѣхъ съ тоскою и ожиданіемъ устремлены на роковую, стеклянную дверь: выдержитъ или провалится?

Одинъ за другимъ изъ комнаты выходятъ отъэкзаменовавшіеся мальчики и съ лихорадочнымъ волненіемъ къ нимъ бросаются родители.

— Выдержалъ?

— Не знаю, мамаша.

— Но ты отвѣчалъ хорошо? Не забылъ ничего, не пугался?

— Нѣтъ, не забылъ.

— Но какъ же узнать, выдержалъ ли ты, или нѣтъ?

Оказывается, что объ этомъ будетъ объявлено. И вотъ, папаши и мамаши, усталые, измученные волненіемъ, ждутъ часъ, другой пока составится списокъ счастливыхъ выдержавшихъ и его прочтутъ громогласно.

Сіяющій отъ восторга сѣдой господинъ везетъ своего сына въ коломянковой блузѣ на дачу. Насколько отецъ былъ мраченъ утромъ,

настолько онъ теперь глядитъ гоголемъ; онъ самодовольно озирается кругомъ и охотно заводитъ разговоръ съ сосѣдомъ по вагону.

— Возилъ сегодня сына на экзаменъ— веселымъ тономъ сообщаетъ онъ желчному господину, притомъ еще, очевидно, страдающему зубной болью.

— Ну, и что же?—спрашиваетъ господинъ, морщась.

— Выдержалъ! Прекрасно! Принятъ десятымъ! — У нихъ, вѣдь, знаете, конкурсъ!.. И чертовски строго экзаменуютъ! Ничего, молодецъ, выдержалъ!

Сосѣдъ кисло-сладко улыбается и смотритъ въ окно.

— Да и экзаменъ-то какой серьезный: ариѳметика! — говоритъ словоохотливый папаша, многозначительно приподнимая брови, — ну, да я на своего надѣялся! Отлично подготовленъ!.. Позвольте узнать, у васъ есть дѣти!

— Нѣтъ. Я холостъ!

Сѣдой господинъ съ видомъ сожалѣнія смотритъ на желчнаго господина и заговариваетъ съ сосѣдомъ на лѣво, благодушнымъ толстякомъ, у котораго на безъименномъ пальцѣ правой руки блеститъ обручальное кольцо...

А дни все короче и ночи длиннѣе... Все болѣе устилаются дорожки парка желтымъ листомъ, который постепенно покрываетъ задумчивую поверхность пруда... Вотъ ужъ и дачи опустѣли и стоятъ забитыя на глухо

ставнями... Зато городъ ожилъ и по вечерамъ весь въ огняхъ. Садитесь на верхъ конки, поѣзжайте по любой улицѣ и смотрите что дѣлается въ этихъ безчисленныхъ освѣщенныхъ окнахъ. Вотъ просторная гостиная, очевидно, достаточныхъ людей. Посрединѣ комнаты, надъ столомъ, виситъ лампа и освѣщаетъ склоненныя головы двухъ дѣвочекъ и мальчика: они учатъ уроки. Вотъ маленькая, бѣдная комнатка, оклеенная дешевыми обоями, скудно меблированная парою стульевъ; на столѣ стоитъ свѣча и освѣщаетъ худенькую фигуру мальчика, обхватившаго голову руками и уткнувшаго лицо въ книгу. Десятый часъ, а онъ еще не кончилъ съ приготовленіемъ уроковъ. Кругомъ тишина: мать что-то дѣлаетъ на кухнѣ, а отецъ, блѣдный человѣкъ въ потертомъ сюртукѣ, еще не вернулся съ вечернихъ занятій. Мальчику и скучно, и какъ будто хочется спать. Онъ дѣлаетъ усилія, чтобы не заснуть, протираетъ слипающіеся глаза, барабанитъ пальцами по столу, двигаетъ ногами... Нѣтъ, нѣтъ, нужно непремѣнно приготовить. Мальчикъ подвигаетъ къ себѣ книгу, расширяетъ глаза и заткнувши пальцами уши, покачиваясь слегка всѣмъ туловищемъ, шепчетъ:

„Tolli me, mu, mi, mis
Si declinari domus vis“...

Послѣдній дачникъ.

Случилось-ли вамъ проходить по лѣсу въ глубокую осеннюю пору, приблизительно въ послѣдней половинѣ сентября? Если случалось, то вы замѣтили, вѣроятно, между полуобнаженными деревьями, черными отъ сырости, въ остаткахъ побурѣвшей, помятой травы, жалкіе послѣдыши какихъ-то поганокъ-грибовъ, маленькихъ, сѣро-зеленоватыхъ, на тонкихъ ножкахъ съ ослизшими шляпками. Это самые послѣдніе *грибы*, никому не нужные, никѣмъ не замѣчаемые, не собираемые, выросшіе Богъ знаетъ. Большое сходство съ такимъ грибомъ имѣетъ и послѣдній дачникъ,—существо такое-же сѣрое и незамѣтное, появившееся на дачѣ Богъ вѣсть зачѣмъ и ведущее исконную войну съ крестьянами-дачевладѣльцами за право проживательства до конца октября въ ихъ дырявыхъ, прогнившихъ насквозь, вросшихъ въ землю избенкахъ.

Въ теченіе цѣлаго лѣта, — несмотря на то, что такого сорта дачникъ переселяется на дачу обыкновенно на страстной недѣлѣ,— онъ живетъ невидимкой, заслоняемый блестящимъ обществомъ *настоящихъ* дачниковъ, переѣзжающихъ въ началѣ іюня и

съѣзжающихъ въ половинѣ августа. *Послѣдняго дачника* вы не увидите нигдѣ: ни на спектакляхъ любителей, подвизающихся въ дырявомъ сараѣ, носящемъ громкую кличку театра, ни въ павильонѣ парка, гдѣ по воскресеньямъ, немилосердно фальшивя, гремитъ военный оркестръ и танцуютъ юные отпрыски портныхъ, каретныхъ мастеровъ и аптекарей, ни даже въ излюбленныхъ всѣми дачниками мѣстахъ прогулки... Онъ упорно сидитъ въ своей дырявой избенкѣ и раскладываетъ пасьянсъ или копается въ воздѣланномъ своими руками огородѣ, или экспромптомъ промелькнетъ на улицѣ съ удочками и ведеркомъ, очевидно, возвращаясь съ какой-нибудь дальней рыболовной экскурсіи. Семьи его вы также не увидите нигдѣ, развѣ въ мясной или мелочной лавочкѣ, гдѣ вы можете встрѣтиться съ его супругой, дамой средних лѣтъ, обыкновенной наружности, въ скромномъ ситцевомъ платьѣ и большомъ сѣромъ платкѣ, да на дачныхъ задворкахъ, если случайно набредете на его дѣтей, спускающихъ бумажные кораблики на лужѣ или съ охотницкимъ увлеченіемъ подбивающихъ воробьевъ изъ рогатокъ.

Но вотъ кончается лѣто, и примѣты наступающей осени становятся все болѣе и болѣе очевидными: утренніе холодки, падающій желтый листъ, дожди и туманы. Настоящіе дачники начинаютъ съѣзжать одинъ за другимъ; вереницею тянутся по большой до-

рогѣ фургоны съ мебелью; любители въ послѣдній разъ съ энтузіазмомъ отжарили „Гамлета“, причемъ любитель, игравшій Гамлета, до того проникся положеніемъ несчастнаго принца, что схватилъ за воротъ тѣнь своего отца, военный оркестръ въ послѣдній разъ откаталъ шаконь и барышни,—существенный признакъ которыхъ состоитъ въ томъ, что онѣ всегда бываютъ легко одѣты, — въ послѣдній разъ получили кто зубную боль, кто гриппъ, кто насморкъ. Вчера заколотили наглухо дырявый храмъ Мельпомены,—сегодня заколачиваютъ танцовальный павильонъ. Ночи все темнѣе и темнѣе; послѣдній фонарь сооруженный иждивеніемъ какого-то добродѣтельнаго самарянина-дачника, снятъ со столба и увезенъ въ городъ до будущаго лѣта, и туземные пейзане и пейзанки, — на время уступившіе пальму первенства въ ночныхъ шатаніяхъ по деревнѣ *настоящему дачнику,*—за отсутствіемъ послѣдняго, вступаютъ въ свою, „полную праву“. Ночью, подъ зловѣщій шумъ осенней непогоды, оставшіеся доживать дачники, не безъ ужаса внимаютъ пьянымъ возгласамъ, дикимъ крикамъ и визгливымъ пѣснямъ туземныхъ парней и дѣвицъ, а по утрамъ облегченно вздыхаютъ и благодарятъ судьбу за цѣлость парусины на балконахъ. Появляется, наконецъ, совершенно особая порода людей, называемая „грибовиками“, непрекрасная половина которой отличается тѣмъ, что, обладая гигантскимъ

ростомъ, имѣетъ совершенно звѣроподобный видъ, одѣта въ отрепья, ходитъ въ опоркахъ или босикомъ, вооружена громадными палицами и носитъ съ собою провіантъ, состоящій изъ полуштофа водки, хлѣба и огурцовъ, а прекрасная половина, кромѣ отрепья и опорокъ, снабжена еще украшеніями на „зеркалѣ души“ въ видѣ синяковъ, кровоподтековъ и всякаго рода припухлостей. Вотъ въ эту-то, поистинѣ ужасную пору, послѣдній дачникъ начинаетъ проявлять признаки своего существовованія. Будучи большимъ любителемъ природы, онъ выползаетъ изъ своей норы на мостикъ, садится вмѣстѣ со всей семьей на скамеечку, и любуется всѣмъ, чѣмъ хотите: солнцемъ, въ видѣ мѣднаго пятака, стыдливо прячущимся за огромную тучу, этой самой тучей, дождемъ, сѣющимся по цѣлымъ днямъ съ мутно-грязнаго неба, луною, украдкою серебрящею своими лучами поверхность огромной лужи, той лужей, въ которой плещутся, обрызгивая другъ друга, деревенскіе мальчишки, и даже черной, липкой грязью, въ которую по ступицы уходятъ колеса телѣгъ съ сѣномъ или овсяными снопами и, вдобавокъ, съ мужикомъ, мирно дремлющимъ на верху.

Отъ мирныхъ созерцаній картинъ природы послѣдній дачникъ переходитъ къ грибному спорту, т.-е. съ ночи чуть-ли не со всей семьей забирается въ лѣсъ, обходитъ и обшариваетъ его самымъ основательнымъ об-

разомъ и возвращается не иначе, какъ отягченный со всѣхъ сторонъ самой обильной добычей. Отыскивая грибы, послѣднiй дачникъ не брезгаетъ ничѣмъ, что находитъ въ лѣсу: онъ беретъ и сосновыя шишки для самовара, и хворостъ для топлива, а также запасается цѣлой кучей вѣниковъ. Поэтому естественно, что, въ силу своихъ прiобрѣтательныхъ наклонностей, онъ находится въ постоянномъ антагонизмѣ съ мѣстными крестьянами... Не проходитъ дня, чтобы кому-нибудь изъ его Васей или Ѳедей мужикъ не нарвалъ ушей за мародерскiе подвиги въ огородѣ, не проходитъ дня, чтобы супруга послѣдняго дачника не имѣла крупныхъ объясненiй изъ-за дѣтей съ какой-нибудь не въ мѣру крикливой бабой. Но всѣ эти мелкiе случаи мало влiяютъ на прекрасное расположенiе духа сонъ и аппетитъ послѣдняго дачника, и онъ въ полномъ смыслѣ слова наслаждается дачной жизнью.

— Вотъ ироды-то! Всю картошку съ краю повыкопали!—жалуется одна баба другой, на разстоянiи нѣсколькихъ шаговъ отъ безмятежно посиживающаго на скамейкѣ послѣдняго дачника.

Дачникъ и ухомъ не ведетъ и самымъ невозмутимымъ образомъ слѣдитъ за боемъ двухъ пѣтуховъ.

— Выкопаешь, какъ жрать нечего!—замѣчаетъ собесѣдница.

— А мнѣ что за нужда! Что я, кормить ихъ, что-ли, взялась?

Взглядъ дачника переходитъ съ пѣтуховъ на бабъ; дачникъ серьезнымъ образомъ начинаетъ интересоваться разговоромъ, какъ будто рѣчь идетъ о комъ-нибудь другомъ. Этотъ маневръ приводитъ въ смущеніе бабъ и онѣ скрываются въ переулкѣ.

Но вотъ осень окончательно, что называется, вступаетъ въ свои права: деревья оголились, по утрамъ на травѣ замѣчается бѣлый иней, булочникъ пересталъ ходить, закрылась мясная лавочка, и мужику, сдавшему послѣднему дачнику свою избу и проживавшему цѣлое лѣто около хлѣва въ шалашѣ, становится не въ терпежъ: жена простудилась, хвораетъ, дѣти хрипятъ, кашляютъ.

— Ваша милость,—говоритъ мужикъ, внезапно появляясь въ сѣняхъ у послѣдняго дачника,—когда изволите съѣзжать? Будьте милосливы...

— Какъ съѣзжать? что ты, братецъ; лѣтній сезонъ еще не кончился! — удивляется дачникъ.

— Чего не кончился! Вонъ стужа какая! Всѣ господа съѣхали, почитай вы одни на деревнѣ остались!—ворчитъ мужикъ.

— Дураки съѣхали! Теперь-то и дышать свѣжимъ воздухомъ!

— Да ужь больно свѣжъ воздухъ-то, зубомъ на зубъ не попадешь!

— Экой ты, братецъ, какой нѣженка А еще мужикъ! — укорительно замѣчаетъ дачникъ,—ну, Богъ съ тобой, съѣду, съѣду, вотъ только квартиру найду!

Иногда дѣло доходитъ до того, что доведенный до отчаянія мужикъ проситъ дачника пустить жить на кухнѣ бабу съ дѣтьми, и дачникъ снисходительно разрѣшаетъ, иногда мужикъ озлобляется и начинаетъ искать защиты у властей.

Какъ бы то ни было, но, подъ напоромъ разныхъ независящихъ отъ него обстоятельствъ, послѣдній дачникъ рѣшается разстаться съ привольной дачной жизнью и переселиться въ городъ. Тутъ-же, въ деревнѣ, онъ нанимаетъ крестьянскую подводу, нагружаетъ ее своимъ скарбомъ и, забравъ семью, пѣшкомъ идетъ до ближайшаго пункта дешеваго сообщенія. Онъ уходитъ, съ грустью вспоминая о просторѣ и хорошемъ воздухѣ, какимъ пользовались онъ и его семья, и съ ужасомъ думая о подвальной конуркѣ гдѣ-нибудь въ Коломнѣ или Семеновскомъ полку, гдѣ за мутными, запыленными окнами будутъ торчать и съ укоромъ смотрѣть на него блѣдныя лица его ребятишекъ и куда, можетъ быть, среди зимы, возьмутъ да и заглянутъ страшные бичи бѣднаго люда,—дифтеритъ или скарлатина. Онъ идетъ, этотъ бѣдняга, послѣдній дачникъ, и тяжелыя думы все болѣе и болѣе омрачаютъ его скорбную душу, а

холодный осенній вѣтеръ, подгоняя его въ спину, знобя руки и шею, поетъ свою однообразно-тоскливую пѣсню нужды и горя.

Новинки.

Петербуржцы,—какъ и всѣ вообще обитатели большихъ городовъ,—страстные любители всякаго рода новинокъ. Откроется-ли какое-нибудь новое увеселительное заведеніе, администрація котораго за входную плату въ тридцать копѣекъ сулитъ небывалую по своей грандіозности программу развлеченій, и въ день открытія, у входныхъ дверей заведенія толпится такая разношерстная масса публики и съ такимъ энтузіазмомъ торопится попасть внутрь, что дѣло непремѣнно кончается скандаломъ; объявится-ли въ газетахъ какой-нибудь аукціонъ древнихъ вещей и предметовъ роскоши, до которыхъ, повидимому, рѣшительно нѣтъ никакого дѣла массѣ и покупателями которыхъ всегда являются избранники,—толпа, съ преобладающимъ большинствомъ „спинжаковъ“, чуекъ и сапогъ бутылками уже съ утра дежуритъ у подъѣзда дома, гдѣ долженъ происходить аукціонъ, затѣмъ, подобно морскому приливу, съ шу-

момъ валитъ въ квартиру, наполняетъ ее всю такъ что яблоку негдѣ упасть, и, въ какіе-нибудь полчаса, насыщаетъ воздухъ углекислотой до такой степени, что не только дамы. но и мужчины начинаютъ падать въ обморокъ.

Нѣкій коммерсантъ дѣлается несостоятельнымъ. Конкурсъ назначаетъ продажу товара по необыкновенно дешевымъ цѣнамъ и наклеиваетъ на каждый предметъ ярлыки съ обозначеніемъ: 15, 10, 5, 3 коп. и даже дешевле! Кончено! Удочка, на которую ловится любитель дешевыхъ новинокъ—закинута, и магазинъ выдерживаетъ правильную осаду тысячной толпы. У другого коммерсанта въ магазинѣ случился пожаръ, значительно попортившій мануфактурный товаръ, который добросовѣстнѣе всего было-бы выбросить въ помойную яму. Но коммерсантъ публикуетъ въ газетахъ и вывѣшиваетъ на окнахъ громадные аншлаги, извѣщающіе, что въ его магазинѣ продается ситецъ по 6 к. аршинъ. Довольно! На слѣдующее-же утро вся улица запружена народомъ, а у дверей магазина образуется „хвостъ“, тянущійся чуть не на полверсты.

Мѣстная полиція, предчувствуя неизбѣжность скандала, дежуритъ передъ магазиномъ съ утра до вечера, чуть-ли не въ полномъ своемъ составѣ.

А толпа собравшихся на улицѣ все ждетъ, все напираетъ и съ завистью смотритъ на

„счастливцевъ“, истерзанныхъ, красныхъ, въ поту, тащущихъ свертки подпаленнаго и подопрѣвшаго ситца. При чемъ тутъ-же, въ толпѣ, происходятъ для нѣкоторыхъ не совсѣмъ пріятныя разоблаченія. Марья Петровна слышала отъ Надежды Семеновны, что та покупаетъ разныя матеріи, не исключая ситцевъ, въ самомъ лучшемъ магазинѣ Гостинаго двора. Подъ конецъ это такъ надоѣло ей, такъ ее разстроило, что и она стала, говорить, что покупаетъ въ томъ-же магазинѣ. И вдругъ—неожиданная встрѣча: Марья Петровна, красная, со сбитою на затылокъ шляпкой, продирается черезъ толпу съ объемистымъ сверткомъ горѣлаго ситца. О, какой счастливый случай! Надежда Семеновна, какъ коршунъ кидается къ пріятельницѣ и даже хватаетъ ее за тальму.

— Марья Петровна! Какими судьбами? И вы здѣсь? Купили... ситецъ?

Оторопѣвшая, пойманная на мѣстѣ преступленія, Марья Петровна нѣкоторое время безсмысленно смотритъ на Надежду Семеновну и бормочетъ что-то невнятное.

— Соблазнились публикаціей? Но вѣдь это должно быть ужасная дрянь!—торжествуя, иронизируетъ та.

— Н... не знаю... вѣроятно... Я собственно такъ... попробовать!..—бормочетъ Марья Петровна, и вдругъ радостно восклицаетъ:

— А вы тоже... туда?

— О, нѣтъ!—смѣется Надежда Семеновна,—я мимо шла... да попала въ толпу!

Какъ-бы не такъ! Стоитъ Марьѣ Петровнѣ удалиться, и пріятельница врѣжется въ толпу, въ самую давку, будетъ претендовать на невѣжество „мужлановъ", толкающихъ даму, будетъ взывать къ полиціи, затѣетъ даже скандалъ, а все-таки добьется своего, протискается къ прилавку и пойдетъ домой, торжественно, прижимая къ груди свертокъ съ „ужасной дрянью".

А эти лавки съ продажей „бракованной" посуды, гдѣ прилично и даже щегольски одѣтыя дамы ходятъ среди грудъ негоднаго фаянса и фарфора и покупаютъ чайные сервизы „съ пузырями", кривые соусники и незакрывающіеся молочники; а эти весеннія распродажи готоваго платья и кусковъ матеріи, гдѣ въ нѣсколько дней публика, подобно нахлынувшей саранчѣ, съѣстъ безъ остатка всю дрянь, всю заваль!

И какая, при этомъ, невозможная смѣсь сословій столичнаго населенія! Бокъ о бокъ съ щегольски одѣтой дамой стоитъ какая-нибудь убогая старушонка изъ Коломны, а рядомъ съ элегантнымъ франтомъ—простая деревенская баба, пріѣхавшая къ мужу-рабочему и сберегающая каждый грошъ тяжелаго, трудового заработка... Да, сильна въ насъ любовь къ новинкамъ, и велико желаніе похвастаться какимъ-нибудь дешевымъ пріобрѣтеніемъ! Хозяйка наливаетъ вамъ чай въ

стаканъ, который криво держится на блюдечкѣ и страдаетъ кое-какими внутренними недостатками вродѣ черненькихъ точекъ на донышкѣ.

— Эти стаканы я купила вчера!—объявляетъ вамъ хозяйка,—и, знаете-ли, удивительно дешево... полтинникъ дюжина!

Вы соглашаетесь, что это дешево, изъ приличія не рѣшаетесь сказать, что бракъ никогда не можетъ быть проченъ, но вамъ не приходится долго ждать доказательствъ вашихъ наблюденій: четыре стакана съ изумительнымъ упорствомъ лопаются одинъ за другимъ!

— Ну, эти не совсѣмъ удачны!—нѣсколько сконфуженнымъ тономъ замѣчаетъ хозяйка,—зато у насъ еще остались восемь! Тѣ, кажется, лучше.

Увы! Черезъ два дня нашей любительницѣ дешевыхъ покупокъ приходится отправляться въ лавку „бракованной посуды“ за новой дюжиной стакановъ, да кстати купить новый салатникъ, который треснулъ, и прикупить нѣсколько паръ тарелокъ.

Любовь ко всему новому,—въ особенности если объ этомъ „новомъ“ что-нибудь сказано въ газетахъ,—подчасъ доходитъ до смѣшного. Такъ, напр., на-дняхъ было объявлено объ открытіи паровой хлѣбопекарни. Зная нашу публику, мы нарочно отправились въ помѣщеніе пекарни, чтобы насладиться зрѣлищемъ высокаго комизма.

*

Такъ оно, конечно, и вышло. Еще подходя только къ дому, гдѣ помѣщается пекарня, мы уже видѣли какое-то странное лихорадочное движеніе прилично одѣтыхъ дамъ и мужчинъ, стремившихся къ воротамъ, откуда выходили улыбавшіеся счастливцы съ ношами, завернутыми въ бумагу. Въ магазинъ пекарни мы попали съ трудомъ, до того тамъ все было набито народомъ. Прислуги, вродѣ кухарокъ и горничныхъ, не было; были одни *господа,* и, странное дѣло, преимущественно мужчины. Хохотъ въ толпѣ стоялъ неудержимый, давка была невообразимая. Цилиндры и котелки съ азартомъ продирались къ стойкѣ и настойчиво требовали... хлѣба!

Картина была совершенно такая, какая бываетъ въ осажденномъ и голодающемъ городѣ, какая была въ Парижѣ въ 1870 году, когда хлѣбъ, по распоряженію муниципалитета, раздавался по порціямъ.

Къ довершенію иллюзіи, полки были пусты, и прислуга объявляла, что хлѣбъ вышелъ, и новый будетъ черезъ два часа. Нужно было видѣть выраженія разочарованія и чуть-ли не страха, которыя отражались на лицахъ покупателей.

— Э... э... послушайте!—горячился какой-то солидный господинъ въ очкахъ,—я прихожу второй разъ и нѣтъ... это что же такое? А?

— Мнѣ два фунта! Только два фунта! — умоляющимъ голосомъ взывала прилично одѣтая дама.

Приказчикъ растерянно пожималъ плечами и „покорнѣйше“ просилъ пожаловать черезъ два часа. Но публика не расходилась и все только прибывала.

Въ сосѣдней комнатѣ, за столикомъ, расположились два приличныхъ молодыхъ человѣка въ котелкахъ. Счастливцы! У нихъ былъ каравай хлѣба фунтовъ въ пять.

— Послушай, mon cher, попроси же бумаги! Вѣдь, не ловко такъ нести!—убѣждалъ одинъ.

— Какая тамъ бумага! Туда не доберешься! — отвѣчалъ другой, — постой, дай-ко мнѣ отломить кусочекъ! Ужасно ѣсть хочется!

— И мнѣ тоже!

Оба отщипнули по куску и принялись ѣсть съ такимъ аппетитомъ, что можно было подумать, что они изъ числа голодающихъ Симбирской или Уфимской губерніи.

— Тс! Послушь-тс!—цыкнулъ намъ субъектъ въ потертомъ коричневомъ пиджакѣ,— вы на счетъ хлѣба-съ?

— А что?

— Ничего не добьетесь! Пожалуйте въ другую лавочку-съ. Ихняя-же! Тамъ можетъ есть!

Изъ любопытства мы отправились въ „другую ихнюю лавочку“. Коричневый субъектъ счелъ, почему-то, обязанностью насъ сопровождать. Но въ другой лавочкѣ насъ постигло еще горшее разочарованіе; тамъ не было хлѣба уже нѣсколько дней! Люди приходили, освѣдомлялись у приказчика и уходили съ унылыми лицами.

— Можетъ быть къ вечеру будетъ, — кинулъ намъ надежду приказчикъ.

Коричневый субъектъ просіялъ.

— Ну, слава Богу!—облегченно вздохнулъ онъ,—хоть къ вечеру, да будемъ съ хлѣбомъ.

— Скажите, пожалуйста, отчего вы не купите хлѣба въ обыкновенной мелочной лавочкѣ?—спросили мы.

— Помилуйте, зачѣмъ мнѣ тамъ покупать-съ!—воскликнулъ онъ, — во-первыхъ, въ лавочкахъ этихъ хлѣбъ не того-съ... а потомъ читали, вѣроятно, что въ газетахъ пишутъ-съ? Паровая! Паромъ пекутъ-съ? И потомъ зерно!.. Чистое-съ! Непремѣнно попробовать нужно-съ!

И по этимъ восклицаніямъ мы лучше всего поняли столичнаго обывателя, столь падкаго на „новинку"!

Вѣчные странники.

Наступаетъ осень. Ласточки собираются покинуть нашъ холодный край, бѣлка запасаетъ на зиму орѣхи и еловыя шишки, медвѣдь подумываетъ о берлогѣ, а вѣчный странникъ,—никогда не имѣющій ни угла, ни пристанища,—актеръ ищетъ ангажемента. Весну

и лѣто онъ прожилъ съ грѣхомъ пополамъ, ночевалъ чуть не въ лѣсу, питался чуть-ли не сосновой коркой и радъ-радешенекъ былъ, когда случалось играть въ какомъ-нибудь дачномъ любительскомъ сараѣ за три рубля выходныхъ. Но какъ и чѣмъ прожить осень, что дѣлать зимою? Объ этомъ нужно подумать. Онъ смотрится въ зеркало, анализируя свою фигуру и свой костюмъ. Отъ долгаго сценическаго бездѣйствія щеки и подбородокъ его покрылись черной, колючей щетиной, лицо исхудало, глаза горятъ лихорадочнымъ огнемъ голоднаго, полубольного человѣка... Его костюмъ, — вывѣска ветошника: вытертое, порыжѣлое пальто расползлось по швамъ и не застегивается за неимѣніемъ на надлежащихъ мѣстахъ пуговицъ, ветхія панталоны вытянулись на колѣняхъ и оборвались въ низкахъ, его сюртукъ, вѣрой и правдой отслужившій не одинъ, а два положенныхъ срока,— запятнанъ и разорванъ подъ мышками, его дырявая шляпа изнемогла въ борьбѣ со стихіями и, склонившись на одну сторону, словно молитъ объ отставкѣ.

А между тѣмъ этому человѣку нужно ходить по разнымъ мѣстамъ и хлопотать объ ангажементѣ на роли драматическаго любовника. Было время, и не особенно давнее, когда къ нему являлись съ разными болѣе или менѣе лестными предложеніями. Тогда онъ былъ „извѣстностью", газетные рецензенты хвалили его игру, товарищи завидовали его таланту,

антрепренеры платили ему хорошія деньги. Куда онѣ дѣвались, эти проклятыя деньги? Безпорядочная натура артиста не знала предѣловъ мотовству: этотъ человѣкъ кутилъ, развратничалъ, пускался въ разныя артистическія предпріятія, сорилъ деньгами направо и налѣво, словомъ—„жегъ свѣчку съ обоихъ концовъ“ и дошелъ очень быстро и незамѣтно до своего настоящаго положенія. Куда дѣваться, гдѣ искать работы? И вотъ, онъ начинаетъ ходить по своимъ прежнимъ товарищамъ, такимъ же, какъ онъ, калифамъ на часъ, и проситъ указать какой-нибудь театръ, какого-нибудь антрепренера. Увы, всѣ мѣста заняты, повсюду народъ набранъ, труппы сформированы — и товарищъ, изъ жалости, предлагаетъ ему поступить переписчикомъ въ одно учрежденіе.

Выбора нѣтъ, — или, буквально, голодная смерть, или полуголодное прозябаніе на 15-тирублевомъ жалованьѣ. Бѣдняга глубоко вздыхаетъ, машетъ рукой и идетъ опредѣляться въ чаяніи будущихъ, лучшихъ временъ, которыя, конечно, никогда не наступятъ. Больничная койка, смерть и похороны на казенный счетъ въ отдаленномъ разрядѣ одного изъ столичныхъ кладбищъ,—вотъ финалъ его артистической дѣятельности.

Недавно мы зашли въ одно учрежденіе, имѣющее нѣчто общее съ театромъ и въ которое, въ силу какого-то непонятнаго и прискорбнаго заблужденія, приходятъ освѣдом-

ляться о мѣстахъ не попавшіе ни въ какую труппу актеры и актрисы.

Подымаясь по лѣстницѣ, мы уже были убѣждены, что застанемъ тамъ если не двухъ, трехъ, то хоть одного изъ этихъ несчастныхъ и, дѣйствительно, въ углу комнаты мы увидѣли сидѣвшую на стулѣ даму, довольно молодую и недурненькую, которая со свойственною людямъ ея профессіи искренностью вела бесѣду съ конторщикомъ, занятымъ уборкою пьесъ по шкафамъ и витринамъ.

— Такъ что-же, Яковъ Савельичъ, вы такъ-таки не можете указать мнѣ ничего подходящаго?—веселымъ тономъ спрашивала дама.

О, мы отлично знали, что скрывается подъ этой напускной веселостью! Дама была одѣта болѣе чѣмъ скромно: ея шляпка носила очевидные слѣды неоднократныхъ и весьма усиленныхъ реставрацій, равно какъ и манто, небрежно накинутое на плечи. Въ передней, накренившись на бокъ, стоялъ распущенный и мокрый зонтикъ-инвалидъ и галоши съ прорванными пятками, принадлежность которыхъ этой дамѣ не подлежала ни малѣйшему сомнѣнію.

Конторщикъ взялъ какую-то пьесу, сдунулъ съ нея слой пыли, внимательно посмотрѣлъ на заглавіе и, ставя на полку, отвѣчалъ:

— Чего-же вамъ подходящаго, Настасья Николаевна? Я вамъ предлагалъ разныя мѣста,—вы не хотите.

— Какъ не хочу!— еще веселѣе воскликнула дама, — хочу и очень даже! Только вы мнѣ все мѣста-то такія ненадежныя предлагаете. Ну, хоть-бы этотъ Растерзаевъ! Вѣдь, я знаю, какъ онъ платитъ. Первый мошенникъ.

— Ну, вотъ ужъ и мошенникъ! — возразилъ конторщикъ, беря другую пьесу и продѣлывая съ нею то-же, что и съ первой,— если ужъ предъявлять такія требованія, то выходитъ, что всѣ мошенники... Отправьтесь къ Расхватаевой... Кажется, она нуждается въ ingénue.

— А сколько она платитъ?

— Чудное дѣло!—разсмѣялся конторщикъ, шлепнувъ объемистой пьесой по прилавку,— все-то вы спрашиваете: сколько, да сколько платятъ. Ну, подумайте сами, почему я знаю?

— Знаете, знаете, да сказать не хотите! Вы хитрый!

— Ей-Богу-же, Настасья Николаевна, ничего не знаю. Сходите, чего вамъ стоитъ.

— Нѣтъ, къ ней я не пойду, на нее жалуются, я слышала.

— Тогда ужъ я не знаю.

Конторщикъ вытащилъ изъ-подъ прилавка еще одну пьесу, увидѣлъ на ней паука, казнилъ его и глубоко задумался, словно предался угрызеніямъ совѣсти, потомъ вдругъ просвѣтлѣлъ, взмахнулъ рукою и воскликнулъ:

— Батюшки, совсѣмъ забылъ! Стопъ—

Зыбчинская труппу составляетъ... Вотъ, ступайте-ка къ ней!

— А гдѣ она живетъ?

— Она живетъ... Т. е. собственно я вамъ дамъ адресъ купца Семибрюхова, — тамъ вы ее найдете... Только, смотрите, по утрамъ!

Конторщикъ написалъ на клочкѣ бумаги адресъ и передалъ его дамѣ.

— Только ей, кажется, нужно съ пѣніемъ!—предупредилъ онъ.

— Яковъ Савельичъ, какъ вамъ не стыдно!— весело воскликнула дама,-- неужели вы забыли, что я пою? Кажется, вамъ небезъизвѣстно, какая я комическая ingénue? Наконецъ, я даже въ опереткѣ пѣла! Помните, запрошлую зиму?

Яковъ Савельичъ ничего не отвѣчалъ. Онъ снова погрузился въ задумчивость, должно бытьпо поводу умерщвленнаго паука.

— Кажется, я артистка съ именемъ! А, какъ вы полагаете, Яковъ Савельичъ? — весело приставала дама, — и въ газетахъ обо мнѣ писали, и все такое!

— Да, да, конечно! — отвѣчалъ конторщикъ, отрываясь отъ задумчивости и поднимая съ пола цѣлую связку пьесъ, — конеч-но...

— Ну, а въ провинцію? Не знаете-ли какихъ-нибудь мѣстъ?—спросила дама, вставая со стула и подходя къ прилавку.

— Въ провинцію? — задумался контор-

щикъ, — гм! Есть и въ провинцію. Въ Семипалатинскъ не хотите-ли?

— Гдѣ это Семипалатинскъ? Далеко отъ Москвы?

— Право не знаю.

— Если далеко,—не поѣду! Придется идти пѣшкомъ, не дойдешь. Нѣтъ-ли поближе къ Москвѣ?

— Въ Васильсурскъ есть.

— Василь... сурскъ? Что за смѣшной городъ. Никогда не слыхивала такого!

— Есть такой! — убѣжденно отвѣчалъ конторщикъ.

— А платятъ тамъ хорошо? И сколько платятъ?—допрашивала дама.

— Опять!—укоризненно воскликнулъ конторщикъ, — да что это вы, Настасья Николаевна, все про плату, да про плату!

— А какъ-же иначе, голубчикъ! Сами подумайте: завезти — завезутъ, а какъ ничего не заплатятъ! Матушку-рѣпку и пой! Нѣтъ, батенька, я стрѣляный воробей! Ну, такъ идти, что-ли, къ Зыбчинской?

— Идите, да поскорѣе, а то перебьютъ!

— Какъ, сейчасъ?—воскликнула дама.

— Пожалуй, что и сейчасъ!

— Въ такомъ-то видѣ? Что вы, батюшка, Яковъ Савельичъ! Вы посмотрите, какая я трепаная! Нѣтъ, такъ нельзя! Пріодѣться нужно, а въ такомъ видѣ къ антрепренерамъ не являются!

Конторщикъ бросилъ разсѣянный взглядъ

на даму и тотчасъ перевелъ его на дверь, на порогѣ которой показалась фигура другой дамы. Вошедшая была значительно старше первой. Коричневый съ искрой, сильно поношенный ватеръ-пруфъ, обтягивавшій ея станъ, обнаруживалъ его необыкновенную худобу. Изъ подъ смятой, полинялой шляпки съ выцвѣтшимъ вуалемъ смотрѣло синевато-блѣдное лицо. Черные, утомленные глаза, глубоко запавшіе въ орбиты, съ оттѣнкомъ затаенной злобы и мрачной рѣшимости остановились на конторщикѣ.

— Ну, что-же, Яковъ Савельичъ? — глухимъ шепотомъ спросила пожилая дама.

— Ничего! Рѣшительно ничего! — сокрушенно вздохнулъ конторщикъ.

Дама тяжело облокотилась на прилавокъ и не сводила своихъ страшныхъ глазъ съ конторщика.

— Прощайте, Яковъ Савельичъ?—весело воскликнула ingénue „съ пѣніемъ и безъ онаго“,—пойду, попробую къ Зыбчинской! Такъ вы сказали въ Измайловскомъ?.. Ахъ, да, впрочемъ, у меня есть адресъ! Прощайте!.. А Свистулькину скажите, если зайдетъ, что онъ поросенокъ, и больше ничего!

Дама послала конторщику воздушный поцѣлуй и выпорхнула въ переднюю, а оттуда, наскоро надѣвъ галоши и не забывъ захватить своего инвалида,—на лѣстницу.

Конторщикъ проводилъ даму задумчивымъ взглядомъ и остановилъ ее на пожилой

дамѣ, продолжавшей безмолвно стоять у прилавка.

— Кто это такая?—по прежнему глухимъ шепотомъ спросила дама.

— Покровская, Настасья Николаевна! — отвѣчалъ конторщикъ.

— Какъ-же вы сказали, что мѣстъ нѣтъ, а ее, вотъ, посылаете? — укоризненно замѣтила дама.

— Я и теперь говорю, что нѣтъ. А что я ее послалъ, такъ что-же съ того? Вѣдь, она водевильная ingénue, да еще съ пѣніемъ.

— Да, ну это... конечно! согласилась дама. И мы тоже внутренне согласились съ нею, что, конечно, амплуа водевильной ingénue было не ея амплуа. Можетъ быть нѣсколько лѣтъ тому назадъ она исполняла эти роли и, такъ-же какъ Настасья Николаевна, была наружно весела и бравировала своимъ безвыходнымъ положеніемъ, — но годы шли и уносили съ собою молодость, здоровье, красоту, весь запасъ энергіи и хорошаго расположенія духа и покинули ее на тяжеломъ распутьи жизни доживать свой безрадостный вѣкъ больной, полуголодной, обозленной старухой.

— Прощайте, Яковъ Савельичъ!—сказала она, протягивая конторщику руку.

Онъ, не глядя, протянулъ свою. Взглядъ его былъ устремленъ на другой уголъ прилавка,—по которому прогуливался рыжій та-

раканъ, — вся его фигура выражала неудержимое влеченіе броситься на врага.

Пожилая дама вышла на улицу. Мы послѣдовали за нею. Она шла медленно, и опустивъ голову, какъ люди очень сильно занятые одною какой-нибудь мыслью.

На перекресткѣ она остановилась передъ окномъ колбасной и долго смотрѣла на выставленный товаръ въ видѣ разнаго сорта колбасъ, полендвицы, свиныхъ ножекъ, копченаго сига и пр.

Бѣдняжка, какъ ей, должно быть, хотѣлось кушать!

Затѣмъ она, какъ-бы нехотя, оторвалась отъ окна, повернула за уголъ и исчезла въ водоворотѣ шедшихъ другъ другу на встрѣчу прохожихъ...

„Вѣчная странница“ пошла искать себѣ пріюта...

Школьница.

„Приготовительное училище для дѣтей обоего пола“, такъ гласитъ скромная—бѣлыми литерами по черному фону—вывѣска на воротахъ одного изъ домовъ нашей улицы. Лѣтъ десять тому назадъ, вмѣсто этой вывѣски, висѣла другая, совершенно такого-же

образца и размѣра, но съ изображеніемъ словъ: „школа, schule, école". Но времена перемѣнились, гуманитарныя начала взяли верхъ и вмѣсто краткаго слова: *школа*, производящаго впечатлѣніе чего-то непомѣрно суроваго, строгаго и послужившаго къ производству глаголовъ „школить", „вышколить" (вотъ ужо тамъ тебя вышколятъ!) явилось мягкое, деликатное, согласное съ требованіями современности—приготовительное училище. Войдемъ-же въ этотъ приготовительный храмъ науки, въ это маленькое чистилище, въ горнилѣ котораго, прежде чѣмъ достичь заоблачныхъ сферъ премудрости, должны очиститься обоего пола невинныя души младенцевъ. По неопрятной, скользкой отъ сырости лѣстницѣ, мы поднимаемся въ третій этажъ и звонимъ у двери, обитой черной клеенкой и снабженной мѣдной дощечкой съ вырѣзанной на ней фамиліей содержательницы училища. Не совсѣмъ презентабельная кухарка отворяетъ намъ дверь и спѣшитъ сообщить, что „онѣ заняты, но сейчасъ выйдутъ". Такъ какъ никакой пріемной въ училищахъ такого рода не полагается, то мы, не безъ комфорта, усаживаемся на стулъ тутъ-же, въ передней, въ близкомъ сосѣдствѣ съ цѣлой кучей верхняго одѣянія, по размѣрамъ несомнѣнно, принадлежащаго той учащейся мелкотѣ, сдержанный шепотъ которой черезъ запертую дверь въ первую отъ передней комнаты доносится до нашего слуха.

Ждать приходится не долго. Неисповѣдимыми путями извѣщенная о нашемъ приходѣ черезъ кухарку, содержательница училища прерываетъ на время занятія и выходитъ къ намъ. Это, въ большинствѣ случаевъ, перезрѣлая, и даже очень, дѣва высокаго роста, стройная какъ пальма, но и такая-же деревянная какъ она. Густыя, сросшіяся брови побуждаютъ предполагать суровость и непреклонность характера, а отрывистый, изобилующій низкими и рѣзкими нотами голосъ окончательно утверждаетъ насъ въ этомъ предположеніи.

— Неугодно-ли въ гостинную?—предлагаетъ вамъ она, открывая дверь въ единственную во всей небольшей квартиркѣ парадную комнату съ неизбѣжными: полдюжиной мягкихъ стульевъ, двумя креслами, диваномъ, столикомъ передъ нимъ и съ альбомомъ на столикѣ.

— Вы вѣроятно, хотите помѣстить?..—спрашиваетъ содержательница училища, оглядываясь вокругъ и отыскивая свою новую маленькую жертву,—ахъ, вы не привели? Ну, да это все равно.

Конечно, все равно! Вы изъявляете желаніе ознакомиться съ программой преподаванія и условіями платежа. О, это очень просто!

— Дѣвочкамъ преподается: законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика, чистописаніе, нѣмецкій языкъ и рукодѣліе! Мальчикамъ—все

то-же, за исключеніемъ, понятно, рукодѣлія. Плата, шестьдесятъ рублей въ годъ; за первое полугодіе вносится тотчасъ-же при поступленіи.

Прекрасно! Вы встаете съ намѣреніемъ откланяться, но содержательница училища, которая все болѣе и болѣе начинаетъ производить на васъ впечатлѣніе деревянной дѣвы, не рѣшается отпустить васъ безъ того, чтобы не сообщить вамъ, что у ней много учениковъ и ученицъ (и всегда было много!), что преподаваніе она ведетъ по самой новѣйшей системѣ и родители очень, очень довольны, что она особенно слѣдитъ за порядкомъ и, вообще, вмѣстѣ съ образовательными, преслѣдуетъ и воспитательныя цѣли.

Прекрасно, прекрасно! Вы мнете вашу щляпу, по нѣскольку разъ перекладываете ее изъ одной руки въ другую, постепенно ретируетесь къ двери, — словомъ, не знаете, какъ-бы поскорѣе уйти. Васъ спасаетъ маленькое возмущеніе, вспыхивающее въ классѣ: десятки дѣтскихъ голосовъ начинаютъ болтать и шумѣть за дверью, десятки паръ маленькихъ ногъ начинаютъ шаркать по полу и передвигаться.

Сросшіяся брови деревянной дѣвы сростаются еще болѣе, сердитый огонекъ пробѣгаетъ въ ея глазахъ, и она, наскоро, простившись съ вами, устремляется въ классъ.

Въ классѣ водворяется гробовая тишина. Черныя, русыя, рыжія, бѣлобрысыя головы

дѣвочекъ низко наклоняются надъ тетрадями, какъ-бы стараясь слиться вмѣстѣ съ доскою парты.

— Кто шумѣлъ!—строго вопрошаетъ деревянная дѣва.

Молчаніе. Паукъ зацѣпилъ въ паутину муху и она жалобно и долго жужжитъ.

— Я спрашиваю: — кто шумѣлъ? Прохорова!

Отъ черной доски отлипаетъ русая головка дѣвочки лѣтъ восьми, и сѣрые, округлившіеся отъ испуга, глаза ребенка устремляются на учительницу. Затѣмъ, дѣвочка дѣлаетъ книксенъ и продолжаетъ смотрѣть на учительницу подобно тому, какъ птичка смотритъ на василиска.

— Прохорова, я тебя спрашиваю: — кто шумѣлъ?

— Не... не знаю-съ!—робко отвѣчаетъ дѣвочка, теребя кончикъ передника.

— Какъ ты держишь руки!

Одного этого замѣчанія довольно, чтобы дѣвочка отпустила передникъ и сцѣпила руки ладонями вмѣстѣ.

— Ты дежурная, и не знаешь? Прекрасно Оставляю тебя безъ завтрака! Садись!

Дѣвочка дѣлаетъ книксенъ и садится. Слезинки сверкаютъ на ея глазахъ: одна, двѣ, три, и капаютъ на тетрадь. О, ужасъ! дѣвочка только-что написала: „краситъ рака горе“ и вдругъ, оказалось, что горе краситъ не одного рака, но и тетради, на которыя ка-

*

паютъ слезы. Въ страхѣ, дрожащими руками, ребенокъ старается листомъ протечной бумаги скрыть слѣды своей душевной слабости, но непомѣрно расползшіяся буквы *к*, *р* и *т* остаются вѣчными свидѣтельницами того, насколько горекъ корень ученія.

— Селиверстова, отвѣчай стихи!

Черноволосая дѣвочка поднимается изъ-за парты, дѣлаетъ книксенъ и, сложивъ какъ подобаетъ руки, робкимъ голосомъ шепчетъ:

„Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда“...

„Счастливая „птичка Божія“, — думаютъ другія дѣвочки,—„какъ-бы хорошо было сдѣлаться птичкою, и улетѣть, улетѣть“...

— Громче!—слышится рѣзкій окрикъ деревянной дѣвицы,—Тиханова, продолжай!

„Людямъ скучно, людямъ горе“...

Наступаетъ время завтрака. Дѣти ѣдятъ что принесли, кто черный хлѣбъ съ масломъ, кто булку съ сыромъ. Послѣ завтрака снова начинаются упражненія въ наукѣ, сопровождаемыя безпрестанными книксенами и показываніемъ другъ дружкѣ рукъ, сложенныхъ ладонями вмѣстѣ и въ исходѣ третьяго часа кухарка появляется въ дверяхъ класса и поочередно вызываетъ ученицъ въ переднюю. Этотъ остроумный способъ удаленія школьницъ придуманъ въ виду тѣсноты помѣщенія. Одна за другой дѣвочки выходятъ въ переднюю, надѣваютъ пальто самыхъ разнообразныхъ видовъ и окрасокъ, берутъ свои

сумки и чинно спускаются по скользкой лѣстницѣ на улицу. Наконецъ-то, онѣ на свободѣ! Какъ емко дышитъ свѣжимъ воздухомъ грудь, стѣсненная дыханіемъ десятка-другихъ дѣтей, принужденныхъ сидѣть въ маленькой комнатѣ въ теченіе семи часовъ! Какъ весело идти по улицѣ, зная, что строгіе глаза деревянной учительницы не слѣдятъ за каждымъ твоимъ движеніемъ, рѣзкій голосъ не приказываетъ дѣлать книксены и держать руки ладонями вмѣстѣ! Какъ отрадно наконецъ вернуться въ родное гнѣздо!

Прохорова идетъ весело, поглядывая по сторонамъ. Но вдругъ ея лицо омрачается. Она видитъ, что изъ воротъ одного дома вышли школьники и ей въ особенности кажется подозрительнымъ одинъ мальчишка: онъ толстъ и лопоухъ и въ глазахъ его, бойкихъ и нахальныхъ, свѣтится недобрый огонекъ. Прохорова старается держаться поближе къ взрослымъ прохожимъ и подъ ихъ прикрытіемъ какъ-нибудь юркнуть въ ворота своего дома.

Дѣвочки-школьницы имѣютъ своихъ непримиримыхъ враговъ—школьниковъ. Сколько разъ случалось намъ оказывать неожиданное покровительство, разгонять мальчишекъ и доводить до дому оскорбленныхъ, плачущихъ и даже (о, позоръ!) побитыхъ школьниками дѣвочекъ! Сколько разъ мы пробовали доискаться истинной причины этой непонятной вражды, доходящей до озлобленія,

и не можемъ сказать, чтобы наши неоднократныя попытки увѣнчались когда-нибудь успѣхомъ! Лопоухіе школьники всегда вели себя самымъ непохвальнымъ образомъ, и если намъ удавалось изловить какого-нибудь изъ нихъ, то и въ этомъ случаѣ наши попытки дѣйствовать убѣжденіемъ не приводили ни къ какимъ результатамъ. Лопоухій молчалъ, пыжился и ежесекундно наровилъ улизнуть отъ насъ поскорѣе...

Придя домой, Прохорова прежде всего положитъ книги и тетради на надлежащее мѣсто, потомъ пообѣдаетъ, и вечеромъ начнетъ готовить уроки къ слѣдующему дню. Вотъ она уже выучила басню „Волкъ и ягненокъ", и глаза ея горятъ огнемъ самоудовлетворенія, затѣмъ ей предстоитъ сдѣлать задачу и написать страничку изъ книги. Все это она продѣлываетъ съ необыкновенно серьезнымъ видомъ, съ полнѣйшимъ сознаніемъ необходимости своего долга, и любо смотрѣть, какъ внезапно просвѣтляется ея лицо въ моменты преодолѣнія какой-нибудь трудности!

Незабвенное время, счастливый возрастъ! Пройдутъ года, много лѣтъ пройдетъ, и жизнь совершенно измѣнится, изломаетъ, исковеркаетъ, обозлитъ человѣка, а это время, время школьной жизни не забудется никогда! И будетъ оно помниться какъ хорошій разсказъ, какъ чудная сказка, какъ трогающая душу пѣсня или милый, сроднившійся съ сердцемъ мотивъ...

Проситель-льстецъ.

О, это одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ и опасныхъ видовъ просителей, и потому мы ставимъ его во главѣ нашихъ набросковъ о людяхъ, эксплоатирующихъ мягкосердечіе своего ближняго. Проситель-льстецъ знаетъ къ кому онъ идетъ, вслѣдствіе чего онъ смѣлъ и развязенъ; если сегодняшнее нападеніе его будетъ неудачнымъ, онъ возобновитъ его завтра, послѣзавтра, черезъ недѣлю, мѣсяцъ и, будьте увѣрены, добьется-таки своего. Это то-же что проситель-собратъ (о которомъ мы передадимъ наши наблюденія послѣ), но не имѣющій даже самой ничтожной доли его правъ, и, поэтому, болѣе его назойливый и дерзкій. Кругъ его невольныхъ данниковъ, — это, въ большинствѣ случаевъ, люди пишущіе, ученые или писатели, и, само собою разумѣется, извѣстные ему только по-наслышкѣ, хотя онъ съ апломбомъ, столь свойственнымъ этой породѣ людей, не стѣсняется называть себя самымъ ярымъ читателемъ и почитателемъ намѣченной имъ жертвы.

Никакіе въ мірѣ дворники и швейцары не въ состояніи противодѣйствовать ему въ его стремительномъ натискѣ; измятая, въ дырьяхъ, шляпа, порыжѣлое пальто, панталоны съ

„бахрамой“, въ связи съ опухшей физіономіей и не совсѣмъ опрятной бородой, составляющія неотъемлемые наружные признаки этого субъекта, такъ же мало стѣсняютъ его, какъ и время, въ которое онъ рѣшается удостоить васъ своимъ драгоцѣннымъ посѣщеніемъ. Нѣтъ дня, нѣтъ часа, въ который бы вы не рисковали услышать въ вашей передней звонокъ и слѣдующее затѣмъ сообщеніе прислуги, что „какой-то господинъ“ желаетъ васъ видѣть. Совершенно безполезно при этомъ освѣдомляться о фамиліи этого „какого-то“ господина.

— Они меня не знаютъ,—слышите вы изъ передней внушительный басъ посѣтителя,—но это все равно,—я ихъ знаю!

Безполезно также (какъ уже было упомянуто выше) сказаться „не дома“, вслѣдствіе чего приглашеніе пожаловать становится неизбѣжнымъ. Въ комнату входитъ субъектъ, не старый, не молодой, въ потертомъ пиджакѣ и такихъ же панталонахъ, но съ наклонностью къ хорошему тону, о чемъ свидѣтельствуетъ довольно приличный галстухъ и подержанная перчатка на лѣвой рукѣ. Субъектъ развязно раскланивается, кладетъ дырявую шляпу на письменный столъ и разваливается въ креслѣ.

— Я большой почитатель вашего таланта! заявляетъ онъ вамъ, — и, признаюсь, ваша послѣдняя работа привела меня въ восторгъ! Дайте мнѣ папироску!

Субъектъ закуриваетъ папиросу, откидываетъ голову на спинку кресла и начинаетъ выпускать клубы дыма.

— Чему я обязанъ вашимъ посѣщеніемъ?— спрашиваете вы.

— Главнѣе всего — вашему таланту! Мнѣ пріятно видѣть человѣка, которому я обязанъ многими, по-истинѣ прекрасными моментами. Я читалъ ваши стихотворенія. Уд-ди-вительно!

Нѣкоторое время субъектъ разсматриваетъ васъ съ такимъ вниманіемъ, какъ будто пытается разгадать, откуда, именно, вылѣзаютъ изъ васъ эти удивительныя стихотворенія. Потомъ вниманіе его постепенно обращается на обстановку вашего кабинета, сосѣдней съ нимъ залы и проч. Онъ даже встаетъ, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ стѣнѣ, на которой виситъ гравюра, упорно смотритъ на нее нѣсколько секундъ и одобрительно покачиваетъ головою.

— Какія же стихотворенія читали вы?

— Всѣ!—отрывисто и рѣзко выпаливаетъ субъектъ,—рѣшительно всѣ! Уд-ди-вительно! Дайте-ка папироску!

Лесть уже сдѣлала свое дѣло. Вы смотрите на опухшую, бородатую физіономію субъекта и находите, что у него видъ довольно развитого человѣка, могущаго читать и понимать стихи, вы примиряетесь и съ потертымъ пиджакомъ, и дырявой шляпой посѣтителя, предполагая, что это-то и составляетъ необходимыя принадлежности истиннаго любителя поэзіи.

— Послушайте, — говоритъ вамъ почитатель, садясь напротивъ и проникновенно глядя на васъ,—мои обстоятельства изъ рукъ вонъ плохи! Не можете-ли вы мнѣ помочь? Дайте мнѣ рубль!

Если у васъ есть лишній рубль, вы даете, „почитатель" раскланивается, уходитъ и тѣмъ вопросъ кончается.

Но представьте, что у васъ нѣтъ лишняго рубля или, возмущенные такимъ неожиданнымъ поворотомъ дѣла, вы не желаете дать. Тогда вы отвѣчаете:

— Извините, я не при деньгахъ и не могу дать рубля.

— Какой вздоръ! — со смѣхомъ восклицаетъ субъектъ, — не можетъ быть, чтобы у васъ не оказалось какого-нибудь рубля! Бросьте шутить!

— Я не шучу, я говорю вамъ серьезно, что дать не могу!

— Пустяки! Какой-нибудь рубль не составитъ разсчета! — настаиваетъ субъектъ,— судя по всему, вы на пустяки истрачиваете въ десять разъ больше!

— Милостивый государь!—восклицаете вы въ раздраженіи,—какое вамъ дѣло до моихъ прихотей?

— Не сердитесь! — спокойно замѣчаетъ субъектъ,—къ *такому* поэту, какъ вы, это вовсе не идетъ! Такъ вы не можете дать рубля?

— Не могу! У меня его нѣтъ!

— Гм! Ну, тогда дайте полтинникъ?

— Извините, у меня нѣтъ и полтинника.

— Странно! А между тѣмъ на столѣ я вижу нѣсколько писемъ, которыя вы должны отправить. Слѣдовательно, у васъ есть деньги на марки?

Этотъ тонъ забавляетъ васъ. Вы невольно начинаете заинтересовываться вашимъ посѣтителемъ. „Помѣшанный-ли это, нахалъ, или, дѣйствительно, страшно нуждающійся человѣкъ?“—думаете вы, — на помѣшаннаго онъ не похожъ, а если нахалъ, то отъ постоянныхъ голодовокъ немудрено ему было сдѣлаться имъ.

— Извините,—отвѣчаете вы,—эти письма, правда, я долженъ отправить сегодня же, но не раньше, какъ вернется жена, у которой заперты деньги въ комодѣ.

— Гм! Досадно! — сквозь зубы замѣчаетъ субъектъ, — дайте-ка папироску! Такъ вы не можете дать мнѣ полтинника?

— Какъ я уже сказалъ,—не могу!

— Гм! А въ которомъ часу вернется ваша жена?

— Я думаю въ девять, не раньше!

— Чортъ возьми, это слишкомъ поздно!— восклицаетъ субъектъ, принимаясь ходить по комнатѣ и дымить папиросой, — вотъ, вѣдь, никогда бы не могъ повѣрить, чтобы у васъ не оказалось полтинника...

— Увѣряю васъ...

— Вѣрю, вѣрю! Гм! Ужасно досадно! Такъ

вы говорите, что ваша жена вернется въ девять? Не раньше?

— Ни минутой раньше. Скорѣй позднѣе.

— Послушайте, поищите-ка хорошенько у себя,—можетъ быть, деньги найдутся!

— Увѣряю васъ, что я сижу безъ гроша.

— Какъ же это вы такъ?.. Напрасно! Мало-ли что можетъ случиться.

— Я никакъ не ожидалъ... — оправдываетесь вы.

— Такъ, такъ! Гм! Экая досада... Въ девять часовъ!..—бормочетъ про себя субъектъ, и вдругъ тономъ, какимъ говорятъ люди сдѣлавшіе неожиданное и пріятное открытіе, — восклицаетъ:—знаете-ли что? Я теперь уйду, а къ девяти часамъ вернусь. Вы будете дома?

— Нѣтъ, я ухожу.

— Гм! Но ваша жена будетъ дома?

— По всей вѣроятности.

— Такъ вы сдѣлаете распоряженіе,—хоть черезъ прислугу, что-ли,—чтобы она передала мнѣ полтинникъ.

— Хорошо!—покорно отвѣчаете вы.

Субъектъ беретъ шляпу, раскланивается и уходитъ.

— Такъ смотрите-же: въ девять часовъ!—

Взбѣшенный, возвращаетесь вы въ кабинетъ. Нѣтъ, это ужъ слишкомъ! Каковъ нахалъ! Каковъ негодяй!—восклицаете вы, бѣгая по комнатѣ и въ бѣшенствѣ сжимая кулаки,—это чортъ знаетъ что такое! Чего смотритъ

наша полиція! Нахально ворваться въ домъ... Погоди-же!

— Мавра!

Въ дверяхъ появляется фигура кухарки.

— Ты запомнила этого... господина? Да? Ну, такъ вотъ, въ девять часовъ онъ явится. Гони его вонъ! Въ шею гони, такъ-таки въ шею! А лучше всего скажи швейцару! Ужъ тотъ съ нимъ расправится! Слышишь?

— Слушаю-съ!

Вы долго еще не можете успокоиться, придти въ себя. Вмѣсто того, чтобы сидѣть и работать, вы ходите въ волненіи по кабинету, припоминаете всѣ подробности вашей бесѣды съ „почитателемъ" и тысячу разъ жалѣете, что не положили во-время предѣла его нахальству. Наконецъ, вы начинаете стихать.

„Положимъ, онъ дѣйствовалъ ужь черезчуръ... смѣло,—думаете вы,—но, все-таки, онъ бѣдный, очевидно, гонимый судьбой человѣкъ. Вѣдь, и собака, если она голодна и безпріютна, дѣлается злою и кидается на людей. Вѣроятно, этого бѣдняка не разъ прогоняли, можетъ-быть, били, отправляли въ участокъ, когда онъ робко просилъ подаянія, и вотъ онъ придумалъ *способъ*. Что дѣлать, нужно какъ-нибудь жить! А, все-таки, онъ бѣдный человѣкъ и не отъ сладкой жизни ходитъ обивать пороги"...

Результатомъ подобныхъ размышленій является то, что вы вынимаете изъ кошелька

рубль, предназначенный для покупки марокъ и вручаете его кухаркѣ съ приказаніемъ передать его вашему „почитателю".

Въ девять часовъ ровно въ передней раздается звонокъ.

„Жена?"

Нѣтъ, это *онъ*. Вы слышите, какъ онъ велитъ кухаркѣ передать вамъ поклонъ совершенно въ такомъ тонѣ, какъ будто-бы онъ былъ вашимъ самымъ задушевнымъ пріятелемъ.

Недѣли черезъ двѣ кухарка вручаетъ вамъ конвертъ и сообщаетъ, что принесшій его посыльный ждетъ отвѣта. Вы вскрываете конвертъ и находите записку такого содержанія: „Многоуважаемый N. N.! Убѣдительно прошу передать подателю рубль. Съ почтеніемъ вашъ Поклонникъ"...

Подписи разобрать нельзя, такъ какъ вся она состоитъ изъ однихъ смѣлыхъ росчерковъ съ завитушками, но вы, конечно, догадываетесь, что это опять-таки *онъ*. Что-же вы станете дѣлать, мой благосклонный читатель?

Уличные просители.

Классъ этихъ людей настолько разнообразенъ, насколько могутъ быть разнообразны люди въ своихъ проявленіяхъ. Каждый дѣйствуетъ согласно своему положенію и характеру, каждый проявляетъ свои вкусы и наклонности. Если вы идете задумавшись по улицѣ, въ полной увѣренности что никому до васъ нѣтъ дѣла, равно какъ и вамъ нѣтъ дѣла ни до кого, и, вдругъ, нѣкто, поровнявшись, съ вами, сильнымъ басомъ начнетъ шептать вамъ на ухо,—не бойтесь. Бросьте мимолетный взглядъ на его небритую, всю въ иглахъ, какъ у кактуса, физіономію, на его наваченный, рыжій и сильно продранный пиджакъ и фуражку неопредѣленнаго вѣдомства, или порыжѣлый, съ засаленными полями котелокъ, на его короткіе панталоны съ „бахрамою“ и стоптанные сапоги съ выпуклостями на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ бываютъ мозоли,—и одного вашего взгляда будетъ достаточно, чтобы знать съ кѣмъ имѣете дѣло Конечно, это все тотъ-же неувядаемый типъ отставного военнаго,—жертвы „несправедливости начальства“ и служебныхъ интригъ.

— Милость-сдарь!—хрипло шепчетъ вамъ на ухо этотъ субъектъ,—прошу васъ... сколько-нибудь...

Больше ничего. Онъ не прибавляетъ боль-

ше ни слова. Онъ не распространяется ни о больной женѣ не покидающей постели, ни о голодныхъ, вопіющихъ дѣтяхъ, ни о собственномъ пустомъ желудкѣ и невозможности найти занятій. Ничего подобнаго ни вамъ, ни ему не нужно. Онъ просто требуетъ отъ васъ „сколько-нибудь", въ воздаяніе тѣхъ „несправедливостей начальства", невинною жертвой которыхъ является онъ. И вы обязаны дать. Если-же вы не дадите, онъ, смотря по разстоянію, на которомъ находится городовой,—или обругаетъ васъ, или съ достоинствомъ пройдетъ мимо, наградивъ васъ самымъ уничтожающимъ взглядомъ.

Достойными парочками къ такимъ субъектамъ являются и тѣ, вѣчно слезливо моргающія, пухлыя и сморщенныя какъ печеное яблоко, старушки въ старомодныхъ бурнусахъ и съ клеенчатыми ридикюлями, которыя не спрашиваютъ почти никогда, но останавливаются передъ дверьми магазиновъ или колясками съ сидящими въ нихъ дамами, и улучивъ удобную минуту, кланяются, вперивъ въ васъ жалобный—умоляющій взглядъ. Эти также не просятъ, а безмолвно требуютъ отъ васъ нѣсколько копѣекъ въ воздаяніе ихъ старости и безпомощности, какъ требуютъ, во имя убожества, и тѣ разнообразные калѣки на одной ногѣ, однорукіе, съ обрубленными пальцами, слѣпые, косые и косноязычные, плодящіеся и размножающіеся въ великомъ изобиліи около кабаковъ и портер-

ныхъ, которые, подобно магнитамъ, держатъ ихъ подлѣ себя и не отпускаютъ ни на шагъ далѣе. Въ этомъ заключается вся уловка избѣгнуть непріятныхъ и опасныхъ объясненій съ властями. Стоитъ какому-нибудь *слѣпому*, мирно стоящему на своемъ,—отвоеванномъ отъ другихъ ему подобныхъ,—посту, и съ закрытыми глазами кланяющемуся всякому прохожему съ обычнымъ прибавленіемъ: „подайте милостыньку Христа ради“—увидѣть приближающуюся фигуру городового,—какъ слѣпой моментально исчезаетъ за спасительною дверью съ блокомъ, и тамъ превращается въ полноправнаго, по части выпивки, гражданина. Удалился городовой, и полноправный гражданинъ, утирая губы, выходитъ на улицу и занимаетъ свой постъ. Съ неменьшими успѣхами то-же самое продѣлываютъ безногіе, даже тѣ, которые, повидимому, не имѣютъ ногъ вовсе, и относительно которыхъ наивный обыватель удивляется, какими способами попадаютъ они на намѣченный ими пунктъ и непремѣнно по близости къ *магниту*.

Но что вы скажете о тѣхъ молодцахъ, краснощекихъ, полныхъ силъ и здоровья, притомъ и одѣтыхъ прилично, которые съ растерзаннымъ видомъ ходятъ по улицамъ, въ недоумѣніи останавливаются на углахъ, возвращаются, пожимаютъ плечами, и, наконецъ, рѣшаются обратиться къ вамъ съ вопросомъ.

— Господинъ, будьте столь добродѣтельны, скажите, какъ пройти на Литейную?

Боже, сколько разъ мы были обманываемы наружнымъ видомъ этихъ молодцовъ! Сколько разъ мы проникались сочувствіемъ къ бѣдному деревенскому парню, попавшему въ первый разъ въ столицу и не знающему куда идти!

— На Литейную?—отвѣчали мы,—а вотъ пойдешь прямо,—это будетъ Невскій,—запомнилъ? Потомъ повернешь на-лѣво, пройдешь двѣ улицы, а третья и будетъ Литейный.

— Покорнѣйше благодарю! Недавно пріѣхамши изъ деревни, такъ улицъ-то еще не знаю!—говорилъ парень, слѣдуя за нами и, конечно, совершенно не туда, куда ему нужно было идти.

— Вотъ бѣда: захворалъ, въ больницу попалъ. Два мѣсяца вылежалъ. Издержался, страсть! Господинъ, нѣтъ-ли у васъ какой работы?

„Чортъ возьми!“—думали мы,—какъ наивенъ этотъ парень! Ходитъ по улицамъ и спрашиваетъ работы, а главное, у кого? Судя по всему, онъ могъ-бы быть плотникомъ, столяромъ или, на худой конецъ, пильщикомъ на дровяномъ дворѣ и скорѣе всего ему слѣдовало-бы обратиться куда слѣдуетъ, а никакъ не ко мнѣ! Какую я могу дать ему „работку?“

И мы съ сочувствіемъ заявляли ему объ этомъ.

— Эхъ, господинъ! Ходилъ вездѣ, не принимаютъ! Говорятъ, своихъ много! Нѣтъ-ли у васъ какой работки? Два дня не ѣмши,

просто хоть ложись да помирай! Дайте хоть на пропитаніе!

И мы давали. Наконецъ, намъ это надоѣло и мы попробовали „задать работу“ нашему наивному парню.

— Вотъ что, любезный,—сказали мы однажды,—въ квартирѣ нужно будетъ вставить рамы. Съумѣешь ты это сдѣлать? Тогда приходи завтра утромъ. Вотъ тебѣ адресъ.

Нельзя сказать, чтобы парень особенно обрадовался, когда бралъ адресъ. Но мы, все-таки, были убѣждены, что онъ придетъ.

Какъ-бы не такъ! Прошло три дня, а парень все не показывался. И тогда мы поняли, что, отыскивая „работку“, онъ обязательно долженъ былъ обращаться къ тому, относительно котораго онъ вполнѣ былъ убѣжденъ, что никакой „работки“ не получитъ. Однако, мы все еще колебались въ нашемъ заключеніи. Какъ знать? Парень могъ заболѣть, могъ уѣхать на родину, получить мѣсто, достать болѣе выгодную работу...

И вотъ однажды наши колебанія рушились окончательно: мы встрѣтились съ парнемъ. Онъ былъ все такой-же, — здоровый, краснощекій, одѣтъ былъ не хуже, не лучше, и, не узнавши насъ, обратился къ намъ съ тою-же просьбой:

— Господинъ, будьте добродѣтельны, скажите, какъ пройти на Литейную?

Парень пристально посмотрѣлъ на насъ

и исчезъ моментально. Надо полагать, что его пріютили на время тѣ-же спасительныя двери ближайшаго „магнита“, такъ какъ несмотря на наше страстное желаніе побесѣдовать съ парнемъ еще,—мы нигдѣ не могли его найти...

Мы знали еще одного уличнаго просителя, почтенная, воинственная осанка котораго вселяла къ себѣ невольное уваженіе. Намъ казалось, что это одинъ изъ тѣхъ отставныхъ служивыхъ, которыхъ только невозможность попасть въ богадѣльню побуждаетъ обращаться къ общественной благотворительности. Бравая осанка, особенный, воинственный способъ ношенія фуражки и палки, дѣлали то, что многіе, подавая свою лепту, приговаривали: „На, возьми, служивый“... или „Богъ съ тобой, служивый“. Старикъ не считалъ нужнымъ разрушать иллюзію, но случай открылъ намъ все. Однажды, находясь въ табачной лавкѣ, мы увидѣли входившаго въ нее нашего старика. Приказчикъ, крайне добродушный малый, внезапно преисполнился яростью и кинулся къ вошедшему, крича и выталкивая его изъ лавки. Старикъ сопротивлялся. Къ сожалѣнію, надо замѣтить, что онъ былъ пьянъ. Приказчикъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ содѣйствію городового.

— А, ты опять тутъ? — замѣтилъ городовой.

— Да, опять! А тебѣ что за дѣло?—дерзко отвѣчалъ старикъ,—я знаю куда пришелъ!

— Ну, ну, нечего тамъ!—заговорилъ приказчикъ, толкая старика въ плечо,—къ намъ публика ходитъ! Нечего скандалить! Бери-ка его! — обратился онъ къ городовому.

Растопыривъ обѣ руки, старикъ застрялъ въ дверяхъ и ни за что не хотѣлъ уходить.

— Ахъ, вы, ироды, черти! Толстосумы проклятые! — кричалъ онъ, яростно вращая бѣлками.

— Бери его! Уводи! Чего онъ тутъ оретъ! — потребовалъ приказчикъ отъ городового.

— Что-же, Семеновъ, придется вести тебя въ участокъ!—уныло замѣтилъ городовой, приготавливаясь взять старика за шиворотъ.

— Въ участокъ?—воскликнулъ старикъ,—сдѣлай милость! Ха! Въ участокъ! Сколько вашей душѣ угодно. А вы ироды, фармазоны! Мошенники!

— Ну, ну, Семеновъ, пойдемъ ужь!—сказалъ городовой, рѣшительно выталкивая старика на улицу.

— И пойду! Ишь, испугалъ! Слава, тебѣ Господи, не привыкать стать! Веди, веди! А вы мошенники, мазурики!..

Городовой передалъ старика дворнику и вернулся на свой постъ, обтирая бѣлыя перчатки. Дворникъ, калякая самымъ дружелюбнымъ образомъ, повелъ Семенова въ участокъ.

— За что вы съ нимъ такъ жестоко поступили? Вѣдь, онъ, все-таки, отставной сол-

датъ! — обратились мы съ укоромъ къ приказчику.

— Онъ-то? Семеновъ? Помилуйте, да онъ никогда солдатомъ не былъ!—съ презрѣніемъ отвѣчалъ приказчикъ,—у него только видимость такая, что, какъ-будто, изъ солдатъ... Многіе изъ публики даже ошибаются. А онъ купецъ.

— Какъ? Купецъ?

— Да былъ, по крайности, купцомъ! Суровскій магазинъ у него былъ, и дѣлишки шли не то чтобы худо, да распьянствовался, опустился, ну и ходитъ теперь милостыню собираетъ. Оно-бы что, отчего и не подать бѣдному человѣку, а только человѣкъ-то онъ какъ есть дрянь. Ругатель такой, — страсть. Ты ему подашь, а онъ-же тебя облаетъ. Одно слово — дерзновенный человѣкъ! Вамъ табачку-съ? Какого прикажете?

На другой день „дерзновенный человѣкъ", какъ ни въ чемъ не бывало, даже, какъ намъ показалось, въ весьма пріятномъ расположеніи духа, прогуливался около кабака, заломивъ самымъ воинственнымъ образомъ шапку и, по временамъ, выкидывая артикулы своей толстой палкой.

Увидя насъ, онъ подмигнулъ самымъ дружелюбнымъ образомъ какъ давнишнему знакомому, снялъ шапку и, принявъ величественную осанку, произнесъ:

— Соблаговолите на похмѣлье, ваше благородіе!

Волны.

„Бау!“...

Слышите этотъ пушечный выстрѣлъ? Западный вѣтеръ разгулялся и носится какъ бѣшеный по улицамъ города, колебля пламя газовыхъ фонарей, грохоча вывѣсками, стуча дверьми подъѣздовъ, трепля полы одѣяній немногочисленныхъ пѣшеходовъ и срывая шляпки съ дамъ. Онъ реветъ, воетъ, визжитъ на каждомъ перекресткѣ, въ каждомъ переулкѣ, забирается подъ ворота домовъ, въ слуховыя окна, въ печныя трубы и тамъ заводитъ свои нескончаемыя рулады. Но и сквозь этотъ вой и ревъ вы слышите повторяющееся съ небольшими промежутками отчетливое и рѣзкое „бау!“

Кому изъ петербуржцевъ не извѣстно, что означаютъ эти пушечные выстрѣлы? Кто не знаетъ, что ими предупреждаются отъ опасности наводненія жители идиллической Гавани, всѣ эти маленькіе обитатели маленькихъ домишекъ съ окружающими ихъ маленькими палисадниками?

Услышавъ роковые выстрѣлы, сенатскіе и всякіе другіе мелкіе чиновники, — всѣхъ охотнѣе населяющіе „берегъ моря“ — блѣднѣютъ за своими столами и торопятся какъ можно скорѣе улизнуть изъ департамента. Дорогою въ конкѣ, вмѣсто обычныхъ представленій дымящихся щей или ухи изъ окуней и сочнаго куска говядины, ихъ вообра-

женіе занято картинами самаго ужасающаго свойства: имъ чудится разъяренная стихія съ дикимъ упорствомъ звѣря кидающаяся на дома, слышится трескъ рушащихся балокъ, отдираемыхъ досокъ, стоны и вопли бѣгущихъ чадъ и домочадцевъ. Они морщатся, ежатся, безпрестанно поглядываютъ впередъ и спрашиваютъ кондуктора, угрюмаго малаго съ табачнымъ носомъ а подвязанною ситцевымъ платкомъ щекой.

— Много залито? До которыхъ мѣстъ дошла вода? Не слышно-ли о какомъ не счастіи?

Кондукторъ апатично утираетъ носъ при помощи двухъ пальцевъ и, смотря свинцовымъ взглядомъ въ пространство, отвѣчаетъ:

— А кто ее знаетъ! Не видалъ.

А между тѣмъ конка, хотя и медленно, но все-таки подвигается впередъ, достигаетъ Покровской площади, и тотъ-же кондукторъ, тѣмъ-же хладнокровнымъ тономъ, объявляетъ:

— Господа, извольте выходить! Дальше не пойдетъ.

Публика, сидящая въ вагонѣ, обнаруживаетъ высочайшую степень волненія. Старичокъ, отставной унтеръ-офицеръ съ нашивками и въ медаляхъ, изъ коихъ нѣкоторыя величиною съ рѣпу, бормочетъ ругательства и, потрясая костылемъ, выползаетъ первый; за нимъ, крестясь и охая, смертельно испуганная тащится старушонка въ чепцѣ и съ ридикюлемъ, потомъ вылѣзаетъ толстый, весь

въ испаринѣ отъ волненія купецъ, но всѣхъ ихъ опережаютъ два быстроногихъ „титулярныхъ“ съ портфелями изъ синей папки въ рукахъ.

Боже мой, какой видъ! Вода плещется и заливаетъ рельсы конки, улицу и всѣ идущіе отъ нея переулки. На далекое пространство видна вода и вода! Она залила огороды и сады, опоясала дома и превратила Гавань въ настоящую Венецію. Для довершенія иллюзіи явился и гондольеръ со своей гондолой. Это молодой парень изъ мелочной лавочки въ рваной ситцевой рубахѣ, сквозь которую видны части тѣла, безъ шапки, стоящій въ безобразной кривобокой лодкѣ и, при посредствѣ лопаты, переправляющій желающихъ черезъ улицу, по которой струится мутная, съ мусоромъ и щепками на поверхности, рѣка.

Пользуясь услугами доморощеннаго гондольера, мы, вмѣстѣ съ пассажирами конки, благополучно достигаемъ другого берега *улицы* и, съ отважностью настоящихъ искателей приключеній углубляемся въ страну наводненій. Мы то идемъ по колеблющимся и хлябающимъ на водѣ мосткамъ, обѣими руками держа поля нашихъ шляпъ и, при каждомъ сильномъ порывѣ вѣтра, рискуя потерять равновѣсіе и низвергнуться въ пучину мутныхъ водъ, то карабкаемся по тонкимъ перекладинамъ загородки, то цѣпляемся на заборъ огорода, то перескакиваемъ гигантскими прыжками черезъ куртины какого-то сада. И вотъ, нако-

нецъ, мы на прибрежной части Гавани. Сваленный вѣтромъ и принявшій конусообразный видъ заборъ чьего-то дома служитъ для насъ единственной точкой опоры и наблюденія. Кругомъ—вода и въ ней оазисами, на подобіе болотныхъ кочекъ, жалкіе, покосившіеся домишки съ дырявыми, поросшими мхомъ крышами. А прямо темно-зеленыя съ бѣлыми гребешками волны взморья, которыя лѣзутъ другъ на дружку, тѣснятся, сталкиваются, падаютъ и снова подымаются, точно борятся между собой за право первой достигнуть берега.

Но вѣтеръ стихаетъ, и расходившіяся волны понемногу отступаютъ отъ береговой черты. Мы покидаемъ пріютившій насъ заборъ, спускаемся на мостовую, покрытую лужами, и начинаемъ обходъ вдоль берега. Чего, чего тутъ нѣтъ! Вмѣстѣ съ иломъ и гнилымъ чернымъ камышемъ, пригнаннымъ волнами съ моря, подобно трупамъ лежатъ балки, сваи, доски, валяются повсюду щепки, дрова и чернѣется остовъ разбитаго челна. Свирѣпаго вида старухи въ валеныхъ кацавейкахъ и высокихъ, мужицкихъ сапогахъ, босыя, грязныя ребятишки, цѣлая толпа ребятишекъ бродитъ по вязскому, нечистому берегу и съ жадностью бѣдняковъ оспариваютъ друга у друга добычу. А по взморью, въ челнахъ, не смотря на волненіе, уже шныряютъ какія-то фигуры съ баграми и ловятъ то, что волны унесли съ собою.

Отсырѣвшіе отъ дождя, подмытые водою, стоятъ и словно плачутъ жалкіе домишки гаваньскихъ обитателей. Мы проходимъ мимо одного, выстроеннаго фасадомъ къ морю. Передъ домикомъ въ пять оконъ раскинулся небольшой садъ. Смотрите, какъ онъ жалокъ, бѣдняжка! Всю ночь бушевали и хозяйничали здѣсь волны, онѣ подмыли палисадникъ изъ тонкихъ жердей и унесли его Богъ знаетъ куда. На куртинахъ, тщательно воздѣланныхъ трудолюбивой рукой хозяина или его дочери, гаваньской барышни, еще доцвѣтали, тѣша взглядъ, анютины глазки, левкой и настурцій—скромныя украшенія скромныхъ петербургскихъ садиковъ—но нахлынули волны, размылику ртины, вырвали съ корнемъ цвѣты, унесли ихъ вмѣстѣ со скамейкой, на которой, можетъ быть, въ тихіе часы вечерней зари отдыхалъ въ бухарскомъ халатикѣ хозяинъ, на которой, быть можетъ, въ лунныя ночи, не разъ сиживала гаваньская барышня и, вздыхая, мечтала о *немъ*. А *онъ*? Быть можеть и онъ не разъ подходилъ къ этому несуществующему теперь палисаднику и, робко кашлянувъ, заводилъ несмѣлую рѣчь:

— Здравствуйте, Агнія Павловна!

— Здравствуйте, Тихонъ Ивановичъ?

— Гм... Кхм!.. Павелъ Антонычъ дома?

— Поужанали съ мамашей,—собираются спать... А вы гуляете?

— Гм! Кхм! Да, хочу взять немного воздуха! Какъ ваше здоровье?

— Ничего, благодарю васъ.

— Помечтать вышли?

— Такъ... Погода хорошая!

— Чудесная погода! Не хотите-ли завтра покататься. Я у Антипова лодку возьму.

— Только не у него! Сохрани Богъ! Онъ такой насмѣшникъ! Возьмите лучше у Веревкина.

— У Веревкина лодка худая: кувыркается. А поѣдете?

— Поѣду! Только вы сестру Таню возьмите. Одна не поѣду.

— Хорошо! До свиданія Агнія Павловна!

— Прощайте!

Жестокія, злыя волны! Противный вѣтеръ! Теперь когда-то папаша соберется сдѣлать новую скамейку!

Но дальше, дальше! Вотъ еще одинъ домикъ съ садикомъ, но въ немъ такой хаосъ ила, щепы и досокъ, что достойно удивленія, какъ подъ напоромъ всего этого уцѣлѣлъ самый домъ. Стекла въ немъ выбиты и вѣтеръ-безстыдникъ спокойно разгуливаетъ по залѣ, колыхая занавѣсками и шурша отставшими отъ стѣнъ обоями. Заглянемъ внутрь. Ни души! Эхо пустыхъ комнатъ подхватываетъ нашъ крикъ и разноситъ по всему дому. Вся мебель, весь домашній скарбъ вывезены, вѣроятно, въ эту ночь, и не иначе, конечно, какъ въ лодкѣ: осталось только старенькое піанино и на немъ проломанная картонка

изъ-подъ дамской шляпы съ этикетомъ: „Модный магазинъ Пискарева“.

Мы обходимъ вокругъ домика и заглядываемъ во дворъ. Такъ и есть, вотъ и подтвержденіе нашей догадки: посерединѣ двора, на боку, лежитъ застрявшая лодка. Очевидно, утромъ хозяева квартиры пріѣхали на лодкѣ за піанино и какъ смѣлые, искусные мореплаватели ринулись въ ворота. Но, покуда возились съ кладью, вода спала, и мореплавателямъ пришлось вернуться пѣшкомъ и ни съ чѣмъ.

Однако, стоитъ стихнуть непогодѣ и, будьте увѣрены, все успокоится, все пойдетъ по старому. Покинутые дома населятся если не прежними, то новыми жильцами, забудутся страхи отъ ночныхъ выстрѣловъ и плеска разъяренныхъ волнъ, и люди, какъ птицы, на развалинахъ стараго пепелища, начнутъ вить новыя гнѣзда. Придетъ весна, зацвѣтутъ сирень и акаціи, въ скромныхъ гаваньскихъ садикахъ защелкаютъ варакушки и въ свѣтлыя, лѣтнія ночи ни одна гаваньская барыня, сидя въ саду, на солнышкѣ, будетъ мечтать о любви, о сочувствіи сердецъ, о счастіи съ *нимъ*, а молодые „титулярные“ бродить по улицамъ группами по нѣскольку человѣкъ и передавать другъ другу, конечно, на ушко, и понятно, „на честное слово“ разныя маленькія тайны о томъ, что видѣлъ гаваньскій круглолицый мѣсяцъ или слышала неугомонная ворчунья морская волна...

Пауки.

У Федосѣича въ каморкѣ, надъ изголовьемъ, завелся огромный, коричневый съ крапинками, паукъ. Въ часы досуга (что случается, обыкновенно, по вечерамъ), когда Федосѣичъ, снявши съ полки огромную, въ толстомъ кожаномъ переплетѣ, книгу, называемую „Спутникъ души“, присядетъ съ нею за старый, покрытый бѣлыми кружками отъ горячаго чая, ломберный столъ,—коричневый паукъ выступитъ изъ трещины обоевъ и, занявши свое обычное мѣсто въ углу, долго сидитъ неподвижно и смотритъ съ вышины на желтый, лишенный волосъ, черепъ старика.

„Охо-хо“!—тихонько вздыхаетъ Федосѣичъ, комментируя этимъ чтеніе толстой книги и шурша перевертываемой страницей.

Паутина колеблется и сидящій по самой серединѣ паукъ начинаетъ приходить въ движеніе: онъ или спустится на паутинкѣ на самую середину книги, какъ бы любопытствуя, о чемъ въ настоящую минуту поучаетъ „Спутникъ души“, или заботливо осмотритъ попавшую въ паутину муху, или просто закрѣпитъ, на всякій случай, еще однимъ лишнимъ узломъ свои тенета.

Федосѣичъ наблюдалъ за нимъ своими злыми, далеко ушедшими въ орбиты глазами...

„Заботливая штучка!“—думаетъ онъ,—„вотъ-вѣдь,—насѣкомое, тварь, а старается! Кольми паче долженъ стараться человѣкъ, поелику онъ есть тварь разумная и отъ Господа Бога всякими средствами ублаготворенная!“

И Федосѣичъ старается... Плоды его стараній здѣсь на лицо, въ его убогой каморкѣ, снабженной единственнымъ, никогда не мытымъ, запыленнымъ и загрязненнымъ окномъ. Они, эти плоды, лежатъ въ двухъ объемистыхъ, окованныхъ желѣзомъ сундукахъ и висятъ по стѣнамъ, въ вѣчномъ полумракѣ каморки, напоминая собою изсохшіе трупы удавленниковъ. Чего, чего только нѣтъ въ сундукахъ Федосѣича, чего только ни виситъ у него по стѣнамъ! И все разсортировано по степени годности къ употребленію, на всемъ значатся таинственные одному ему извѣстные, іероглифы Федосѣича. Вотъ растопырился, нѣкогда блестѣвшими, а нынѣ почернѣвшими погонами, мундиръ штабсъ-капитана Заливайко, а рядомъ съ нимъ чернѣется фракъ стараго оффиціанта изъ увеселительнаго заведенія „Ай, люли, малина“: дальше скромно прижалась къ уголку „спинжачная пара“ бутылочнаго цвѣта, сшитая подъ веселый часъ и заложенная передъ отправленіемъ въ больницу фабричнымъ гулякой, подлѣ, нѣмымъ свидѣтелемъ нужды и отчаянія, виситъ черное кашемировое платье вдовы чиновника Перепелкина. Есть тутъ коллекція дѣтскихъ шубеекъ и салопчиковъ,

коллекція шляпъ, начиная съ треугольника со страусовыми перьями и кончая измызганнымъ, порыжѣлымъ котелкомъ, коллекція сваленныхъ на полъ въ кучу сапогъ, ботинокъ, галошъ, осташей и даже валенокъ...

Федосѣичъ всему знаетъ цѣну и всему ведетъ счетъ; безъ всякихъ записей и „бухгалтерій“ онъ помнитъ отлично, сколько за что было дадено и сколько причитается росту. Никуда онъ не выходитъ, не суетится, не торопится, а только сидитъ въ своей коморкѣ, какъ коричневый паукъ въ тенетахъ,— роется въ хламѣ, сортируетъ хламъ, бормочетъ что-то себѣ подъ носъ, да на-досугѣ читаетъ „Спутника души“ и ждетъ...

— Федосѣичъ, нельзя-ли пожалуйста... на недѣльку всего!,.

Старикъ поднимаетъ свои, подобно моху, густыя, клочковатыя брови и вперяетъ острый взглядъ злыхъ глазъ на миловидную фигуру горничной.

— Покажи!—говоритъ онъ.

Дѣвушка подаетъ коробку изъ-подъ пилюль, а въ ней заключенную въ комокъ ваты пару серегъ. Федосѣичъ вынимаетъ серьги и приближаетъ ихъ къ свѣту. И коричневому пауку тоже интересно посмотрѣть; онъ спустился изъ засады, виситъ на уровнѣ черепа старика и смотритъ на блестящій предметъ своими невидимыми восемью глазами. Словно таинственное, безмолвное совѣщаніе происходитъ между обоими.

— Ну, сколько-же тебѣ? Сорокъ копѣекъ хочешь?—спрашиваетъ Федосѣичъ.

— Помилуйте, что вы! Какъ можно сорокъ копѣекъ!—возмущается дѣвушка,—за этакую-то вещь!..

Старикъ молча возвращаетъ коробку.

— Дайте хоть рубль!

— Въ продажѣ не больше стоютъ. Потому бронзовыя, вызолочены!

— Неправда, онѣ серебряныя! Вотъ и проба!

— Ну, ну „проба"! Ишь, ты тоже! Пробу нашла. Такъ и быть—гривенничекъ накину, и то по знакомству!

— Давайте! — со вздохомъ говоритъ дѣвушка.

Старикъ беретъ серьги, осматриваетъ ихъ еще разъ, потомъ прячетъ и, вытащивъ кошелекъ, отсчитываетъ ссуду мѣдяками.

— Пять... девять... да шесть — пятнадцать!—бормочетъ онъ,—на что вамъ деньги, молодежи... восемнадцать... все равно своему любезному... двадцать семь... отдашь, а онъ ихъ пропьетъ... тридцать девять... и тебя же поколотитъ пьяный... сорокъ... эхъ глупыя вы, глупыя! Пятьдесятъ! Получай!

А коричневый паукъ уже опуталъ попавшую въ паутину муху и та жужжитъ жалобно и долго. Федосѣичъ съ наслажденіемъ прислушивается къ этимъ звукамъ. „Ишь, тварь, старается"!—думаетъ онъ, выпроваживая дѣвушку и садясь за прерванное чтеніе „Спутника". Все тише, все слабѣе жужжитъ

муха, а вотъ и совсѣмъ затихла... Конечно. „Не забывай, о человѣче, что жизнь наша есть краткое мгновеніе и употребляй оное съ пользою для себя“.

Опять кто-то вошелъ. Федосѣичъ отрывается отъ книги; передъ нимъ выростаетъ фигура рабочаго. Онъ худъ какъ скелетъ и желтъ какъ шафранъ; ето трясетъ лихорадка.

— Федосѣичъ!- лепечетъ рабочій,—будь благодѣтель,—дай мнѣ сапоги... Ей Богу не въ чемъ на работу выйти! Гляди-косы!

Рабочій поднимаетъ ногу и показываетъ облипшую грязью голую ступню.

— Ступай, ступай!—отвѣчаетъ Федосѣичъ, отворачиваясь,—денегъ не принесъ, ну, и нечего проѣдаться. Много васъ тутъ!

— Федосѣичъ, будь милостивъ! Заработаю—отдамъ!

— Слышали мы! Приходи завтра!

— Есть-ли у тебя крестъ на шеѣ!

— Крестъ?—порывается къ нему Федосѣичъ; ты мнѣ о крестѣ не говори,—слышишь, что ты мнѣ крестомъ тычешь? Вотъ денегъ давай, а вы приходите, да буянить начинаете? Какіе такіе твои сапоги? Нѣтъ уменя твоихъ сапогъ! Не бралъ я ихъ!

— Не бралъ!

— Не бралъ! Докажи! Какія такія твои доказательства? Ну? Что взялъ? Ступай-ко отколѣ пришелъ!

—Чортъ-же съ тобой, песъ ты этакой! Подавись моими сапогами! На гробъ, да на свѣчку!

Рабочій съ силой захлопываетъ за собою дверь. Но она тотчасъ-же тихонько отворяется и въ каморку входитъ блѣдная, бѣдно одѣтая, женщина среднихъ лѣтъ.

— Что скажете?—грубо спрашиваетъ ее Федосѣичъ.

— Я проценты хочу внести... Не пропало мое платье?—спрашиваетъ женщина, обводя взглядомъ каморку.

— Нѣтъ, нѣтъ не пропало — смягчается Федосѣичъ,—зачѣмъ ему пропадать, вашему платью,—что вы! У меня ничто не пропадаетъ! Вотъ видите, сколько вещей! Всѣ сберегаются!.. Такъ-то! Процентики вносите? Прекрасно!.. За два мѣсяца шесть гривенъ съ васъ! Пожалуйте.

— Что-то больно много!.. Какъ-же это такъ?—въ смущеніи бормочетъ вдова Перепелкина,—я считаю два мѣсяца безъ четырехъ дней... И потомъ какъ же это шесть гривенъ? По скольку-же вы берете?

— Помилуйте! Вамъ извѣстно! Вещь заложена была за три рубля, ну тридцать копѣечекъ въ мѣсяцъ. А что до второго мѣсяца четырехъ дней не дошло, такъ это что-же, совсѣмъ пустякъ. Вѣдь, не выкупать пришли. Вещь-то остается, такъ мы съ вами потомъ сочтемся!

— Такъ какъ-же мнѣ дѣлать? У меня вотъ сорокъ копѣекъ, послѣднія!

— Ну, пожалуйте хоть сорокъ копѣекъ! Все равно выкупать станете,—доплатите. Такъ

и быть, ужъ я для васъ снисхожденіе сдѣлаю!

Федосѣичъ беретъ протянутые ему два двугривенныхъ, которые моментально исчезаютъ у него неизвѣстно куда и затѣмъ изъ особаго уваженія къ кліенткѣ, провожаетъ ее до дверей.

Время бѣжитъ. Наступаетъ пора пить чай и ложиться спать. Федосѣичъ беретъ жестяной чайникъ, запираетъ каморку, бѣжитъ въ трактиръ и, заваривши чай, пьетъ его въ своей каморкѣ въ прикуску, съ кусками чернаго хлѣба. Затѣмъ, помолившись на икону, ложится на койку, предварительно сунувъ подъ изголовье „припасъ", т.-е. по-просту трехфунтовую ржавую гирю на грязномъ обрывкѣ веревки.

Какіе сны снятся Федосѣичу? Какіе сны могутъ сниться коричневому пауку?

Но вотъ, однажды, въ глухую ночь, двое молодцовъ изъ недавнихъ кліентовъ Федосѣича, при посредствѣ листа бумаги и патоки, вырѣзываютъ стекло въ единственномъ оконцѣ каморки и являются свести старые счеты.

— Кто тамъ?—хрипитъ внезапно проснувшійся Федосѣичъ и тянется рукою подъ подушку. Темная фигура бросается на него и начинаетъ душить. Старикъ борется изъ всѣхъ силъ. Ржавая гиря хлопаетъ по плечамъ и рукамъ нападающаго.

— Васька, помоги!—шепчетъ тотъ.

Другая фигура, бывшая на-сторожѣ, опрокинувъ стулъ, бросается къ старику.

Тотъ хочетъ кричать, но сильная, мозолистая рука, пахнущая лукомъ, зажимаетъ ему и ротъ, и носъ за одно, а другая рука сдавливаетъ горло.

— Скажу, скажу!.. — Подъ койкой, подъ половицей въ горшкѣ! кричитъ изо всѣхъ силъ Федосѣичъ, но его не слышно вовсе.

— Ишь, ты, дьяволъ! Вонъ онъ чѣмъ!— спохватывается одна темная фигура, нащупавъ гирю,—такъ вотъ тебѣ! Песъ!..

Черезъ нѣсколько дней происходитъ очистка каморки старика. Вещи всѣ вывезены, столъ и койка вынесены, обои ободраны и молодой парень отбиваетъ штукатурку. Огромный коричневый паукъ изъ угла смотритъ на него, какъ-бы съ нѣкоторымъ удивленіемъ: „зачѣмъ, дескать, онъ это все дѣлаетъ? Такъ все было хорошо и пріятно, и вдругъ нако-сь Чудаки, право, люди! Однако, не убраться-ли мнѣ куда-нибудь подальше?“

Но парень уже замѣтилъ его, подставилъ лѣстницу и все приближается. Вотъ ужъ онъ совсѣмъ близко, вотъ паукъ и человѣкъ смотрятъ другъ на друга, затѣмъ мгновеніе, — и коричневый паукъ мертвымъ падаетъ на полъ...

Трактирчикъ.

Твердо придерживаясь мудрѣйшаго изъ мудрѣйшихъ изрѣченій, что „не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ—мѣсто“, просимъ

благосклоннаго читателя зайти вмѣстѣ съ нами въ одинъ изъ тѣхъ простенькихъ трактировъ, красныя съ золотомъ вывѣски которыхъ съ названіями: Венеція, Палермо, Дунай, Лиссабонъ, Отрада и проч. служатъ несомнѣннымъ украшеніемъ и указаніемъ на нѣкоторую культурность тѣхъ заповѣдныхъ странъ Петербурга, — обитаемыхъ извозчиками, фабричными и просто рабочими, — въ которыхъ, по немощенымъ улицамъ, безпрепятственно бродятъ свиньи и тонутъ экипажи смѣльчаковъ, рискнувшихъ предпринять такое небезопасное путешествіе. Войдемте въ „Отраду",—почтенное заведеніе съ красными кумачевыми занавѣсками на всѣхъ двѣнадцати окнахъ—выходящихъ на двѣ улицы. Едва дверь на тугомъ блокѣ успѣетъ податься вашимъ усиліямъ, какъ васъ уже обдалъ цѣлый клубъ трактирнаго пара съ примѣсью специфическихъ запаховъ перегорѣлой водки, махорки, кислыхъ щей и постнаго масла. Если вы носите очки,—совѣтуемъ вамъ снять ихъ заблаговременно на улицѣ, иначе вы рискуете долгое время изображать изъ себя слѣпого и натыкаться на стулья, столы, половыхъ и посѣтителей, пока, наконецъ, не прозрѣете и не увидите благообразную фигуру за буфетомъ безъ пиджака, въ одномъ жилетѣ, съ карандашомъ за ухомъ, и съ машинкою, которою эта фигура колола сахаръ, въ рукахъ.

— Чайку? — ласково спроситъ буфетчикъ

(такъ какъ это и есть фигура въ жилетѣ) и крикнетъ куда-то въ сторону—Иванъ!

Иванъ,—это типъ трактирнаго слуги низшаго калибра. Лицо и фигура его — совершенно неопредѣленныя,—неотъемлемое свойство всѣхъ такихъ слугъ. Вы никогда не догадаетесь: молодъ онъ или старъ, некрасивъ или благообразенъ, худъ или толстъ? Ни то, ни другое, ни третье... Онъ, именно, *въ пропорцію* трактирный слуга, съ вѣчно заспаннымъ, какъ у всѣхъ трактирныхъ слугъ, — лицомъ, бѣлобрысый въ веснушкахъ, съ грязными руками, съ протертыми локтями замасленнаго сюртука и такими-же колѣнками неопредѣленнаго цвѣта панталонъ.

— Чайк-ю-съ? — небрежно броситъ онъ вамъ, глядя черезъ вашу голову въ окно, и необычайно заинтересовываясь сценою травли свиньи собаченками. Черезъ минуту онъ приноситъ вамъ подносъ съ чайнымъ приборомъ въ видѣ двухъ чайниковъ, — одного маленькаго, другого побольше, съ расписанными на нихъ небывалыми цвѣтами, стаканъ съ блюдцемъ и три-четыре кусочка сахару. Сидите, пейте чай и наблюдайте. Вотъ за сосѣднимъ столикомъ усѣлись двѣ бороды лопатой и усиленно истребляютъ капорскій напитокъ, наливая его въ блюдечки и прихлебывая съ какимъ-то особеннымъ, сладострастнымъ причмокиваньемъ; вотъ одинокій субъектъ изъ породы столичныхъ забулдыгъ расположился за графинчикомъ водки и бутербродами съ

тешкой, безпрестанно взываетъ къ Ивану, мирно дремлющему въ уютномъ уголкѣ за органомъ,—и каждый разъ приводитъ Ивана въ содроганіе повелительнымъ:

— Эй, послушай!

— Что угодно?—подбѣгаетъ слуга.

— Орфей въ аду!

Но только-что всунутый въ органъ валъ свистя, хрипя и стеня успѣваетъ кончить ка' кую-то нескладицу, долженствующую изображать „Орфея въ аду", только-что Иванъ успѣетъ вздремнуть и глубоко клюнуть носомъ, какъ снова раздается окликъ забулдыги:

— Эй, послушай!

Иванъ уже не подбѣгаетъ къ гостю, а идетъ къ углу, гдѣ стоятъ валы, и въ видѣ напутствія, слышитъ:

— Периколлу!

„Тр-р-р-рали тали—тамъ-та, тр-р-р..."

Стопъ! Валъ зацѣпился и „Периколла" остановилась на дикомъ завываніи трубы. Заспанный Иванъ, въ обязанности котораго, между прочимъ, входитъ и музыкальная часть „съ починкой", моментально устремляется къ органу, съ ожесточеніемъ вытаскиваетъ изъ его темныхъ нѣдръ сблудившій валъ, вертитъ его, осматриваетъ, чѣмъ-то постукиваетъ, чѣмъ-то подмазываетъ, что-то винтитъ и вертитъ что-то, растопыривъ ноги, и бѣдная „Периколла" благополучно приходитъ къ концу своихъ романическихъ приключеній.

— „Турецкій дозоръ!"

За „Турецкимъ дозоромъ“,—не смотря на всю шумную воинственность этого марша, несмотря на оглушительную трескотню барабановъ, свирѣпое завыванье трубъ и удивительныя трели флейтъ,—неугомонный забулдыга мирно засыпаетъ за своимъ столомъ съ недоѣденнымъ бутербродомъ въ рукѣ. Нѣкоторое время Иванъ тоже спитъ въ своемъ углу за органомъ и, какъ бы не желая уступить въ храпѣніи пальму первенства гостю, устраиваетъ съ нимъ нѣкотораго рода состязаніе, кончающееся, однако, тѣмъ, что при появленіи новыхъ посѣтителей, Иванъ внезапно вскакиваетъ изъ угла, и, потягиваясь, спрашиваетъ:

— Чай-кю-съ?

Ихъ трое, этихъ новыхъ гостей, если принимать въ разсчетъ, какъ цѣльнаго человѣка, третьяго,—вихрастаго мальчика лѣтъ одинадцати въ крытомъ полушубкѣ и валеныхъ сапогахъ. Мальчика ведетъ за руку мужикъ въ синей сибиркѣ, изъ типа зажиточныхъ, а впереди мужика шествуетъ невзрачный субъектъ въ легкомъ пальто и котелкѣ, который онъ не безъ нѣкотораго кокества водружаетъ на столъ.

— Водочки, можетъ, желаете? — подобострастнымъ тономъ спрашиваетъ у субъекта мужикъ.

— Водки?—задумывается субъектъ, — гм! Да, пожалуй... графинчикъ.

— Малый! — обращается мужикъ къ Ивану,—нельзя-ли намъ водочки...

— Графинчикъ! Можно! — снисходительно соглашается Иванъ,—а закусить что?

— Огурчиковъ солоненькихъ? — вопрошаетъ, въ свою очередь, мужикъ, глядя на субъекта.

— Гм! Да, пожалуй! Осетрина есть? — спрашиваетъ тотъ у Ивана.

— Есть. Подать?

— Подай!

Компанія усаживается за столъ. Вихрастый мальчикъ устремляетъ все свое вниманіе на органъ, возвышающійся въ видѣ какого-то саркофага въ углу. Между мужикомъ и субъектомъ начинается бесѣда.

— Такъ какъ-же, Петръ Киріановичъ? — вопрошаетъ первый,—дѣло-то... то есть, мое?

— Да такъ! Какъ сказалъ! — отвѣчаетъ субъектъ,—завтра я его сведу и шабашъ!

— На шесть лѣтъ?

— На шесть или на восемь, — сказать не могу. Потомъ будетъ видно! Окажется мальчикъ способнымъ,— черезъ шесть лѣтъ приказчикъ, не окажется...

— Какъ не оказаться? Окажется! Онъ у меня шустрый; Васька—то-ись! Прикушайте.

Мужикъ наливаетъ водку субъекту и обращается къ вихрастому мальчику:

— Ты у меня смотри, Васька! Старайся!.. Хозяину потрафляй и примѣчай, какъ оно... того...

— Да-да! Хозяина слушаться надо!—подкрѣпляетъ внушеніемъ субъектъ и, опрокинувъ въ ротъ рюмку, закусываетъ осетриной,—хозяинъ... ты понимаешь, что есть такое хозяинъ?..

Вихрастый мальчикъ молчитъ, упорно глядя подъ столъ.

— Хозяинъ... значитъ... того...—пробуетъ разъяснить мужикъ, но путается и также глядитъ подъ столъ.

— Хозяинъ—есть первое лицо!—вдохновленный рюмкой водки импровизируетъ субъектъ,—второе лицо (обращеніе къ графинчику и вторая рюмка) есть хозяйка! Третье лицо — главный приказчикъ! (Основательная проба осетрины).

— Слушай, Васька, слушай! Петръ Киріанычъ добру учитъ!—внушаетъ мужикъ.

— ... четвертое лицо... ну, въ этомъ, положимъ, нѣтъ надобности, а все-таки...

— Кушайте, Петръ Киріанычъ, кушайте!—пробуетъ вдохновить субъекта мужикъ и наливаетъ новую рюмку.

— А пуще всего будь услужливъ и ласковъ!—говоритъ субъектъ, принимая рюмку,—не груби, не фыркай, деревенскія свои привычки брось!

Субъектъ опрокидываетъ рюмку въ ротъ и тянется къ осетринѣ.

— Эй, послуш... эй! „Дунайскія волны“!

— „Дунайскихъ волнъ“ нѣтъ.

— Пок-кажи прейскурантъ... „Тигренка“!

Органъ играетъ. Вихрастый мальчикъ, въ восхищенiи, весь обращается въ слухъ.

— Куда пошлютъ, по улицамъ не лытай, въ окна не заглядывайся, съ мальчишками не связывайся, а бѣги, что есть мочи!—поучаетъ субъектъ.

— Слушай, Васька, слушай! — взываетъ мужикъ.

— На чай нѣкоторые господа даютъ, — копи!

— Копи, Васька, копи! — подтверждаетъ мужикъ.

— Не транжирь зря, не балуйся, гостинцевъ не покупай...

— Не покупай!—какъ эхо повторяетъ мужикъ.

— И выйдетъ изъ тебя хорошiй приказчикъ, оборотистый, ловкiй! Съумѣешь и хозяину быть полезнымъ, и себѣ...

— И себѣ! Слышишь, Васька!

— Въ нашемъ дѣлѣ приказчикъ, который поумнѣе, можетъ хорошiй доходъ имѣть!

— А? Скажи на милость! — удивляется мужикъ,—слышишь, Васька?

— Наше дѣло мелкое, розничное!.. За всѣмъ хозяину не углядѣть...

— Не углядѣть! Какъ можно углядѣть!— соглашается крутя головой мужикъ,—этакое дѣло, спаси Господи!

— Только дѣло нужно вести умѣючи! Рубль хозяину — гривеникъ себѣ. Гривенич-

ковъ-то этихъ наклюешься, — будешь доволенъ! Ничего!

— Такъ, такъ! Хе, хе! Еще-бы... Оно, конечно! Слушай, Васька, слушай... Малый, еще графинчикъ!

— Да хоть про себя сказать! — внезапно вдохновляется субъектъ при видѣ новаго графинчика, — я... да если-бы я себя, какъ слѣдуетъ въ порядкѣ содержалъ, такъ я-бы давно самъ хозяиномъ былъ, а не то что... (Презрительный жестъ къ самому себѣ). Слабъ... вотъ моя бѣда!.. Слабъ!.. Эхъ, вспомнишь, бывало, чего, чего не было!.. Лавочку закроешь,—въ Пассажъ, оттуда въ трактиръ, оттуда...

— Такъ, такъ! Слушай, Васька, слушай!

— Ну, ужъ тутъ нечего слушать! Было дѣло подъ Полтавой! Было и быльемъ поросло! Эхъ! Человѣкъ!

— Что прикажете?

— „Прекрасную Елену„!.. Смерть люблю!.. Старину вспомнить!..

Органъ затягиваетъ „Прекрасную Елену“. Субъектъ сидитъ, облокотившись на столъ, мрачно смотритъ внизъ и икаетъ. По временамъ правая рука приподнимается и помахиваетъ въ тактъ музыки. Мужикъ, разиня ротъ, смотритъ на органъ и удивляется, какъ это ловко устроено, что въ шкафу музыка играетъ. Подико-сь, никто не вертитъ, а играетъ!—И барабанъ, все какъ по порядку полагается! Мальчикъ также таращитъ на

шкафъ слипающіеся глаза... Иванъ храпитъ въ своемъ углу.

— Кот-то-рый былъ... м-ма-имъ пап-ппашей! — затягиваетъ субъектъ козлинымъ голосомъ, обрываетъ и еще ниже опускаетъ голову.

— Ну, я пойду! — говоритъ онъ черезъ нѣсколько минутъ, вперяя въ мужика мутный взглядъ,—а ты... того... веди завтра сына въ девять, слышишь, въ де-вять!..

— Спасибо, спасибо, Петръ Киріанычъ!.. Кормилецъ!

— А про меня ни гу-гу! Чтобы онъ и не зналъ! А не то все дѣло пропало!.. Прощай!..

Субъектъ уходитъ, пошатываясь. Мужикъ расплачивается и также уходитъ съ запроданнымъ вихрастымъ Васькой. Остаются неугомонный забулдыга и Иванъ, которые снова принимаются за прерванный дуэтъ. Органъ молчитъ. Лампы горятъ тусклымъ, красноватымъ свѣтомъ. Откуда-то проникаетъ чадъ отъ подгорѣлаго масла и чуть доносится тресканье билліардныхъ шаровъ...

Мымра.

Ему уже двѣнадцать лѣтъ, но онъ такъ малъ ростомъ, такъ тщедушенъ, что, на видъ, ему нельзя дать болѣе десяти. Лицо его, — круглое какъ рѣпа,—носитъ на себѣ вѣчно

кисло-сладкое выраженіе, словно этого мальчика только-что сейчасъ побили, ему больно, а онъ все-таки хочетъ разсмѣяться. На круглой, гладко остриженной головѣ, подобно пучку выжженой солнцемъ травы,—торчитъ вихоръ. Глаза тусклы, апатичны и неподвижны; да и все тѣльце его, маленькое, сутуловатое, съ коротенькими, словно неумѣло приклеенными ногами, — носитъ отпечатокъ упорной, постоянной неподвижности. Въ классѣ онъ сидитъ на задней скамейкѣ, низко склонивъ голову надъ партой и исподлобья поглядывая на товарищей и учителя. Въ перемѣны между уроками онъ медленно слоняется по рекреаціонной залѣ, заложивъ за спину маленькія, пухленькія ручки. Иногда, впрочемъ, классный наставникъ ловитъ его на преступномъ дѣяніи: онъ или ковыряетъ въ стѣнѣ штукатурку, сохраняя на лицѣ выраженіе серьезной сосредоточенности, или давитъ на стеклѣ мухъ съ видомъ человѣка, исполняющаго свои обязанности.

Фамилія его—Петровъ, но товарищи дали ему кличку „Мымра", и онъ нисколько не обижается за это на нихъ, а покорно несетъ свое прозвище. Мымра такъ мымра,—не все ли равно? Есть что-то философски-спокойное въ этомъ странномъ ребенкѣ; его старообразная физіономія, вялость движеній, недѣтская сосредоточенность, нелюбовь къ играмъ — все дѣлаетъ его похожимъ на какого-то гнома. Къ довершенію сходства го-

ворить онъ грубымъ голосомъ и немного въ носъ.

Учится онъ въ теченіе года прескверно, но на репетиціяхъ отвѣчаетъ на пятерки.

Входитъ въ классъ строгій учитель географіи. Всѣ ученики "подбираются". Кто запускалъ товарищу „гусара" въ ухо — бросаетъ свою затѣю и превращается въ благонравнаго мальчика; кто жевалъ „клячку" (любимое, хотя совершенно непонятное занятіе школьниковъ) прячетъ эту дрянь въ ящикъ и вынимаетъ книгу, кто сидѣлъ развалясь — принимаетъ благопристойную позу. Одинъ мымра, какъ сидѣлъ, положивъ локти на парту и уткнувъ между ними остриженную голову—такъ и остался сидѣть, и когда всѣ при входѣ учителя встаютъ, онъ чуть-чуть приподнимется на полъ-корпуса и снова впадаетъ въ свое лѣниво-дремотное состояніе.

— Петровъ, какія главныя рѣки Франціи?

— Не знаю,— гнуситъ „мымра".

— Не знаете? Единица!

— Господинъ учитель, — гнуситъ „мымра",—пожалуйста, не ставьте единицы!

— Но, вѣдь, вы не знаете?

— Не знаю! откровенно сознается „мымра".

— Такъ какъ-же вамъ не поставить единицы, когда вы не знаете?

— Я сегодня уже получилъ четыре единицы, это будетъ пятая! Не хочу больше!

Такое искреннее сознаніе обезкуражитъ

хоть кого. Учитель ставитъ „нотабену“ и обѣщается непремѣнно спросить „мымру“ въ слѣдующій разъ.

— Хорошо! — соглашается „мымра“.

— Всѣ-ли купили грамматику? — спрашиваетъ у класса учитель латинскаго языка.

Оказывается, что всѣ, за исключеніемъ „мымры“, и въ то время, когда „выскочки“ — изъ тѣхъ прилизанныхъ и благонравныхъ учениковъ, которыхъ въ послѣднее время становится все больше и больше, — „выскакиваютъ“ со своими новенькими, въ прекрасныхъ переплетахъ, купленными у Вольфа грамматиками и назойливо тычутъ ими въ глаза учителю, — „мымра“ сидитъ себѣ спокойно и съ философскимъ выраженіемъ кислой физіономіи, при посредствѣ перочиннаго ножа, изслѣдуетъ породу дерева, изъ котораго сдѣлана скамейка.

— Петровъ, вы купили грамматику?

— Нѣтъ, не купилъ! — отвѣчаетъ „мымра“.

— Отчего? — грозно вопрошаетъ учитель.

— Мама папѣ денегъ не дала! — просто отвѣчаетъ „мымра“.

„Выскочки“ хохочутъ и весь классъ хохочетъ, но „мымрѣ“ рѣшительно все равно. Отрапортовавши какъ было дѣло и думая, что его роль кончена, онъ преспокойно усаживается на свое мѣсто.

— Петровъ, — спрашиваетъ классный наставникъ, — отчего вы вчера не были въ классѣ?

— Боленъ былъ!—отвѣчаетъ „мымра".

— Но вы знаете правило? Нужно было принести записку родителей.

— А кто будетъ писать?—наивно спрашиваетъ „мымра".

— Вашъ отецъ!

— Папы дома не было.

— Тогда пусть-бы написала ваша мать!

— Мама писать не умѣетъ!—съ тѣмъ-же наивнымъ спокойствіемъ отвѣчаетъ „мымра".

Въ сущности, ему нѣтъ никакого дѣла до правилъ и порядковъ училища, потому что онъ живетъ какой-то своей собственной, обособленной жизнью. Захотѣлось ему спать и вотъ онъ заснулъ, да такъ крѣпко, что даже захрапѣлъ на весь классъ. Его толкаютъ, будятъ. Онъ просыпается и мутными глазами обводитъ сгруппировавшіяся вокругъ него лица. Пораженное столь необычайнымъ событіемъ, начальство убѣждено, что у „мымры" модная болѣзнь—инфлуэнца, и препровождаетъ его со сторожемъ на извощикѣ домой. На другой день „мымра„ какъ ни въ чемъ ни бывало, является въ классъ, мало того,—должно быть, отдохнувши и собравшись съ силами,—выучилъ и твердо знаетъ всѣ уроки. Но такъ какъ всѣ на него смотрятъ какъ на какого-то зачумленнаго, то съ половины дня ему приказываютъ идти домой. „Мымра" покорно собираетъ книги и уходитъ, но на слѣдующій день является снова, причемъ

оказывается, что все, заданное на этотъ день,—онъ знаетъ превосходно.

Такъ, по немногу, не торопясь, то падая, то поднимаясь на термометрѣ знанiй, плетется „мымра“ изъ класса въ классъ и доплетается до выпускного, сохраняя, не смотря на юношескiй возврастъ, всѣ свои характерныя особенности, всю сущность своей оригинальной натуры. Никто къ нему не ходитъ, и онъ ни у кого не бываетъ. Что онъ дѣлаетъ, чѣмъ и какъ живетъ,—ничего неизвѣстно. Когда среди товарищей становится извѣстнымъ, что „мымра“ выбралъ профессiю медика,—никого это не удивляетъ, никого не заинтересовываетъ: ну, медикъ такъ медикъ, не все-ли равно, кѣмъ будетъ Петровъ? Онъ вездѣ останется той-же „мымрой“.

И вотъ птенцы, многiе годы шедшiе вмѣстѣ изъ класса въ классъ въ одномъ выводкѣ,—разлетаются во всѣ стороны и теряютъ изъ виду другъ друга. Кто сдѣлался чиновникомъ, кто адвокатомъ, кто учителемъ, кто сдѣлался ничѣмъ, но каждый сѣлъ на свою полочку и сидитъ на ней крѣпко, заботясь о томъ, чтобы другой не сѣлъ слишкомъ близко, чтобы не было тѣсно.

Одинъ „мымра“ сидитъ на просторѣ, и если-бы всѣ учителя, адвокаты, врачи захотѣли-бы отправиться слѣдомъ за „мымрой“, то и этотъ наплывъ нисколько не помѣшалъ-бы ему чувствовать себя, все-таки на просторѣ. Онъ сидитъ въ деревнѣ, работаетъ не

спѣша, спитъ когда хочетъ, лечитъ мужиковъ и бабъ какъ умѣетъ, за леченіе получаетъ натурой, въ видѣ куръ, гусей, яицъ, холста и проч. и, представляетъ собою завидный экземпляръ человѣчества для тѣхъ своихъ товарищей, которые должаютъ портнымъ и сапожникамъ и, въ погонѣ за гонорарнымъ рублемъ, изнываютъ отъ собственнаго безсилія и конкурренціи.

Тусклая жизнь.

Начинающій писатель сидѣлъ со своей возлюбленной въ меблированной комнатѣ, и *онъ* и *она* мечтали. Комната, какъ всѣ меблированныя комнаты, не представляла ничего поэтическаго. Тусклое, слезящееся окно смотрѣло въ заплѣсневѣлую стѣну сосѣдняго флигеля, тусклая, потертая мебель всѣми своими отслужившими долгую службу, суставами стремились къ покою, тусклое, облупившееся отъ сырости, зеркало отражало тусклыя, блѣдныя лица влюбленныхъ. А между тѣмъ, они мечтали! Она мечтала о счастьѣ взаимной любви, о жизни, полной увлекательной прелести, о свободѣ... Чудаки, они были еще такъ юны, такъ неопытны, только-что начинали жить.

— Разскажи мнѣ что-нибудь волшебное

чудесное, чего на свѣтѣ не бываетъ, но чему такъ иногда хочется вѣрить!—просила она.

Онъ слегка поморщился, медленно обвелъ глазами комнату и отвѣтилъ:

— Что-же я тебѣ разскажу?.. Гм! Это довольно трудно!

— Попробуй! Можетъ быть, выйдетъ.

— Гм! Ну, пожалуй... Слушай, жилъ на свѣтѣ одинъ молодой человѣкъ...

— Блондинъ?—спросила она, глядя на него.

— Пожалуй, блондинъ. Такъ вотъ. Жилъ онъ... какъ тебѣ сказать... довольно скверно. Заработокъ его... ахъ, да, я забылъ упомянуть, что онъ писалъ стихи... заработокъ его былъ такъ ничтоженъ...

— Понятно! Стихами нельзя жить!—согласилась она.

— ...такъ ничтоженъ, что его едва хватало на плату за комнату, такъ что этотъ человѣкъ не всякій день обѣдалъ, ходилъ въ потертомъ костюмѣ, въ разорванныхъ сапогахъ...

— Ахъ, какъ скучно!—воскликнула она,—къ этому человѣку ты могъ-бы прибавить еще его возлюбленную, которая также не имѣетъ платья, не каждый день обѣдаетъ... Тутъ нѣтъ ничего волшебнаго!

— Погоди! Чудеса будутъ впереди!

— Должно быть, долго придется ихъ ждать.

— Ничуть! Слушай! Вотъ однажды идетъ этотъ человѣкъ по улицѣ и видитъ, лежитъ пакетъ...

— Старо и не правдоподобно!

— Да, вѣдь, ты-же хотѣла чудеснаго? Ну, вотъ тебѣ чудо: человѣкъ этотъ поднимаетъ пакетъ, развертываетъ и обрѣтаетъ бумажникъ, огромный, купеческій бумажникъ, а въ немъ...

— Двѣсти тысячъ!

— Не слишкомъ-ли много? Допустимъ,—шестьдесятъ. Что-же онъ дѣлаетъ съ этими деньгами.

— Странный вопросъ! Беретъ себѣ.

Онъ искоса взглянулъ на нее и слегка поморщился.

— Нѣтъ такъ не годится. Онъ заявляетъ кому слѣдуетъ и получаетъ законную третью часть—двадцать тысячъ.

— Ну, и дуракъ!—чуть слышно прошептала она.

Начинающій писатель сдѣлалъ видъ, что не разслышалъ, и, закуривши папиросу, такъ комфортабельно откинулся на спинку дивана, что та, подозрительно треснула.

— Идемъ дальше!—сказалъ онъ.—Получивъ свою часть, этотъ человѣлъ первымъ долгомъ обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что вѣрная подруга его жизни ходитъ въ уродливомъ ситцевомъ платьѣ и дешевыхъ башмакахъ...

— Промокающихъ...

— ...промокающихъ... Онъ спѣшитъ въ лучшій магазинъ, и черезъ какія-нибудь пол-

часа гибкій станъ его подруги облекаетъ великолѣпное, новомодное платье...

— Джерси...

— ...джерси. На маленькихъ ножкахъ ея красуются прелестные ботинки, на головѣ дорогая мѣховая шапочка, которая такъ должна къ ней идти; затѣмъ ротонда изъ мѣха ангорскихъ козъ и проч., и проч. и проч. Словомъ, онъ одѣваетъ ее какъ куколку и какъ съ куколкой носится съ ней: обнимаетъ, ласкается и цѣлуетъ.

И, говоря это, начинающій писатель привелъ свои намѣренія въ исполненіе самымъ основательнымъ образомъ, такъ что подруга его принуждена была пересѣсть на другой конецъ дивана.

— Ну, все это прекрасно! — воскликнула она,—а дальше что?

— Дальше? Они поселяются въ прекрасной квартирѣ, не отказываютъ себѣ ни въ какихъ развлеченіяхъ, заводятъ обширный кругъ знакомыхъ, словомъ, живутъ, какъ жить слѣдуетъ.

— А деньги уходятъ да уходятъ! Вотъ видишь! И оказывается, что нужно было взять всѣ 60 тысячъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Человѣкъ этотъ не сидитъ сложа руки. Онъ работаетъ, много пишетъ, читаетъ и получаетъ огромный гонораръ.

— Печатаетъ и получаетъ гонораръ?! Богъ мой! Это какимъ-же образомъ?

— Очень просто: у него огромное, вліятельное знакомство! Когда онъ ходилъ зимою

въ осеннемъ, потертомъ пальто, то ему приходилось безплодно обивать пороги редакцій, но теперь стоитъ только ему появиться въ его роскошной скунсовой шубѣ—сами редакторы и издатели бросаются къ нему съ распростертыми объятіями. Наконецъ, онъ издаетъ сборникъ своихъ стихотвореній подъ названіемъ... подъ названіемъ... ну, хоть — „Жемчужины сердца...“ Прелестное названіе, не правда-ли? Прекрасно изданный сборникъ раскупается на расхватъ. Объ авторѣ его пишутъ критическія статьи, замѣтки. Онъ входитъ въ славу, вліятельныя, важныя особы ищутъ съ нимъ знакомства, дамы осаждаютъ его письмами, объясненіями въ любви.

— А!..

— Но онъ непреклоненъ! Онъ неуязвимъ! Онъ любитъ только одну ее, вѣрную подругу его жизни, вѣрную въ несчастіяхъ и любящую въ испытаніяхъ.

При этихъ словахъ начинающій писатель обнялъ свою подругу и она не только не сопротивлялась, но еще больше подвинулась къ нему и положила на грудь свою русую голову.

— Вотъ тутъ начинается сказка,—жизнь, которой мы никогда съ тобою не испытывали, моя дорогая!—продолжалъ онъ, тихонько разглаживая ея шелковистые волосы и созерцательно устремивъ въ пространство широко раскрытые глаза, — я вижу какъ этотъ человѣкъ уѣзжаетъ со своей подругой за-границу,

поселяется гдѣ-нибудь на берегу Средиземнаго моря или какого-нибудь швейцарскаго озера среди недосягаемыхъ горъ, виноградниковъ и розъ. Они дышутъ чуднымъ, насыщеннымъ ароматами воздухомъ, они гуляютъ, прислушиваясь къ мелодичнымъ пѣснямъ косцовъ и собирательницъ винограда; въ лунныя, тихія, полныя таинственнаго обаянія ночи они берутъ лодку и выѣзжаютъ далеко въ озеро. Кругомъ теплая мгла, а вверху не то огоньки горныхъ хижинъ, не то звѣзды. Вотъ разрѣзая мглу, прошелъ пароходъ словно иллюминованный, и его огни отразились на спокойной поверхности озера. Всколыхнулась вода, черная волна набѣжала на лодку и та всколыхнулась разъ, два, и опять спокойно стоитъ объятая темнотою ночи... Ты заснула?..

— Нѣтъ... нѣтъ... разсказывай дальше...

— Дальше я вижу, какъ этотъ счастливый человѣкъ и опять-таки со своей дорогой подругой посѣщаетъ одинъ за другимъ европейскіе города, осматриваетъ музеи, картинныя галлереи, слушаетъ чудную оперу! Въ Дрезденѣ онъ смотритъ „Сикстинскую Мадонну“ и „Ночь“ Корреджіо; въ Кельнѣ онъ любуется кружевною архитектурой собора; въ Страсбургѣ—замѣчательные часы съ 12-ю апостолами наводятъ его на размышленія о жизни и смерти; въ Венеціи его приводятъ въ восхищеніе дворцы и площадь св. Марка, въ Римѣ... Но, довольно? Всего не перескажешь! Все лучшее, что собрало и оставило

человѣчество изъ минувшихъ вѣковъ мрака и насилія, все такъ и осталось нетронутымъ и доступно для обозрѣнія каждаго. Какое поле для размышленій, какіе неисчерпаемые источники изученія! Широкъ и могущественъ геній человѣчества и велики памятники, оставленные имъ!

Онъ замолкъ, взволнованный, и, наклонившись, заглянулъ въ лицо своей возлюбленной. Она спала. Отъ длинныхъ, плотно сомкнутыхъ рѣсницъ падала тѣнь на блѣдныя щеки. Прядка русыхъ волосъ небрежно легла на лобъ. Грудь ея ровно и тихо дышала.

Онъ осторожно придвинулъ подушку, еще осторожнѣе положилъ на нее голову заснувшей и пересѣлъ на другой конецъ дивана Картины, имъ самимъ нарисованныя, не давали ему покоя. Другой, чудный край, съ благословеннымъ климатомъ, грезился ему, другая жизнь, другія лица вставали передъ нимъ; они говорили на другомъ, чуждомъ ему языкѣ, но онъ понималъ ихъ, онъ всей душою стремился къ нимъ...

Его юный умъ жаждалъ свѣта, познаній; его душа искала свободы, а здѣсь, въ этой меблированной комнатѣ его душила мрачная, безъисходная дѣйствительность. Тусклая комната съ застоявшимся воздухомъ и тусклой мебелью вполнѣ гармонировала съ тусклымъ ноябрьскимъ небомъ, сыпавшимъ липкій снѣгъ, и грязно-желтымъ туманомъ, обволакивающимъ стѣны домовъ и хмурыя, недовольныя

фигуры людей. О чемъ можно было писать въ такой обстановкѣ и въ такомъ настроеніи, какія струны сердца можно было заставить звучать? Не пѣсни радости и счастья слагались въ душѣ, а пѣсни злобы, отчаянія, смерти... Даже самая любовь его къ этому существу—была какая-то нервная, больная любовь, съ оттѣнками какого-то злого наслажденія съ внезапными вспышками безпричиннаго, несправедливаго озлобленія. И не было, не было исхода изъ этой тусклой жизни! И единственное, что оставалось имъ обоимъ,—это тѣшить воображеніе фантастическими картинками будущаго, которое никогда не могло осуществиться.

Литературно-музыкальный вечеръ.

Если какое-нибудь учрежденіе, какое-нибудь общество, какое-нибудь лицо вдругъ почувствуетъ настоятельную необходимость въ преуспѣяніи и поддержаніи, то знайте, что въ воздухѣ начинаетъ пахнуть литературно-музыкальнымъ вечеромъ, знайте, что микробъ литературнаго вечера уже носится невидимкой вокругъ васъ и во всякую удобную и неудобную минуту готовъ въ васъ всосаться, чтобы высосать на преуспѣяніе пару, другую рублей. Напрасны ваши попытки из-

бѣгнуть его! Никакія ухищренія не избавятъ васъ отъ него. Входите-ли вы въ клубъ, въ театръ, концертъ или просто на журъ-фиксы къ знакомымъ, вы каждую минуту, рискуете быть аттакованнымъ господиномъ среднихъ лѣтъ съ бородкой à la miserable, который съ веселой подвижностью лица и округлостью ста-подскочитъ къ вамъ и заложитъ въ боковой карманъ вашего сюртука пару, другую билетиковъ, не преминувъ, конечно, взять съ васъ немедленно соотвѣтствующую контрибуцію. Протестуйте и отказывайтесь, сколько хотите; деньги взяты—и господину съ бородкою à la miserable теперь столько-же дѣла до васъ, сколько до того стула, на которомъ вы сидите. Смотрите, онъ уже хлопочетъ обработать другого и навѣрное обработаетъ прекрасно,—на то онъ распорядитель! Въ качествѣ таковаго, этотъ ужасный господинъ объѣдетъ и обойдетъ всѣхъ музыкальныхъ знаменитостей и, такъ называемыхъ, „чтецовъ“,—людей, спеціальность которыхъ состоитъ въ изображеніи „литературной“ части вечера. Исполнивши все сіе и выхлопотавъ афишу съ длиннымъ спискомъ музыкальныхъ и вокальныхъ исполнителей и съ такими мудреными названіями разныхъ „концертштюкъ“, одно перечисленіе которыхъ въ состояніи вызвать испарину,—распорядитель съ бородкою à la miserable закупаетъ чаю, чаю сахару, коньяку и печеній и принимается декорировать нанятую имъ залу.

Но, вотъ все готово. Зала устроена, въ ней рядами стоятъ кресла и стулья, эстрада обита краснымъ сукномъ и на ней рояль, столикъ съ двумя свѣчами, слуги. Распорядители со значками у входа, готовые отбирать билеты и съ любезностью указывать мѣста. Восемь часовъ. Вечеръ долженъ былъ-бы начаться, но... оказывается, что знаменитости, давшія слово участвовать,—всѣ до одной надули, не пріѣхали и не пріѣдутъ; у всѣхъ поголовно инфлуэнца! Что за несчастіе! Господинъ съ бородкою à la misérable—въ отчаяніи. Онъ носится ураганомъ изъ залы въ исполнительскую, мелькаетъ на лѣстницѣ, на минуту показывается даже у подъѣзда, собираетъ около себя какихъ-то молодыхъ людей и разсылаетъ ихъ во всѣ концы города. Но вѣстники возвращаются изнеможенные, еле дышащіе и коснѣющими отъ усталости языками лепечатъ одинъ и тотъ-же роковой отвѣтъ: „не пріѣдетъ. Инфлуэнца!“

— Боже мой, Боже мой, что дѣлать!— шепчетъ распорядитель, мутнымъ взглядомъ обводя исполнительскую.

Два чтеца—одинъ трагическій, другой комическій—тутъ на лицо: благодушествуютъ за чаемъ съ коньякомъ; скрипачъ — совершенно невѣдомый публикѣ господинъ съ подозрительно-краснымъ носомъ, приглашенный собственно такъ „на затычку“, тоже тутъ и тоже усердно возліяетъ изъ бутылки, но „гвоздя“ вечера, знаменитой NN, на которую

возлагались всѣ надежды, нѣтъ и не будетъ, и другого „гвоздя“ — знаменитаго X.,—тоже не будетъ!

Въ отчаяніи распорядитель устремляетъ въ публику,—которая представляется ему какимъ-то чудовищемъ готовымъ пожрать его ежеминутно,—блуждающій взглядъ, и вдругъ примѣчаетъ знакомую барышню, бывшую ученицу инструментальной знаменитости. „Вотъ оно—мое спасеніе! Рѣшено“—восклицаетъ про себя распорядитель и бѣжитъ къ барышнѣ. Моментъ, и барышню увлекаютъ въ исполнительскую... Тамъ, будучи окружена кольцомъ разноцвѣтныхъ бородокъ a la miserable, оглушенная лестью самыхъ возвышенныхъ похвалъ, осыпанная самыми горячими просьбами помочь и выручить, барышня робко соглашается припомнить и сыграть „одну какую-нибудь маленькую вещицу“. Ура! Распорядитель ликуетъ. Можно открыть вечеръ. Съ цѣлью „разогрѣть“ публику, онъ рѣшается выпустить барышню первой, анонсировать о болѣзни „гвоздей“ и тѣмъ подкупить сочувствіе слушателей. Робѣя барышня подымается на эстраду, но дружный взрывъ апплодисментовъ со стороны всѣхъ распорядителей придаетъ ей смѣлости сѣсть за рояль. Курныкающіе звуки рояли мало удовлетворяютъ эстетическій вкусъ публики, но барышня такъ юна, такъ мила, такъ обворожительно робка, такое на ней хорошенькое розовое платьице, что успѣхъ ея обезпе-

ченъ,—публика апплодируетъ и требуетъ bis. Чего-же послѣ этого стоитъ обратить ее въ „гвоздь" вечера! Распорядители неистовствуютъ: апплодируютъ, стучатъ ногами, кричатъ „браво"—и барышня, пунцовая, какъ ея роза въ скромной прическѣ, исполняетъ вмѣсто одной—цѣлыхъ три „маленькія вещицы".

Покуда все это происходитъ въ залѣ, трагическій чтецъ приготовляется къ своему нумеру въ исполнительской. Онъ взъерошилъ свои черные, колючіе волосы, придалъ огромному, бѣлому галстуху смятый, небрежный видъ, и, дико вытаращивъ глаза, бѣгаетъ по комнатѣ съ тетрадкой. Онъ зубритъ, отчаянно зубритъ свое „Бѣлое покрывало". Вслѣдствіе частыхъ упражненій въ декламаціи, многія вещи перепутались въ его памяти, и легко можетъ случиться, что венгерскій графъ, которому предстоитъ сложить голову на плахѣ, вдругъ принесетъ „гробикъ ребенку и ужинъ отцу"...

— Тогда, — въ промежуткахъ бѣганья по комнатѣ, говоритъ онъ своему комическому коллегѣ,—мнѣ останется одно: вонзить себѣ пулю въ сердце! Вотъ что-съ!..

— Гдѣ вы пулю-то тутъ найдете? — спокойно спрашиваетъ коллега.

— Пулю?.. Гдѣ-нибудь найдутъ!.. Ножъ, пулю—все равно! Все равно милѣйшій!.. Га!. „То мать была его"! Какая, батюшка, эта вещь! Какая вещь! Рыдать будетъ публика.

— Г. Звѣробоевъ, пожалуйте! — приглашаетъ распорядитель.

— Иду!—торжественно произноситъ трагическій чтецъ, непомѣрно высоко подымаетъ голову взбиваетъ волосы и медленно, широкими шагами входитъ на эстраду.

— Мужественный мужчина!—произноситъ ему вслѣдъ скрипачъ,—долженъ на публику дѣйствовать!.. Слышите, какъ рявкнулъ? Словно медвѣдь въ лѣсу. Избави Богъ, нѣтъ-ли кого на сносяхъ! Не угодно-ли? — Онъ держитъ бутылку съ коньякомъ наклоненною надъ стаканомъ комическаго чтеца.

— Лейте, лейте!—поощряетъ его тотъ,—для развязности языка! У меня другой разъ бываетъ,—чортъ знаетъ отчего,—не то слово выпалишь! Оно, положимъ другой разъ придется кстати,—да не всегда!

— А у меня, я вамъ доложу, такая мерзопакостная привычка: какъ выхожу играть, непремѣнно чтобы рюмку коньяку, да побольше,—вотъ эдакую!.. Иначе, просто, рука не слушается и плавности, понимаете, плавности такой нѣтъ!.. Ага, кончилъ!..

Послѣднее относится къ трагическому чтецу, который, блѣдный и еще болѣе взъерошенный, входитъ въ исполнительскую, бросается на стулъ и дѣлаетъ продолжительное: фу-у-ффъ!..

— Устали!—участливо спрашиваетъ скрипачъ.

— Устали! Еще-бы, этакую махинищу отмахать!

— Да вотъ, опять нужно идти! Слышите!

Изъ залы доносятся аплодисменты и появляется распорядитель.

— Прочтите еще что-нибудь! — проситъ онъ.

— Не могу-съ!.. Не мог-гу!.. Слышите—горло? Каково! Показаться — покажусь, а читать,—увольте.

Трагическій чтецъ „показывается“ и аплодисменты смолкаютъ.

— Пожалуйте, г. Попискухинъ!—приглашаетъ распорядитель комическаго чтеца,—вы читаете... позвольте...

— „Хвостикъ“. Я „Хвостикъ“ читаю! — говоритъ г. Попискухинъ, дѣлая изъ своей обритой физіономіи совершенное подобіе поросячьей мордочки,—„за хвостикъ тетеньки держался!“ Хе, хе, хе!

И онъ ковыляетъ на эстраду.

— Экая пошлость!—посылаетъ ему вслѣдъ г. Звѣробоевъ.—„Хвостикъ“!.. Ну, посудите сами, что такое этотъ „Хвостикъ“? Пошлость, и больше ничего! Ф-фа!

— Большой успѣхъ имѣетъ въ публикѣ! Боль-шой!—качаетъ головою скрипачъ, — не угодно-ли?..

— Лейте! Гм! Публика!—вздергиваетъ голову трагическій чтецъ,—что такое публика?

— Публика?—недоумѣвающе смотритъ на него скрипачъ,—публика... народъ.

— То-то „народъ"!.. Влейте-ко еще!.. Такъ!.. Довольно!.. Слышите, слышите!.. Какъ!.. хлопаютъ-то? А? Да, батюшка, пошлость нравится публикѣ, пошлость!.. Никакъ на bis читаетъ? Такъ и есть!..

Комическій чтецъ возвращается веселый и оживленный. Глазки его горятъ, бритое лицо смѣется всѣми складками, и такъ и кажется, что изъ-подъ фалдъ его фрака игриво виляетъ поросячій хвостикъ. Трагическій чтецъ мрачно и съ достоинствомъ смотритъ на коллегу, потомъ вдругъ срывается съ мѣста, надѣваетъ пальто, нахлобучиваетъ шапку и исчезаетъ. Скрипачъ, между тѣмъ, беретъ футляръ со скрипкой, вынимаетъ ее оттуда и, крадучись, оглядываясь, чтобы никто не замѣтилъ, проворно креститъ деку. „Голубушка ты моя"—шепчетъ онъ,—„выручай, выручай, родная!"...

— Г. Безродновъ, вы готовы? — спрашиваетъ распорядитель.

— Совершенно-съ!.. совершенно-съ?.. Вотъ только чуточку...—поспѣшно отвѣчаетъ скрипачъ, слегка пробуя строй.

— Вы что играете?—спрашиваетъ Попискухинъ, плеснувъ въ свой чай здоровенную порцію коньяку.

— Венявскаго... мазурочку-съ! говоритъ Безродновъ и, опрокинувъ въ ротъ большую рюмку, уходитъ.

Вотъ онъ на эстрадѣ. Ряды слушателей сливаются въ одну безпорядочную группу

лицъ. Коньякъ-ли бросился въ голову, или уже такъ глаза слезятся, кто ихъ знаетъ, а только неловко смотрѣть на свѣтъ... Но рука тверда, а это главное!.. А славная эта мазурка Венявскаго!.. Тара-тара, та-ра-ра-ра, та-ра-ра-ра-ра-ра-ра-ра! Прелесть, что за мазурка! Вонъ и публика слушаетъ съ какимъ вниманіемъ!.. Ничего, что рыло суконное и фракъ потертый... Жена ужъ терла, терла бензиномъ! „Ничего,—говоритъ,—сойдетъ, изъ публики не замѣтно“... Вотъ она, послѣдняя нота!.. длинная, тягучая, замирающая... все тише, тише, еще тише, совсѣмъ едва слышно... А, удалось!..

Вся зала разразилась рукоплесканіями. Скрипачъ, смущенный, уставшій, стоялъ, опустивъ смычекъ... „Суконное рыло“ какъ-то сморщилось, сжалось... Что-то капнуло на подбородокъ. „Старый ты чортъ, какъ не стыдно! Неужели отъ коньяка разобрало! Ну ну, держись, да кланяйся, чучело!.. Покорнѣйше, молъ, благодарю!“...

Крики „браво“, „bis“, стучанье стульями не даютъ Безроднову уйти съ эстрады. Съ боку распорядитель съ бородкой à la miserable дѣлаетъ отчаянные жесты, умоляющіе съиграть еще что-нибудь.

— „Съиграю я имъ „Колыбельную“... Кажись не забылъ!—думаетъ Безродновъ, подстраивая скрипку.

— „Кто его знаетъ, кто онъ такой...—думаетъ распорядитель,—указали на него слу-

чайно, по старой памяти... живетъ гдѣ то на-заднемъ дворѣ и довольно гнусно... А вонъ онъ „гвоздь"-то гдѣ настоящій! Эхъ, выпустить-бы мнѣ его въ началѣ"!

„Ну, вотъ вамъ „Колыбельная"!—думаетъ, играя, Безродновъ,—тоже хорошая вещь, если съиграть какъ слѣдуетъ... Баю, баюшки, баю.. Будешь въ золотѣ ходить, чисто серебро носить... Эхъ, молодость, молодость! Пѣвали и надъ твоей, Безродновъ, колыбелью ту-же пѣсню... старая бабка пѣвала... а что вышло, чѣмъ кончилось!..

Безродновъ кончилъ, но публика снова не даетъ ему спуститься съ эстрады, снова заставляетъ играть... Распорядитель въ восторгѣ, и когда скрипачъ входитъ, наконецъ, въ исполнительскую, бросается къ нему и горячо пожимаетъ руки.

Случается какъ-то такъ, что публика не хочетъ больше слушать слѣдующаго по программѣ комическаго чтеца, встаетъ какъ одинъ человѣкъ и расходится.

— Ну, что, какъ вамъ? — слышится въ толпѣ.

— Скучно! Я не хотѣлъ идти, да все жена...

— А меня дочь затащила!..

— „Хвостикъ" хорошъ! Оч-чень, оч-чень остроумно!..

— Н-да! Какъ вамъ сказать... Не забудьте, завтра у насъ! Притащили-бы четвертаго? Веселѣе!..

— Папаша здоровъ?

— Благодарю васъ...

Публика выходитъ на улицу и расползается въ разныя стороны.

— Извощикъ! На Сергіевскую!

— Полтинничекъ!

— Дур-ракъ!

— Эй, брр-гись!..

Это восклицаніе относится къ темной фигурѣ, прошмыгнувшей передъ лошадиной мордой. Темная фигура въ пальто съ поднятымъ воротникомъ держитъ подъ мышкой скрипичный футляръ,—г. Безродновъ поспѣшно направляется на свой задній дворъ къ ожидающимъ его ничтожеству и безвѣстности.

А въ опустѣвшей залѣ приводится въ извѣстность выручка съ вечера и сводятся счеты. Каретъ не было, вѣнковъ тоже, — чай, коньякъ, — въ сущности пустые расходы,— прислугѣ на чай, освѣщеніе залы—въ результатѣ двѣсти рублей барыша. Да здравствуютъ преуспѣяніе и процвѣтаніе! Члены комитета благодарятъ распорядителя съ бородкой à la misérable, распорядитель благодаритъ членовъ комитета и другихъ распорядителей, — всѣ благодарятъ другъ друга и, очень довольные собою, разъѣзжаются по домамъ.

Иванъ Ивановичъ Ивановъ тоже вернулся домой и, сидя въ постели, на сонъ грядущій, умственно подводитъ итоги расходамъ текущей недѣли:

— „Литературно-музыкальный вечеръ, — три рубля, чай—тридцать копѣекъ, за платье—двадцать, извозчикъ туда и обратно — шесть гривенъ, Петру Петровичу въ пользу голодающихъ — три рубля, по подпискѣ за винтомъ имъ-же два рубля, по другой подпискѣ въ конторѣ—имъ-же рубль, Аннѣ Афонасьевнѣ для нихъ-же—два рубля... старая хрычовка! Содрала таки! Обѣщалась, и содрала! Фу-у! Спать, спать, спать!

Куда дѣвались старики.

Вотъ вопросъ, который долго занималъ насъ и не перестаетъ занимать до сихъ поръ. Куда-же они, въ самомъ дѣлѣ, дѣвались? Надо полагать, что, какъ и прежде, старики и старухи продолжаютъ существовать до сихъ поръ, но отчего такъ поразительно мало замѣтно ихъ на всѣхъ поприщахъ общественнаго служенія? Куда ни взгляните, вездѣ вы увидите молодой, здоровый народъ, явившійся въ столицу изъ нѣдръ провинціи съ предложеніемъ своей умственной и мускульной силы, а стариковъ нѣтъ какъ нѣтъ. Гдѣ эти классическія няни, воспѣтыя нашими романистами и поэтами, эти преданныя старушки въ черныхъ повойникахъ съ рогульками или чепцахъ съ широкими лентами, сидѣвшія гдѣ-

нибудь въ уголку, подлѣ натопленной печи, и вязавшія классическіе чулки. Гдѣ добрые, старые слуги, всѣ эти Федосѣичи и Михѣичи, нюхавшіе табакъ, ходившіе въ длинныхъ до пятъ сюртукахъ и читавшіе мораль господамъ? Увы, ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ болѣе старыхъ трактирныхъ слугъ, старыхъ швейцаровъ, кондукторовъ, извощиковъ и проч., и проч.

Черезчуръ ужь сталъ требователенъ и взыскателенъ современный „господинъ“, черезчуръ тороплив̌ъ и нетерпѣливъ, и, чтобы не возиться со старьемъ, сдалъ его въ архивъ, куда-то туда, въ подвальные, промозглые углы и богадѣленскія палаты, гдѣ человѣкъ, который въ силахъ былъ бы еще послужить и поработать, изныв̌аетъ въ голодномъ бездѣйствіи и питается подачками благодѣтелей.

Спросите Ивана Ивановича, отчего онъ уволилъ няню, прослужившую у него десять лѣтъ и выпѣстовавшую сына Колю?

— Помилуйте, — отвѣтитъ онъ вамъ, — стара стала, безтолкова! Ничего у ней въ рукахъ не держится. Сколько посуды перебила, сколько ламповыхъ стеколъ перелопалось изъ-за нея. Ну, ее, право! Я взялъ для Сони помоложе.

А между тѣмъ, эта старуха выняньчила такого здороваго малаго, какъ Коля, гуляла съ нимъ тамъ, гдѣ слѣдуетъ и сколько слѣдуетъ гулять съ дѣтьми, кормила его какъ и

чѣмъ слѣдуетъ, оберегала отъ простуды, ушибовъ, занимала его играми и сказками, и когда Коля началъ учиться, зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы онъ не лѣнился, готовилъ уроки и, какъ мать, частенько журила его. И за все это получала пять рублей въ мѣсяцъ жалованья.

Новая няня — веселая, разбитная дѣвица въ турнюрѣ, очень мало интересуется Соней, а больше всего заботится о томъ, чтобы одѣться пококетливѣе и понравиться генеральскому лакею Федору. Вчера она дала Сонѣ чернаго хлѣба и у той разболѣлся животикъ, сегодня, несмотря на дурную погоду, настояла идти съ Соней гулять и прогуляла (въ ожиданіи условленнаго заранѣе свиданія съ Федоромъ) до шести часовъ. А къ вечеру у Сони сдѣлался жаръ и пришлось обратиться къ доктору.

Иванъ Иванычъ, конечно, разсердился, раскричался, а дѣвица съ турнюромъ и возвышеннымъ самолюбіемъ тотчасъ-же потребовала разсчета. Да и что ей за интересъ служить у такихъ капризныхъ господъ? Она, слава Богу, молода, и найдетъ себѣ мѣсто получше. Къ господамъ она не привязана ничуть, къ порядкамъ въ домѣ не привыкла (да и привыкать не стоитъ!), а Соню такъ она даже ненавидитъ, какъ можетъ ненавидѣть каторжникъ тачку, къ которой онъ прикованъ. Вся ея забота о томъ, чтобы получать восемь или десять рублей жалованья.

— Слава Богу, мѣстовъ найдется!—говоритъ она молодой кухаркѣ Аксиньѣ, и та сочувственно киваетъ головой, — будто только и свѣта, что у нихъ! Вотъ, Федоръ Павловичъ говорилъ, что у нихъ горничная отходитъ...

Дѣвицѣ съ турнюромъ рѣшительно все равно, кѣмъ ни быть: сегодня она няня, завтра — кухарка, послѣ-завтра — горничная, а тамъ... что угодно. Во всѣхъ роляхъ она одинаково никуда не годится, и, кромѣ молодости, турнюра и смазливой физіономіи,—никакихъ качествъ за нею признать нельзя.

Старый слуга гордился своимъ званіемъ, и частенько, глубокомысленно поглаживая сѣдыя бакенбарды, говаривалъ: „мы съ генераломъ“, „мы съ княземъ“, „у насъ были гости“, „у насъ захворала княжна“,—нынѣшній молодой слуга съ неудовольствіемъ смотритъ на свое амплуа, мечтаетъ выиграть въ карты или тотализаторъ триста рублей и открыть портерную, а о своихъ господахъ или молчитъ, если ничего про нихъ не знаетъ,—или сплетничаетъ и шантажируетъ, пока не будетъ изгнанъ и не начнетъ искать, такъ называемыхъ, легкихъ хлѣбовъ.

Но куда-же, куда дѣвались наши милые старики? Ахъ, недавно мы увидѣли одного: это былъ извощикъ! Старикъ лѣтъ подъ 80, сидѣлъ въ саняхъ полуприкрытый полостью на одной изъ отдаленныхъ отъ центра улицъ города. Сани были старыя, уродливо расши-

ренныя въ бокахъ, полость ветхая, сильно потертая, лошадь худая и старая, и сбруя на ней чуть-ли не лычкомъ перевязанная. Дѣло было вечеромъ, и мы поняли, что *такой* извощикъ никоимъ образомъ не могъ-бы появиться на улицѣ днемъ: бѣдняга тайкомъ, подъ прикрытіемъ мглы и метели зарабатывалъ свой скудный кусокъ хлѣба.

— Извощикъ!

Старикъ встрепенулся, вынырнулъ изъ-подъ полости и, съ легкостью юноши, подбѣжалъ къ намъ.

Снѣгъ залѣпилъ его добродушное, худощавое лицо, хлопьями лежалъ на густой бородѣ, усахъ и даже на бровяхъ.

Мы наняли его, сѣли и поѣхали. Старикъ молодцовато сидѣлъ на облучкѣ, спокойно подергивалъ возжами, и только на перекресткахъ, гдѣ слѣдовало предположить присутствіе городового, начиналъ волноваться, усиленно дергать возжами и даже что-то бормотать. Старая лошадь также какъ-бы чувствовала, что мѣста эти представляютъ какую-то опасность для ея хозяина, и, напрягши силы, увеличивала бѣгъ. Чѣмъ болѣе углублялись мы въ мракъ захолустья, тѣмъ спокойнѣе и даже какъ будто веселѣе становился нашъ извощикъ.

— Но, но „молодая“! — покрикивалъ онъ на свою клячу,—не бойся, рѣзвая! Но, но!.. А что, господинъ, — обратился онъ къ намъ,— не знаете-ли чего насчетъ голодающихъ?..

— Насчетъ голодающихъ? Нѣтъ, ничего не знаю!—отвѣчали мы.

— Такъ! Значитъ, въ вѣдомостяхъ не пишутъ!

— Какъ не пишутъ? Пишутъ, что есть, да я не видалъ!

— Есть! — увѣренно отвѣчалъ старикъ,— какъ не быть! Посѣтилъ насъ Господь! А здѣсь-то, въ Питерѣ, гдѣ-жь ихъ видать! Какіе тутъ голодающіе! Тутъ народъ сытый... себя, свою утробу наслаждаетъ!

— Ну, не всякій наслаждаетъ!...—усомнились мы.

— Всякій!—еще съ большей увѣренностью отвѣчалъ старикъ, — какой... самый ни на есть захудалый, и тотъ свою утробу наслаждаетъ!.. Это ужъ вѣрно! Я семьдесятъ пять годовъ на свѣтѣ живу, въ Питерѣ, почитай, лѣтъ сорокъ,—присмотрѣлся къ нынѣшнему народу!..

— А нищіе?

— Нищіе?—усмѣхнулся старикъ,— нищіе, господинъ, самый наслаждающій народъ! Это ничего, что онъ на морозѣ стоитъ... въ кабакѣ отогрѣется!... Выручка-то его какая, какъ вы полагаете, господинъ? Лучше моей, вѣрно вамъ говорю. Я вотъ только по ночамъ ѣзжу, потому лошадь и сбруя и все у меня худое, днемъ не позволяютъ, да и ночью-то, прости Господи, крадучись! А ему, нищему, завсегда можно, у него цѣлый день сборъ.

— Нищихъ тоже забираютъ.

— Хе!—какъ-то особенно кашлянулъ извощикъ, — какъ ихъ забираютъ! А и заберутъ, такъ онъ опять тутъ объявится. Да и нищіе-то нынче все молодые, пряткіе, поди, угонись за нимъ!.. Нѣтъ, ужь это что говорить!

— Что-то ты больно, дѣдушка, сердитъ на нынѣшнихъ.

— Не сердитъ я!.. Чего мнѣ сердиться? А что правда, то правда!.. Плохъ нынѣшній народъ. И господа плохи стали, не въ обиду тебѣ будь, господинъ, сказано! Какіе ныньче господа! Найметъ тебя за пятіалтынный да кричитъ: „скорѣе, гони, лупи!“ Ровно на пожаръ торопится! Предоставишь его, а онъ говоритъ: деньги сейчасъ вышлю, а самъ въ подворотню, и былъ таковъ! Больно ужь ученый нынче народъ сталъ, а счастья нѣтъ, всѣмъ тяжело, всѣ жалятся! И все утробу, все утробу свою наслаждаютъ!

— Вотъ ты все твердишь: „наслаждаютъ“, а чѣмъ наслаждаютъ?

— Чѣмъ? Да всѣмъ! Хоть-бы нашъ братъ, извощикъ. Онъ со двора только выѣдетъ, лба путемъ не перекреститъ — сейчасъ въ трактиръ. Водки давай; селянку, пива, папиросъ, чаю да еще съ бу-улкой! Угостится такъ, что еле поворачивается, такъ нѣтъ, давай еще на билліардѣ яблочки катать. До полудня такъ и промарьяжится...

— Ну, хоть-бы и такъ! Какая кому отъ этого убыль?

— Негодится! — покрутилъ головою старикъ,—нѣтъ, господинъ, такъ негодится!

— А какъ-же?

— По совѣсти, нужно, господинъ, вотъ какъ! Ты совѣсть имѣй! Объ людяхъ подумай! Кабы объ людяхъ-то больше думали, такъ и голоду-бы не было!.. Всякій другъ другу помогать-бы сталъ. А какая ужъ помощь, отъ этакого-то, прости Господи, объѣдалы да поганика? Онъ только свою утробу наслаждаетъ. И все на на пользу!

— Какъ не на пользу?

— Да такъ! Долго-ли нынѣшній народъ живетъ? Годовъ пятьдесятъ иной проживетъ, и на томъ спасибо! А все отчего? Оттого, что сладко ѣстъ, да водку, да пиво пьетъ. Прежде-то по деревнямъ, что такое есть чай, не знали, а нонѣ въ каждой избѣ самоваръ; хлѣба нѣтъ, а самоваръ ужъ тутъ!

И долго еще ворчалъ старикъ. Онъ бранилъ „нонѣшнихъ“ людей, остроумно критиковалъ „нонѣшніе“ порядки. Мы мало слушали его. Насъ больше всего интересовало, куда, наконецъ, дѣваются старики и старухи? Ихъ нѣтъ вовсе! Почти никто не доживаетъ до старческаго возраста, ибо 50, 60 лѣтъ, по настоящему, еще вовсе не старость. Правъ-ли былъ извощикъ, утверждая, что люди оттого умираютъ рано, что „наслаждаютъ“ утробу, мы не беремся рѣшать, но намъ кажется, что старикъ, подъ общимъ названіемъ „насла-

ждать утробы“, понималъ не одно только пьянство и чревоугодіе, а нѣчто иное, болѣе важное.

Елки.

Вотъ, что случилось въ рождественскій сочельникъ съ однимъ, въ полномъ смыслѣ слова, почтеннымъ и уважаемымъ коллежскимъ секретаремъ... ну, назовемъ его,—чтобы никто изъ коллежскихъ секретарей не могъ принять нашъ разсказъ, чего добраго на свой счетъ,—назовемъ его хоть... Иваномъ Иванычемъ. Удивительная вещь случилась съ Иваномъ Иванычемъ, странная непостижимая, фантасмагорическая! Нужно вамъ сказать, что нашъ герой былъ приглашенъ пріятелемъ, тоже коллежскимъ секретаремъ, на елку. Конечно, елка, какъ забава болѣе приличная дѣтскому возрасту, была тутъ ни причемъ и весь умыселъ заключался въ томъ, чтобы расположиться за зеленымъ полемъ и поиграть въ винтъ. Дѣти плясали и скакали вокругъ елки, взрослые винтили; дѣти дудили въ дудки и били въ барабаны, а взрослые записывали куши; дѣти объѣдались лакомствами, а взрослые объявляли „безъ трехъ...“ Словомъ, дѣла обстояли такъ, какъ и надлежало имъ обстоять въ приличномъ и скромномъ чиновничьемъ обществѣ. Въ свое время дѣти пошли спать,

а взрослые сѣли ужинать, въ свое время былъ поднятъ тостъ за здоровье любезныхъ хозяевъ и выпито—нельзя сказать, чтобы особенно много, но и не особенно мало. Иванъ Ианычъ былъ въ выигрышѣ двухъ рублей сорока трехъ копѣекъ и находился въ превосходнѣйшемъ настроеніи духа. Онъ обмолвился даже остротой, и такъ удачно, что разсмѣшилъ мужчинъ и привелъ въ восторгъ дамъ, а въ особенности одну, дебелую особу въ лиловомъ платьѣ, которая бросила на Ивана Иваныча довольно-таки замысловатый взглядъ. Нашъ герой самодовольно крякнулъ, погладилъ себя по лысинѣ, но тотчасъ-же вспомнилъ о своей, оставшейся дома и страдавшей зубною болью, законной половинѣ и благоразумно удержался отъ дальнѣйшихъ остротъ въ предѣлахъ нѣкотораго осовѣлаго молчанія. Несправедливо было бы предполагать, что Иванъ Иванычъ почувствовалъ припадокъ безсилія или, какъ вульгарно говорится, „раскисъ"; о нѣтъ, мы очень далеки отъ такого обиднаго предположенія, но что Иванъ Иванычъ слегка утомился и чувствовалъ себя отъ духоты въ комнатѣ, картъ и проч. немножко *того*,—то это вѣрно.

Иванъ Иванычъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ благовоспитанный; оставивъ поле дѣйствія для другихъ остроумцевъ, онъ потихоньку удалился въ переднюю и въ ворохѣ самыхъ разнообразныхъ и разнокалиберныхъ шапокъ принялся отыскивать свою.

Неизвѣстно, почему процессъ этотъ нѣсколько замедлился и подъ конецъ вызвалъ даже въ Иванѣ Иванычѣ испарину. Онъ сопѣлъ, рылся, примѣрялъ передъ зеркаломъ десятки шапокъ, являвшихъ круглую физіономію Ивана Иваныча все въ новомъ и новомъ видѣ, опять рылся—и все безуспѣшно. Страшная мысль уже мелькала въ головѣ Ивана Иваныча—мысль о томъ, что ему, пожалуй, придется возвращаться домой вовсе безъ шапки, но въ самую критическую минуту въ переднюю вошелъ хозяинъ, держа въ рукахъ злополучный головной уборъ... Иванъ Иванычъ получилъ свою собственность, трогательно облобызался съ хозяиномъ, увѣрилъ его, что съ нимъ спички и онъ вовсе не нуждается въ томъ, чтобы Аксинья свѣтила ему, и когда дверь захлопнулась за нимъ, очутился въ совершеннѣйшемъ мракѣ. Иванъ Иванычъ началъ искать спички, но онѣ, очевидно, находились въ какомъ-то заговорѣ съ шапкой, потому что никакъ не давались ему въ руки. Тогда Иванъ Иванычъ рискнулъ... рискнулъ пуститься во мракъ. Сперва дѣло шло удовлетворительно: придерживаясь обѣими руками за ослизшія отъ изморози стѣны лѣстницы и представляя собою видъ большой, растопырившей крылья, птицы, Иванъ Иванычъ, неувѣренно ступая обѣими ногами на каждую ступеньку, по воробьиному, благополучно спустился съ одного марша, но на второмъ нога его наступила на что-то мягкое...

раздался раздирающій душу, не то женскій, не то дѣтскій вопль—„фыркъ“, „фыркъ“, что-то твердое шарахнуло по ногамъ Ивана Иваныча, что-то съ грохотомъ покатилось по лѣстницѣ, пролилось и потекло, и—о ужасъ—самъ Иванъ Иванычъ покатился по ступенькамъ на поясницѣ, подобно неумѣлому любителю катанья съ горъ. Если-бы Иванъ Иванычъ способенъ былъ дѣлать что-либо въ это время, то онъ могъ-бы насчитать на своей спинѣ ровно сорокъ пять ударовъ сорока пяти лѣстничныхъ ступенекъ; но Ивану Иванычу, было, конечно, не до того, и онъ опомнился только тогда, когда увидѣлъ себя сидящимъ на площадкѣ подъѣзда съ растопыренными ногами. Стоная, кряхтя и поглаживая шубу въ томъ мѣстѣ, гдѣ приходилась поясница, Иванъ Иванычъ всталъ, постоялъ немного, поправилъ съѣхавшую на затылокъ шапку, плюнулъ на то мѣсто, гдѣ передъ тѣмъ сидѣлъ, и пошелъ, прихрамывая на правую ногу.

— Нѣтъ, это неудобно!.. Неудобно жить на такой лѣстницѣ... — размышлялъ Иванъ Иванычъ, — совсѣмъ неудобно... Что это у меня рукавъ мокрый!..

Онъ провелъ рукою по мокрому рукаву, поднесъ руку къ носу... пахло помоями...

— Очень даже неудобно!—рѣшилъ Иванъ Иванычъ, устремляя взглядъ вдоль пустынной улицы и отыскивая извощика. Словно вытянутые въ ниточку, двумя рядами мерцали

фонари, мокрыми хлопьями падалъ съ темнаго неба снѣгъ, немногіе пѣшеходы, подобно тѣнямъ грѣшниковъ въ Дантовскомъ аду, шлыгали мимо, но извощиковъ не было.

— Изво-о-щикъ! — крикнулъ фальцетомъ Иванъ Иванычъ,—из-во-о-щикъ!

Ничего! Никакихъ признаковъ возницы.

Иванъ Иванычъ и на этотъ разъ покорился волѣ неисповѣдимыхъ судебъ. Запахнувшись въ шубу, онъ храбро двинулся въ путь. Боли въ поясницѣ и ногѣ не прекращались и настолько изнуряли Ивана Иваныча, что онъ, послѣ нѣсколькихъ, не совсѣмъ удачныхъ попытокъ, совсѣмъ потерялъ надежду держать себя въ прямомъ направленіи. Для него, въ его настоящемъ положеніи, — это была слишкомъ непосильная задача! Призоветъ Иванъ Иванычъ на помощь всю силу воли, даже скажетъ себѣ вслухъ: — „я пойду по срединѣ троттуара!“ анъ не тутъ-то было: лѣвая нога заберетъ круто налѣво, а правая отстанетъ, и Иванъ Иванычъ вдругъ оказывается въ положеніи человѣка, зачѣмъ-то обнимающагося съ водосточной трубой. Отцѣпится (не безъ труда) Иванъ Иванычъ отъ водосточной трубы и только-что скажетъ себѣ:—„шалишь, Иванъ Иванычъ, держи правѣй!“—глядь, кто-то подсунетъ ему подъ ноги тумбу,—одну изъ тѣхъ коварныхъ тумбъ, которыя, кажется, только и существуютъ для того, чтобы препятствовать порядочнымъ людямъ ходить по улицамъ,—и нашъ герой уже

прохлаждаетъ свой носъ въ мягкомъ налетѣ снѣга.

Однимъ словомъ нужно-ли говорить, что у самой Сѣнной (Иванъ Иванычъ шелъ по Садовой) бѣдный коллежскій секретарь до того изнемогъ въ борьбѣ съ препятствіями,— словно нарочно раскинутыми на его пути,— что сѣлъ на какую-то кадушку около посудной лавки и скорбно поникъ головой. Сострадательный самарянинъ въ лицѣ какого-то субъекта въ овчинѣ и съ бляхой на цѣпи подошелъ къ Ивану Иванычу, потыкалъ его чѣмъ-то твердымъ въ донышко шапки, приподнялъ его подъ мышки, очень предупредительно провелъ нѣсколько шаговъ и вдругъ,— словно съ нимъ случилось какое волшебное превращеніе, — такъ энергично притронулся къ шеѣ Ивана Иваныча, что тотъ нырнулъ и вынырнулъ только тогда, когда почувствовалъ прикосновеніе къ своему лбу какого-то твердаго холоднаго предмета. Это былъ фонарь,—спаситель фонарь, къ которому Иванъ Иванычъ тотчасъ-же преисполнился нѣжнѣйшихъ и благороднѣйшихъ чувствъ, каковыя онъ и излилъ въ трогательной съ нимъ бесѣдѣ:

— Ты... простой... чугун... ффо-нарь...—лепеталъ въ избыткѣ лиризма Иванъ Иванычъ,— а ты... м-меня... спасъ... да... эт-то фактъ. А люди хуже... и нап-пле-вать на л-людей! И я пойду... одинъ! Къ чор-р-ту провожатыхъ! Одинъ пойду!..

*

И дѣйствительно, Иванъ Иванычъ пошелъ. Вдали, съ Невскаго, подобно спасительному маяку, свѣтила ему голубоватая звѣздочка электрическаго фонаря. И вотъ Иванъ Иванычъ шелъ на эту звѣздочку, медленно и упорно отвоевывая у стихійныхъ силъ каждый свой поступательный шагъ.

Близкое знакомство и задушевная бесѣда съ фонарнымъ столбомъ оказали благодѣтельное воздѣйствіе на настроеніе духа нашего героя. Мягкій и безъ того отъ природы Иванъ Иванычъ размякъ еще болѣе. Идиллическія картины одна за другой возникали въ его воображеніи... Онъ представлялъ себя въ отставкѣ, мирно живущимъ гдѣ нибудь на окраинѣ города, въ уютномъ деревянномъ домикѣ съ садомъ... Кругомъ сирень, акаціи, а Иванъ Иванычъ лежитъ въ тѣни, въ своемъ бухарскомъ халатикѣ и раскладываетъ пасьянсъ... Вотъ онъ-же съ удочкой, стоитъ у заводи и ловитъ окуней. А кругомъ такая благодать! Солнце ласково смотритъ съ голубого неба, бѣлое облачко плыветъ... Или, въ тихій, лѣтній вечеръ Иванъ Иванычъ сидитъ у окошка и пьетъ чай съ кренделями... Синее небо темнѣетъ, вотъ, одна за другой на немъ загораются звѣздочки, чья-то нѣжная рука притрогивается къ плечу Ивана Иваныча и ласковый голосъ шепчетъ: „Ваня, пора спать!“ Хорошо!

Вдругъ въ пылу самыхъ сладостныхъ, самыхъ поэтическихъ мечтаній, Иванъ Иванычъ,

къ величайшему недоумѣнію и ужасу, увидѣлъ передъ собою лѣсъ. Прислушайтесь, господа, тутъ-то и начинаются настоящія фантасмагорическія приключенія нашего злополучнаго героя.

Да, это былъ лѣсъ, настоящій, хвойный, сѣверный лѣсъ, угрюмыя деревья котораго упирались верхушками въ темное небо, по прежнему сыпавшее мокрые хлопья снѣга! Иванъ Иванычъ не сразу сообразилъ, въ чемъ дѣло. Онъ остановился, протеръ глаза, думая не есть-ли этотъ лѣсъ плодъ его воображенія, но и протерши глаза, Иванъ Иванычъ увидѣлъ, опять-таки, тотъ-же густой, тянущійся Богъ вѣсть на какое пространство,—лѣсъ.

„Господи, да гдѣ-же я, наконецъ?“—задалъ себѣ вопросъ Иванъ Иванычъ и не могъ на него съ точностью отвѣтить. Былъ-ли онъ на елкѣ? Былъ. Игралъ въ винтъ! Игралъ, и выигралъ 2 рубля 43 коп. Потомъ ужиналъ, потомъ пошелъ домой... А дальше что? А дальше, больше ничего,—что онъ запутался, забрелъ на окраину города и попалъ въ лѣсъ.

Иванъ Иванычъ сокрушенно вздохнулъ и, замѣтивъ узкую просѣку, вошелъ въ нее. Тотчасъ-же страхъ охватилъ его. Колючія вѣтки елей задѣвали его за шубу, шапку, царапали ему лицо, хвойныя иглы какими-то неисповѣдимыми судьбами западали ему за шею и кололи спину. Иванъ Иванычъ съ самоотверженіемъ лѣзъ впередъ: долженъ-же онъ

былъ выбраться изъ этого проклятаго лѣса!

Но чѣмъ дальше углублялся Иванъ Иванычъ, тѣмъ труднѣе ему было выбраться; просѣка исчезла и злополучному герою нашему приходилось продираться сквозь густую чащу. Ноги его вязли въ сугробахъ снѣга и спотыкались о корни деревьевъ, страшная мысль о томъ, что ему, пожалуй, придется остаться здѣсь и быть съѣденнымъ волками— леденила кровь Ивана Иваныча. А снѣгъ все валилъ да валилъ и вѣтеръ завывалъ между деревьями. Самыя разнообразныя интонаціи слышались въ этомъ завываньѣ вѣтра. То, казалось, будто плачетъ ребенокъ, то словно волки воютъ. Послѣднихъ Иванъ Иванычъ, какъ человѣкъ довольно аппетитной комплекціи, боялся пуще всего. Поэтому, когда вдругъ между вѣтвями въ глаза ему блеснулъ огонекъ, Иванъ Иванычъ принялъ огонекъ за волчій глазъ, такъ испугался, что присѣлъ у корня дерева на корточки и, поднявъ воротникъ шубы, какъ страусъ, спряталъ въ него голову. Огонекъ все разростался, разростался и превратился въ фонарь, который держалъ представшій передъ Иваномъ Иванычемъ человѣкъ звѣрскаго вида и атлетическаго сложенія.

— Зачѣмъ ты пришелъ сюда? Кто таковъ?—грубо спросилъ человѣкъ.

— Я коллежскій... заблудился!—слабо пискнулъ Иванъ Иванычъ.

— Заблудился? Х-ха!—проревѣлъ разбой-

никъ (такъ какъ Иванъ Иванычъ былъ убѣжденъ, что это разбойникъ) ну, давай твою шапку!

— Зачѣмъ? Помилуйте!..—пробовалъ протестовать Иванъ Иванычъ.

Но страшный разбойникъ однимъ движеніемъ руки сорвалъ съ головы нашего героя его старенькую, нѣмецкаго бобра, шапку и моментально исчезъ, словно сквозь землю провалился.

И все исчезло, исчезло надолго, а когда Иванъ Иванычъ очнулся, то увидѣлъ себя стоявшимъ среди елокъ передъ городовымъ, который, иронически улыбаясь, спрашивалъ его:

— Господинъ, а господинъ! Гдѣ живете?

Иванъ Иванычъ мутнымъ взглядомъ повелъ вокругъ себя, увидѣлъ крыши домовъ, вывѣску съ надписью: „Магазинъ готоваго платья“, думскую каланчу, окна Публичной бубліотеки и понялъ все: онъ попалъ въ елки у Гостиннаго двора!

Ужасно смущенный, Иванъ Иванычъ полѣзъ въ карманъ панталонъ за кошелькомъ, досталъ монету, и лицо городового приняло выраженіе снисходительной готовности услужить.

— А гдѣ-же ваша шапка, господинъ? — спросилъ онъ.

— Н-не знаю!—сконфуженно пролепеталъ Иванъ Ивнычъ.

Начались поиски шапки, не увѣнчавшіеся,

однако, успѣхомъ, и бѣдный герой нашъ принужденъ былъ сѣсть на извозчика, повязавъ, какъ это дѣлаютъ бабы, голову носовымъ платкомъ...

Ключъ.

Послѣдняя спичка, бывшая въ карманѣ Мурмолкина и зажженная имъ во время восхожденія по 120 ступенькамъ лѣстницы, потухла на 85 ступенькѣ, и Мурмолкину пришлось ощупью добираться до дверей квартиры, въ которой онъ занималъ комнату. Но онъ бодро пошелъ впередъ, вполнѣ увѣренный въ томъ, что обрѣтетъ знакомую дверь, ключъ отъ которой держалъ наготовѣ. Мурмолкинъ былъ въ прекрасномъ настроеніи духа, поддерживавшимся нѣсколькими бокалами кларета, выпитыми имъ „на загладку“. Въ ушахъ его еще звучали непринужденныя рѣчи веселыхъ собесѣдниковъ, слышался смѣхъ молодыхъ дѣвицъ и припоминались отрывки музыкальныхъ пьесъ, игранныхъ на вечерѣ однимъ молодымъ піанистомъ съ необыкновенно густой шевелюрой.

— Тра та-ри-та-та!—мурлыкалъ себѣ подъ носъ Мурмолкинъ,—а какіе милые люди эти Звѣробоевы, премилые люди... право... та-ра-

ри-та-ри... и этотъ піанистъ... талантъ... положительно тал...

Мурмолкинъ ошибся одной ступенькой и клюнулъ носомъ. При этомъ движеніи цилиндръ свалился на лѣстницу. Мурмолкинъ принялся его шарить, подвигаясь въ наклонномъ положеніи. Но проклятый цилиндръ не давался въ руки, словно какая-то нивидимая сила откатывала его дальше отъ растопыренныхъ пальцевъ хозяина. Уставши ползать на четверенькахъ, Мурмолкинъ выпрямился-сдѣлалъ шагъ впередъ и вдругъ наступилъ на что-то, что издало легкій трескъ. Наклонившись, Мурмолкинъ вытащилъ изъ подъ ногъ свой 12-рублевый цилиндръ, безжалостно превращенный въ лепешку. Но Мурмолкинъ былъ въ слишкомъ хорошемъ расположеніи духа, чтобы предаваться безплоднымъ сожалѣніямъ.

Съ видомъ полнѣйшей беззаботности онъ сунулъ трупъ своего цилиндра подъ мышку и, поднявшись на площадку, остановился въ нерѣшительности. Повидимому, здѣсь должна была находиться его квартира, но дѣйствительно-ли здѣсь, вотъ вопросъ? Мурмолкинъ помнилъ отлично, что жилъ въ четвертомъ этажѣ, но былъ-ли это четвертый или третій? Во всякомъ случаѣ, это не былъ пятый, потому что лѣстница шла выше. Мурмолкинъ подумалъ еще немного и рѣшилъ, что онъ дома. Нащупавъ дверь и отыскавши въ ней замочную скважину, Мурмолкинъ всунулъ

ключъ весьма благополучно, повернулъ, и дверь открылась. Слава Богу, онъ былъ, наконецъ, дома! Въ передней былъ непроницаемый мракъ. Ощупью, на ципочкахъ добравшись до вѣшалки, Мурмолкинъ снялъ съ себя шубу, повѣсилъ и направился въ свою комнату, растопыривъ впереди руки. Но, вмѣсто дверей въ свою комнату, руки его уперлись въ стѣну и зашуршали по обоямъ.

„Что за чортъ!"—подумалъ Мурмолкинъ,—должно быть, я не туда взялъ! Ну-ко, немного лѣвѣе?

Онъ подвинулся налѣво, и ладонь его скользнула по лакированной двери шкафа.

„Ну, а если направо?"—сказалъ самъ себѣ Мурмолкинъ.

Онъ сдѣлалъ шагъ направо, и пальцы его растопыренныхъ рукъ ткнулись въ зеркало.

Мурмолкинъ остановился въ нерѣшительности. Куда идти, что предпринять? Вѣдь, вотъ тутъ, на разстояніи двухъ шаговъ дверь его комнаты, а тамъ и спички на извѣстномъ ему мѣстѣ, и свѣча, и теплая постель, и благодатный сонъ, а добраться до всего этого ужасно какъ трудно.

— Да я не туда пошелъ!—вспомнилъ вдругъ Мурмолкинъ,—вѣдь, моя комната отъ входныхъ дверей направо, а не налѣво!

Обрадованный этимъ открытіемъ, Мурмолкинъ рѣшительно повернулъ направо, наткнулся на раскрытую дверь и со вздохомъ облегченія смѣло сдѣлалъ нѣсколько шаговъ

впередъ, разсчитывая тотчасъ-же наткнуться на столъ со спичками. Но стола, къ величайшему удивленію Мурмолкина, не оказалось и комната его приняла необычайно широкіе размѣры. Пожалуй, это даже была вовсе не его комната, такъ какъ подвигавшемуся впередъ Мурмолкину приходилось безпрестанно натыкаться на такіе предметы, которыхъ у него никогда не бывало: онъ задѣлъ ногою дѣтскій учебный столикъ, повалилъ деревянную лошадку и отъ грохота пришелъ въ такое разстройство, что на него словно нашелъ столбнякъ. Не зная какъ выйти изъ этой комнаты, Мурмолкинъ достигъ стѣны и, обшаривая ее, подвигался впередъ. Изъ-подъ его пальцевъ валились: географическая карта, картины, портреты, въ одномъ мѣстѣ онъ до крови накололъ руку на гвоздь, въ другомъ— что-то больно треснуло его по животу, но всѣ препятствія были преодолѣны, и Мурмолкинъ, обозленный, испуганный и утомленный, очутился... опять-таки, въ какой-то не своей комнатѣ.

„Да гдѣ-же окно? Хоть-бы увидѣть окно!"—съ отчаяніемъ подумалъ Мурмолкинъ и увидѣлъ, наконецъ, грязновато-мутный квадратъ окна, которое ничего ему не объяснило и не освѣтило. То скользя рукою по крышкѣ рояля, то задѣвая и роняя цвѣты, то дотрогиваясь до какихъ-то альбомовъ и пепельницъ, Мурмолкинъ бродилъ все вокругъ этой заколдованной комнаты, напрасно

отыскивая выходъ и рѣшительно недоумѣвая, какъ онъ сюда попалъ.

Онъ чувствовалъ себя совершенно обезкураженнымъ, потеряннымъ и страшно изнеможеннымъ. Ноги его подкашивались, все тѣло было какъ-бы избито. „Господи, хотьбы сѣсть на минуту!"—подумалъ Мурмолкинъ, и ему вдругъ представилось, что около него стулъ, онъ присѣлъ на пустое пространство и чуть не растянулся на паркетѣ.

— Чортъ!—выругался Мурмолкинъ,—найду-же я какое-нибудь сѣдалище!

Онъ самымъ тщательнымъ образомъ сталъ обшаривать комнату, дѣйствительно нашелъ что-то вродѣ стула и сѣлъ съ наслажденіемъ. Черезъ минуту, осторожно ощупывая вокругъ себя, онъ сдѣлалъ необыкновенно пріятное открытіе, что сидѣлъ на диванѣ, да еще довольно длинномъ, да еще съ подушкой, а черезъ пять минутъ Мурмолкинъ уже спалъ на этомъ диванѣ въ позѣ новорожденнаго младенца, согнувъ ноги калачикомъ и подложивъ кулакъ подъ щеку. Райскіе сны снились Мурмолкину. Онъ видѣлъ, что дѣвица въ свѣтло зеленомъ платьѣ, бывшая на вечерѣ, превратилась въ гурію и, граціозно изогнувъ станъ, машетъ на него опахаломъ, онъ видѣлъ, что рой какихъ-то эфирныхъ существъ поетъ въ честь его кантату, а онъ стоитъ на балконѣ въ Севильѣ и привѣтствуетъ ихъ своимъ приплюснутымъ цилиндромъ, онъ слышалъ нѣжные, дѣтскіе голоса,

но уже не во снѣ, а на яву, когда тусклая, зимняя заря занималась въ окнѣ.

— Ня—ня! А скоро чай?—звонилъ голосокъ дѣвочки,—няня! Нянюшка!

И вдругъ: трр... трр... и въ залу, верхомъ, на деревянной лошадкѣ, въѣхалъ прелестный, черноглазый пятилѣтній мальчуганъ.

Паническій ужасъ объялъ Мурмолкина... онъ вспомнилъ, что въ его квартирѣ вовсе не было дѣтей!

На всякій случай Мурмолкинъ закрылъ глаза и представился спящимъ.

Мальчикъ доѣхалъ до середины залы, наивно радостнымъ, бывающимъ только у дѣтей, взглядомъ обвелъ комнату и вдругъ замеръ на мѣстѣ. Онъ увидѣлъ Мурмолкина.

Ни слова не говоря, мальчикъ слѣзъ съ коня и тихонько вышелъ. Но черезъ минуту онъ вернулся, ведя за руку такую-же, какъ онъ самъ, черноглазую, хорошенькую дѣвочку лѣтъ семи.

— Соня, это кто? — шепотомъ спросилъ братъ.

— Не знаю!—тихо отвѣчала дѣвочка.

— Онъ спитъ?

— Да.

— Подойдемъ поближе?

— Нѣтъ, ты! Я не хочу!..—нерѣшительно отвѣчала сестра.

Мальчикъ сдѣлалъ шагъ впередъ и остановился.

— У него усы!—шепотомъ сообщилъ онъ сестрѣ.

— И борода!—сказала та.

— А какой онъ желтый!

— Онъ больной!—рѣшила сестра.

— Его папа будетъ лечить? — спросилъ мальчикъ.

— Смотри, у него рукавъ бѣлый-бѣлый!

— И колѣно тоже!

Въ эту минуту дверь отворилась и Мурмолкинъ, сквозь прищуренныя вѣки, увидѣлъ вошедшую старушку-няню въ чепцѣ и передникѣ.

— Дѣти,—начала няня,—ступайте чай...

Но вдругъ голосъ ея оборвался, на лицѣ выразился ужасъ. Она подняла обѣ руки кверху, потомъ схватила дѣтей, и она и дѣти исчезли за дверью.

Въ квартирѣ наступила тишина.

Мурмолкинъ поднялся съ дивана, посмотрѣлъ на рукавъ, потомъ на колѣно, которые дѣйствительно были въ известкѣ, вычистилъ и тотъ и другое, пересѣлъ на стулъ и застылъ въ позѣ скромнаго молодого человѣка.

Что было дѣлать? Бѣжать сейчасъ, сію минуту, пока не пришелъ хозяинъ чужой квартиры, не собрались люди, но кто могъ поручиться, что въ передней не сидитъ горничная, которая подниметъ крикъ, переполошитъ всю квартиру, созоветъ швейцара, дворниковъ и его не примутъ за вора?

Нѣтъ, нужно было сидѣть и терпѣливо

ждать своей участи. Мурмолкинъ вспомнилъ, чте при немъ пэнсъ-нэ и, чтобы придать себѣ видъ порядочнаго человѣка, — надѣлъ его на носъ. Затѣмъ онъ мѣнялъ десять позъ, одна другой непринужденнѣе, пока не услышалъ въ сосѣдней комнатѣ тяжелые, мужскіе шаги. Тутъ самообладаніе рѣшительно покинуло его: дрожь пробѣжала по всему тѣлу, онъ вскочилъ и остановился въ виноватой позѣ. Въ залу вошелъ высокій плотный мужчина среднихъ лѣтъ, заперъ за собою дверь и остановился передъ Мурмолкинымъ, скрестивъ на груди руки.

— Милостивый государь,—басомъ вопросилъ мужчина,—какъ вы попали въ мою квартиру?

Мурмолкинъ вытащилъ изъ кармана панталонъ ключъ и молча протянулъ его вошедшему.

— Ключъ?—приподнялъ тотъ брови,—гм! ключъ!

Мурмолкинъ почувствовалъ, что провалился окончательно...

Пріютъ для дѣвицъ.

На одной изъ окраинъ города, за длиннымъ заборомъ, изъ-за котораго торчатъ голыя деревья сада, возвышается дикаго цвѣта двухъэтажный деревянный домъ съ внушительной

надписью на фронтонѣ: „пріютъ и частный пансіонъ для дѣвицъ баронессы фонъ-Фирбокъ". Если вы остановитесь прямо передъ фасадомъ и станете смотрѣть на окна безъ всякихъ украшеній, имѣющихъ самый уныло-казенный видъ, то ваше присутствіе вызоветъ неизбѣжно появленіе двухъ-трехъ изумленныхъ, блѣдныхъ физіономій, которыя, исчезнувъ, привлекутъ еще двѣ-три физіономіи и затѣмъ вдругъ всѣ испарятся, а вмѣсто нихъ останется только одна фигура,—милой, стройной дѣвушки въ черномъ платьѣ. Это питомицы пріюта и ихъ учителиница. Иногда, впрочемъ, въ какомъ-нибудь изъ оконъ мелькнетъ фигура сердитой старухи въ чепцѣ или проплыветъ дебелая дама въ черной фаншонкѣ,—но это случается очень рѣдко, а во все остальное время казенныя окна, какъ глаза мертвецовъ, безжизненно смотрятъ на пустынную улицу, оживляемую разъ въ день процессіей пріютскихъ дѣвицъ,—въ темныхъ бурнусахъ и капорахъ, — сопровождаемыхъ той-же самой учительницей.

Бѣдная! Томимая жаждой просвѣтительной дѣятельности, барышня явилась съ предложеніемъ услугъ къ начальницѣ пріюта. Дебелая дама въ фаншонкѣ встрѣтила искательницу съ видомъ, преисполненнымъ необыкновеннаго достоинства. Отъ нея несло холодомъ полярныхъ странъ, вся она, начиная съ кончика надменнаго носа и кончая складкой своего чернаго платья, напоминала мраморную ста-

тую. Она не пригласила молодую дѣвушку даже сѣсть.

— Вамъ угодно поступить въ нашъ пріютъ?—холодно спросила она.

— Да... я-бы хотѣла... — запинаясь отвѣчала дѣвушка.

— Ваши бумаги въ порядкѣ,—сказала дама, небрежно просматривая документы,— но это еще ничего не значитъ. Предупреждаю васъ, что если у васъ есть какія-нибудь идеи... такія... вы понимаете,—то я должна буду отказаться отъ вашихъ услугъ.

— У меня нѣтъ... идей! — робко прошептала дѣвушка.

— Въ самомъ дѣлѣ? Тѣмъ лучше!.. А зачѣмъ вы носите чолку?

— Такъ... я не знаю... такъ принято.

— Только не у насъ, — холодно отчеканила дама,—у насъ чолокъ не носятъ. Это считается неприличнымъ! Вы должны причесываться гладко.

— Хорошо. Я перемѣню прическу.

— Затѣмъ вы должны сшить себѣ форменное платье. У насъ строго соблюдается форма. Позвоните, пожалуйста!

Дѣвушка позвонила. Вошла сердитая старуха въ чепцѣ и форменномъ платьѣ.

— Марья Петровна! — обратилась къ ней дама, — рекомендую, — новая учительница! (Старуха бросила на дѣвушку взглядъ василиска, который превратился въ подобостраст-

ный взглядъ собаки, когда она его перевела на начальницу).

— Разскажите ей о нашихъ порядкахъ, покажите помѣщеніе, познакомьте съ воспитанницами! Я такъ устала, такъ устала!

— Ваше превосходительство, отдохните! Пожалѣйте себя для малютокъ! — сиплымъ голосомъ простонала старуха.

— Ахъ, да! Наши бѣдныя малютки? Это правда, мы съ Марьей Петровной не жалѣемъ себя для нихъ! Мы живемъ для нихъ, дышимъ ими! У меня, кажется, начинается тикъ!

Марья Петровна ужомъ скользнула въ сосѣднюю комнату и принесла флаконъ съ солью.

— Благодарю!—(Дама нюхнула и закатила глаза),—благодарю. Можете идти, Марья Петровна!

Старуха взяла дѣвушку на буксиръ и повела по комнатамъ пріюта. „Бѣдныя малютки", изъ которыхъ нѣкоторымъ было 16 лѣтъ, апатично смотрѣли на учительницу. Въ дортуарахъ было холодно, въ классахъ также; дебелая дама всюду развела полярную температуру. Марья Петровна привела дѣвушку въ ея комнату и сѣла въ кресло.

— Вы очень, очень молоды! — заговорила она, качая чепцомъ и не спуская съ дѣвушки взгляда василиска,—вамъ трудно будетъ привыкнуть къ нашимъ порядкамъ! Ахъ, какъ вы молоды!—еще разъ укоризненно покачала она головой,—вы немного старше нашей Трегубовой. А это такая своевольная, мерзкая,

капризная дѣвчонка! Удивляюсь, какъ ее держитъ ея превосходительство! Но она такъ добра, такъ добра! Это ангелъ! Не правда-ли, она произвела на васъ такое впечатлѣніе? Вы сошьете себѣ форменное платье, разъ (старуха подняла костлявый палецъ), уничтожите чолку, — два — будете носить всегда чистые воротнички и рукавчики, и никакихъ украшеній, сохрани Богъ — (старуха произнесла это съ ужасомъ) — никакихъ украшеній! Если вы хотите, чтобы всѣ любили васъ, будьте ласковы со всѣми и почтительно относитесь къ генеральшѣ! Вы не читаете романовъ! Сохрани Богъ—не читайте романовъ! Надѣюсь, къ вамъ не ходятъ мужчины, хотя-бы вашъ отецъ или братъ? Мужчины сюда не допускаются ни подъ какимъ, ни подъ какимъ видомъ!

Старый евнухъ въ юбкѣ и чепцѣ такъ сильно закачалъ головой, что дѣвушка не на шутку испугалась, чтобы та не отвертѣлась.

— До свиданья, моя милая! Завтра же сшейте себѣ форменное платье!—сказала старуха, выползая изъ комнаты.

Дѣвушка, пригорюнившись, сѣла на кровать. Учительницѣ хотѣлось злиться, кричать, плакать. Мерзлыя вѣтви деревьевъ, качаясь отъ вѣтра, стучали въ окно и какъ-бы шептали: „терпи, терпи до конца! Ты бѣдна, ты ищешь хлѣба!“

Дѣвущка скоро узнала порядки пріюта. „Малютокъ“ учили всему по-немножку, но больше всего французскому языку и руко-

дѣлью. Выпускныя умѣли говорить „bonjour“ и вышивали салфеточки въ четыре вершка въ квадратѣ. Когда „малютки“ начинали кашлять, ихъ лѣчили тѣмъ, что привязывали каждой на шею ладонку съ лукомъ, — это было геніальное изобрѣтеніе самой баронессы фонъ-Фирбокъ. Марья Петровна, въ качествѣ надзирательницы дежурившая днемъ, съ 9-ти часовъ вечера ложилась спать въ форменномъ платьѣ,—вслѣдствіе чего баронесса и дебелая дама были убѣждены, что она дежуритъ по ночамъ и обѣ расточали ей похвалы за такую жертву на пользу „святого дѣла“. Вообще, всѣ были убѣждены, что дѣлаютъ „святое дѣло“, даже поваръ, рѣзавшій куръ! Когда пріѣзжала баронесса, — лицемѣріе и ложь, гнѣздившіяся въ каждомъ уголкѣ пріюта, поднимались и какъ ядовитыя испаренія распространялись повсюду.

Швейцаръ опрометью кидался къ каретѣ баронессы, отворялъ дверцу и бережно, какъ самую хрупкую вещь на свѣтѣ, чуть не выносилъ изъ кареты бодрую и отлично владѣвшую ногами старуху. На площадкѣ лѣстницы Марья Петровна, съ ангельской улыбкой на умиленной физіономіи припадала къ ручкѣ благодѣтельницы и „святой женщины“ и, поддерживая подъ локотокъ, вела ее во внутреннія апартаменты. Дебелая начальница дѣлала баронессѣ глубокій реверансъ и голосомъ, дрожавшимъ отъ избытка чувствъ, спрашивала:

— Вы не утомлены, баронесса? Нѣтъ?

Ахъ, Боже мой, вы сдерживаетесь, это видно! Столько жертвъ, Боже мой, столько жертвъ ради „святого дѣла!“

И баронесса дѣлала видъ, что ужасно утомлена. Она откидывала голову на спинку кресла и отдыхала нѣсколько минутъ подъ наблюденіемъ дебелой дамы. Затѣмъ баронесса вдругъ открывала глаза и тономъ героини, рѣшившейся на самопожертвованіе, говорила:

— Я пойду къ *нимъ*! Я хочу ихъ видѣть!

— Баронесса! — съ чувствомъ восклицала дебелая дама, прижимая сухія руки къ сухой груди,—ради Бога, не утруждайте себя, отдохните еще! Щадите ваше драгоцѣнное для всѣхъ насъ здоровье! Мнѣ страшно подумать, если вы... Нѣтъ, нѣтъ!

И дебелая дама трагически заламывала руки.

Но баронесса, твердая сознаніемъ исполненія своего долга, сознаніемъ „святости“ дѣла, поднималась и шла въ классы.

„Малютки“ дѣлали реверансы, „малютки“ подходили къ ручкѣ и говорили заученныя подъ руководствомъ Маріи Петровны цвѣтистыя фразы благодарности... Нѣкоторыя „малютки“ даже плакали отъ избытка благодарныхъ чувствъ такъ художественно-правдиво, что приводили въ удивленіе саму наставницу.

Умиленная до глубины души, баронесса, спускалась въ сопровожденіи той-же свиты. по лѣстницѣ до передней уносилась швейцаромъ въ карету, дверцы хлопали, и вороные кони баронессы мчали ее дальше.

А молодая учительница приходила въ свою комнату, и опять ей хотѣлось злиться, кричать, плакать, и опять голые сучья деревьевъ шептали ей свою скучную пѣсню: „примирись, терпи до конца!“

Но она не примирилась. Она не сшила себѣ форменнаго платья и не стала носить рукавчиковъ. Марья Петровна долго косилась, — наконецъ, не выдержала соблазна и снаушничала.

— А вы все еще не въ формѣ, моя милая?— спросила однажды у дѣвушки дебелая дама.

— Нѣтъ еще!—отвѣчала та.

— Ахъ, это очень неудобно! Вы знаете, завтра пріѣдетъ баронесса,— кромѣ того, вы безъ рукавчиковъ?

Дѣвушка молчала. Дебелая дама сокрушенно покачивала головой, но въ холодныхъ, сѣрыхъ глазахъ ея уже поблескивалъ злобный огонекъ.

— Вы, кажется, много читаете по ночамъ?— спросила она.

— Да, читаю.

— Это можетъ служить дурнымъ примѣромъ для малютокъ.

— Я читаю въ своей комнатѣ, одна.

— Все равно, я попрошу васъ прекратить.

— А я попрошу возвратить мои бумаги.

— Вы уходите? Хорошо!

Дебелая дама встала и съ достоинствомъ поплыла вонъ изъ комнаты. Но на порогѣ она остановилась. Христіанское чувство взяло

перевѣсъ, ей стало жаль бѣдную „погибшую“ дѣвушку и она съ ангельской улыбкой кротко-снисходительно покачала ей головою на прощаніе.

И теперь, когда вы остановитесь передъ фасадомъ деревяннаго, дикаго цвѣта дома и станете смотрѣть на окна, то среди двухъ, трехъ блѣдныхъ физіономій „малютокъ“ увидите лицо новой учительницы, сухой и злобной старой дѣвы въ форменномъ платьѣ, воротничкѣ и рукавчикахъ...

Воръ.

Юліанъ Филимоновичъ Ветла, землевладѣлецъ бессарабской губерніи, человѣкъ почтенныхъ лѣтъ и почтеннаго ранга, пріѣхалъ въ Петербургъ по дѣламъ, и прямо съ вокзала отправился къ другому Ветлѣ, своему дядѣ, прихвативъ съ собою кстати и весь свой багажъ. Дѣло въ томъ, что Юліанъ Филимоновичъ страшно боялся воровъ и въ качествѣ провинціала, никогда не бывавшаго въ столицѣ, не довѣрялъ гостиницамъ, прохожимъ и извощикамъ.

„Всѣ шельмы“!—мысленно разсуждалъ Ветла,—въ гостиницахъ обсчитаютъ,—какъ пить дадутъ,—прохожій обворуетъ такъ, что и не замѣтишь, а извощикъ—убьетъ и ограбитъ,—что съ него взять!

Поэтому, прежде чѣмъ нанять извощика,

Ветла долго присматривался къ физіономіи, соображая, сколько могло быть извощику лѣтъ, какого онъ тѣлосложенія и проч., и выбралъ тщедушнаго парнишку, который долго плуталъ съ нимъ по Петербургской сторонѣ, пока, наконецъ, при помощи безчисленныхъ справокъ у городовыхъ и дворниковъ не привезъ его въ Ординарную улицу и не высадилъ у воротъ небольшого деревяннаго дома.

Какъ только извощикъ остановился у воротъ,—во всѣхъ четырехъ окнахъ дома появились любопытствовавшія физіономіи всѣхъ половъ и возрастовъ. Это было многочисленное семейство другого Ветлы — сенатскаго чиновника, человѣка тоже почтенныхъ лѣтъ, но, къ сожалѣнію, не особенно почтеннаго ранга. Въ угловомъ окнѣ торчало сморщенное, какъ печеное яблоко, лицо бабушки Ѳеодуліи Самсоновны, которое Юліанъ Филимоновичъ, по роковой ошибкѣ, принялъ за кактусъ громадныхъ размѣровъ; изъ-за лица бабушки стыдливо высовывались поблекшія и пожелтѣвшія словно отъ постояннаго пребыванія въ табачномъ дыму физіономіи двухъ незамужнихъ тетокъ: Секлетеи и Перепетуи, въ слѣдующемъ, затѣмъ, окнѣ обозначалась физіономія дядиной жены Иракліи Севастьяновны, окруженная лицами дѣтей въ количествѣ пяти штукъ, начиная съ двухъ старшихъ дочекъ,—24 и 20 лѣтъ и кончая тремя мальчиками въ возрастѣ отъ 15 до 10 лѣтъ; еще въ слѣдующемъ окнѣ торчала одинокая, обрюзг-

шая, словно заросшая чертополохомъ, фигура брата дядиной жены Семена Севастьяновича и, наконецъ въ четвертомъ, съ приплюснутымъ къ стеклу носомъ и съ рыбьей чешуей въ спутанныхъ волосахъ, такъ и лѣзла на улицу скуластая физіономія кухарки Мавры, а сзади нея, какъ на стеблѣ увядающаго цвѣтка, на тонкой шеѣ качалась блѣдная головка дѣвочки-подростка, горничной всѣхъ имѣвшихся въ домѣ барышенъ.

И на всѣхъ этихъ лицахъ застыло выраженіе одного и того-же, мучительнаго для всѣхъ вопроса: „Неужели это къ намъ?“

— „Ишь они въ окна повылѣзли, словно на чудо какое смотрятъ!—съ неудовольствіемъ думалъ, между тѣмъ, пріѣзжій, вытаскивая ноги изъ санокъ, — не знаю ужь, какъ я у нихъ устроюсь... Тѣсненько будетъ, да что-же станешь дѣлать, ежели тутъ всѣ шельмы“!..

Пріѣзжій позвонился, — всѣ опрометью бросились ему отворять и начались обычные поцѣлуи и объятія. Къ обѣду пришелъ хозяинъ, Ветла № 2, поморщился, но, все-таки, облобызался съ племянникомъ и спросилъ:

— Остановишься, конечно, у меня?

— Да я ужь остановился!—отвѣчалъ Ветла № 1;—у васъ, дядя, въ столицѣ столько шельмъ, что я и не подумалъ о гостиницѣ!

— Отлично, отлично! Такъ и слѣдовало... по родственному! — замѣтилъ дядя, съ жадностью глотая горячій борщъ и въ то-же

время думая:—„и нанесъ же Господь этакую напасть! Куда я его положу!“...

Вопросъ о томъ, куда положить гостя, занималъ умы всего семейства и въ особенности Ираклiи Севастьяновны, что сдѣлало ее чрезвычайно разсѣянной. Такъ, между прочимъ, на вопросъ тетушки Секлетеи, собирается ли она ѣхать завтра на именины къ папашѣ, Ираклiя Семеновна задумчиво отвѣчала:

— Въ угловой, на диванѣ!

И этимъ обнаружила тайный умыселъ „положить“ гостя въ ту священную обитель, которую населяли обѣ престарѣлыя дѣвственницы, что моментально привело ихъ въ состоянiе безмолвной ярости.

Впрочемъ, къ вечернему чаю вопросъ былъ улаженъ и мирное настроенiе сообщилось всей семьѣ. Выручила Мавра, предложившая перетащить кушетку изъ гостиной въ комнату, гдѣ спалъ Семенъ Севастьяновичъ съ тремя мальчиками и на эту кушетку положить гостя. А такъ какъ тотъ былъ довольно длиненъ, а кушетка коротка, то блестящая идея Мавры дополнить кушетку кухоннымъ табуретомъ была привѣтствована шумными одобренiями всей семьи.

За чаемъ всѣ чувствовали себя прекрасно, а въ особенности гость, длинно и нескладно разсказывавшiй о своихъ путевыхъ впечатлѣнiяхъ.

— Одного я боялся,—разсказывалъ гость,—но слава Создателю, этого не случилось...

Боялся я, что меня въ дорогѣ обокрадутъ!.. Вотъ что!

— Гм! Это бываетъ!—подтвердилъ Семенъ Севастьяновичъ, — да-да, случается! Ѣхалъ я тоже какъ-то, далеко ѣхалъ, и со мною сидѣлъ одинъ господинъ съ длиннымъ такимъ ящикомъ. Разговорились о ворахъ и все такое. Господинъ этотъ и говоритъ... „Я, говоритъ, не боюсь, потому деньги везу не въ сумкѣ, а въ этомъ ящикѣ. Ну, а кому придетъ въ голову, что тутъ деньги? Хе, хе“! Сказалъ и ладно! А черезъ четверть часа, смотрю, вскочилъ блѣдный такой... „Гдѣ, говоритъ, мой ящикъ“!.. Да какъ завопитъ!.. А ящикъ-то... а ящикъ-то... хе-хе... ящикъ тютю!.. Т*ого*, значитъ!.. Хе, хе!

Юліанъ Филимоновичъ тревожно, съ недовѣріемъ, посмотрѣлъ на разсказчика, провелъ ладонью по груди и слегка отодвинулся.

— Д-да!—сказалъ онъ задумчиво,—шельмовъ много!

— Шельмовъ? — прошамкала бабушка, — шельмовъ сколько угодно, батюшка!

— Сколько угодно!—подтверждалъ Ветла № 2, особенно у насъ тутъ, въ столицѣ!

— Цѣпочки отрѣзываютъ!—сказалъ старшій сынъ.

— Кошельки въ церквахъ даже вытаскиваютъ!—замѣтила тетушка Перепетуя, у меня въ прошломъ году...

— Это что, а у меня какъ-то бумажникъ

на улицѣ выхватили? Съ ногъ сшибли!—воскликнулъ дядя.

— Намедни въ сосѣдскую квартиру залѣзъ воръ-отъ!—вставила пришедшая за посудой Мавра,—все до единой штучки обчистилъ, окаянникъ!..

— О-о!—простоналъ Юліанъ Филимоновичъ, все сильнѣе и сильнѣе надавливая ладонью на грудь и чувствуя, какъ холодный потъ выступаетъ на его лысинѣ,—ахъ, шельмы, шельмы! Ска-а-жите на милость!..

Въ такомъ духѣ разговоръ продолжался еще нѣкоторое время и прекратился тогда, когда дядя всталъ и объявилъ, что пора на покой.

Юліанъ Филимоновичъ пришелъ въ комнату гдѣ долженъ былъ провести ночь, осмотрѣлъ ее подробнѣйшимъ образомъ, попробовалъ окно, хотя оно и было до половины занесено снѣгомъ, хотѣлъ даже заглянуть подъ кушетку, но постѣснился присутствовавшихъ и, въ послѣдній разъ бросивъ недовѣрчивый взглядъ на Семена Севастьяновича, съ миромъ улегся на свое ложе.

Утомленный путешествіемъ и продолжительной бесѣдой, Юліанъ Филимоновичъ заснулъ очень скоро, но, все-таки, не раньше, пока не услышалъ въ темнотѣ храпъ Семена Севастьяновича и не убѣдился въ томъ, что всѣ въ квартирѣ спятъ. Сонъ Юліану Филимоновичу приснился путаный и нелѣпый. То ему казалось, что онъ у себя въ Бессарабіи споритъ изъ-за чего-то съ молдаванами-рабо-

чими, то какъ будто Семенъ Севастьяновичъ щекотитъ его подъ мышкой, а мальчишка-извощикъ смѣется и кричитъ: „такъ его, такъ его... А ну-ко еще!“...

„Тьфу, какой глупый сонъ!“—во снѣ-же подумалъ Ветла и перевернулся нс другой бокъ. И вдругъ онъ почувствовалъ, какъ откуда-то потянуло холодомъ, какъ будто что раскрылось, что-то не то треснуло, не то скрипнуло, и...

— Воры!—дикимъ фальцетомъ крикнулъ Ветла, вскакивая съ кушетки,—кар-раулъ, воры!

— Воры!—отозвался басъ Семена Севастьяновича—держи!

— Ай, воры!—взвизгнули въ сосѣдней комнатѣ Секлетея и Перепетуя.

— Воры!—послышался откуда-то издали голосъ дяди.

Юліанъ Филимоновичъ схватился за грудь,—ладонка съ кредитками была цѣла, — но кто-то не то жесткой, не то шаршавой рукой схватилъ его за носъ, и Ветла, вырвавшись, бросился къ двери.

— Дер-жи!—раздался за нимъ голосъ Семена Севастьяновича.

— Дер-жи!—изо всѣхъ силъ крикнулъ Юліанъ Филимоновичъ,—попалъ растопыренными руками въ чью-то шею и принялся душить, пока не убѣдился, что тотъ, кого онъ душитъ,—была женщина, которая, однако, не осталась въ долгу и укусила его за палецъ. Юліанъ Филимоновичъ бросился впередъ, за-

дѣлъ за столъ, опрокинулъ его и разбилъ что-то стеклянное, должно быть, лампу,—поскользнулся на что-то пролитое, упалъ, увлекая за собою стулъ, этажерку съ книгами, столикъ съ какой-то дребеденью, вскочилъ и хотѣлъ бѣжать, но тутъ на него насѣлъ кто-то, какъ медвѣдь, и принялся тузить въ голову.

-- Ай, ай, уби-ва-а-ютъ! Помо-ги-и-те!— кричалъ фальцетомъ Ветла, стараясь освободиться отъ нападавшаго и попадая руками то въ бороду его, то въ волосы,—по-мо-ги...

Тутъ произошло что-то дикое, невообразимое: нѣсколько человѣкъ разнаго пола свалились въ одну кучу и барахтались, и катались по полу, и душили и колотили другъ друга куда попало. Вотъ Юліанъ Филимоновичъ только что отбился отъ бородатаго человѣка, сунувъ его головою подъ стулъ, какъ вдругъ запнулся на что-то мягкое, что издало пискъ, похожій нѣсколько на голосъ бабушки Ѳеодуліи, схватилъ въ объятія чьи-то голыя ноги, запутался въ какихъ-то одѣяніяхъ, получилъ здоровую оплеуху и, какъ ему показалось, поймалъ, наконецъ, вора.

— Держу, держу,—кричалъ онъ,—вотъ онъ шельма!... Держу! Дядя... тетя... огня... вырывается... стой... сто-о-о-й!..

И вдругъ въ воздухѣ начала свистать и ложиться направо и налѣво по головамъ, бокамъ и плечамъ какая-то мягкая штука похожая на голенище сапога... Вотъ эта штука легла со всего размаха на спину Юліана Филимоновича, задѣла и разбила зеркало, послышались

визги, крики, оханья—и все внезапно освѣтилось...

Это Мавра, въ спустившейся съ плечъ рубахѣ и со свѣчею въ рукѣ, дрожащая отъ страха, появилась на порогѣ.

Вся описанная здѣсь и занявшая столько мѣста сцена, произошла въ теченіе какихъ-нибудь трехъ, пяти минутъ,—но картина, которую освѣтила Мавра, представляла собой нѣчто невообразимое.

Въ гостиной, гдѣ происходила главная схватка, все было сдвинуто, перековеркано, разбито. Посрединѣ комнаты, съ поднятымъ кверху сапогомъ, въ позѣ замахивающагося человѣка, стоялъ Ветла № 2; на полу, на подобіе кулька лежала, стоная, бабушка Ѳеодулія Самсоновна, остальныя дамы, въ истерзанномъ дезабильѣ, испуская стенанья и крики, составляли отдѣльную, забившуюся въ уголъ группу. Среди обломковъ стула виднѣлась истерзанная, избитая, съ огромнымъ кровоподтекомъ на лбу, фигура Юліана Филимоновича въ одномъ бѣльѣ; Семенъ Севастьяновичъ, также порядкомъ пострадавшій, сидѣлъ на диванѣ и прикладывалъ рукавъ рубашки къ носу, изъ котораго шла кровь

— Господи Іисусе Христе!—возопила Мавра—съ нами крестная сила!

— Гдѣ воры?—прохрипѣлъ дядя, дѣлая воинственное движеніе сапогомъ.

— У-у... шелъ!—простоналъ Юліанъ Филимоновичъ.

— Ку-да?

— Да Господь съ вами, господа! Какой воръ! Никакого вора не было! Приснилось знать, вамъ!—успокоивала Мавра, — никого нѣтути... Всѣ двери заперты...

— Я его... за... бороду держалъ!—подалъ голосъ Ветла.

— Это вы меня за бороду держали!—отозвался Семенъ Севастьяновичъ

— Неправда! Воръ былъ! Я его за палецъ укусила!—воскликнула Секлетея.

— Тетушка, это вы меня за палецъ укусили! Посмотрите!—протянулъ руку Ветла.

— Гдѣ-же воръ?—допытывался дядя, все еще держа поднятымъ свое оружіе,—значитъ не было вора?

— Должно быть, не было!—сказалъ Ветла.

— Такъ это все ты, Юліанъ? Ты поднялъ крикъ?—укорительно замѣтилъ дядя, кидая сапогъ на полъ,—эхъ, Юліанъ, Юліанъ, я давно тебя убѣждалъ, помнишь,—сократи свое воображеніе! Сократи, Христа ради!.. Ну, и вотъ теперь! Подымите-ка бабушку, жива-ли еще?

Бабушку подняли и она оказалась живою, только слегка помятою.

Ветла стоялъ понуривъ голову, пока не сообразилъ все неприличіе своего костюма въ дамскомъ обществѣ. Тогда онъ медленно удалился, одной рукой притрогивая шишку на лбу, а другою ощупывая ладонку...

КОНЕЦЪ.